

ЗАРУБЕЖНАЯ
ФАНТАСТИКА

ПРАКТИЧНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

ПРАКТИЧНОЕ
ИЗОБРЕТЕНИЕ

Сборник
научно-фантастических
рассказов

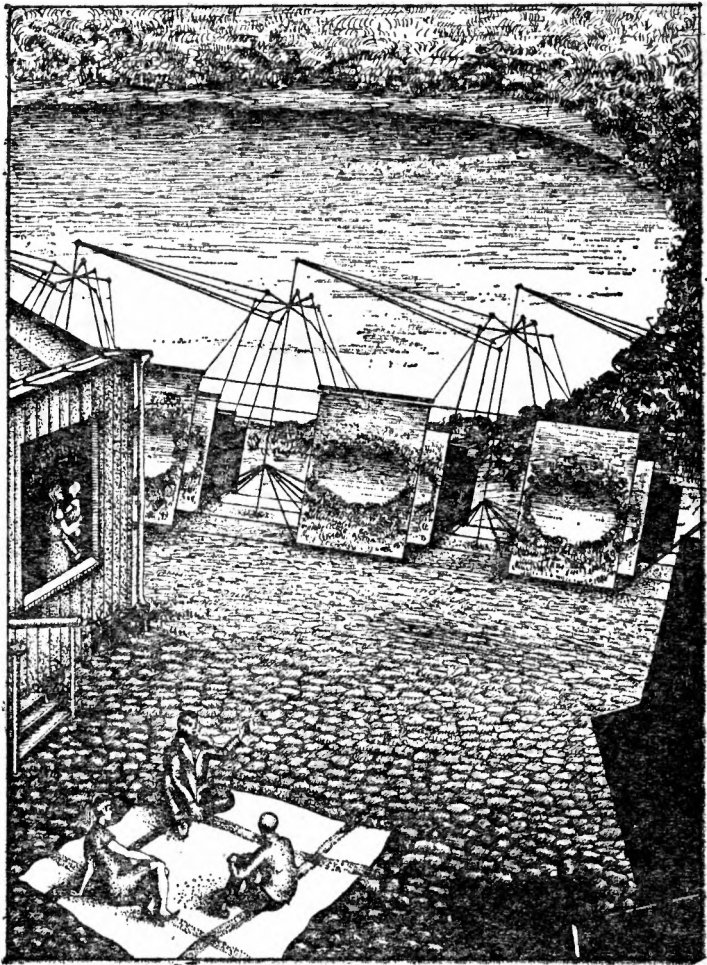
ИЗДАТЕЛЬСТВО
·МИР·

МОСКВА
1974

Безжалостное небо
Зеркальное отражение
Рукопись Клитарха
Ошибка профессора
Фэйрбенка
Как быть с «Эйфи»!
Туда и обратно
Странная жатва
Инвариантный

Практичное изобретение
Конфликт между закона-
ми
Короткое замыкание
Звуковая машина
Телеуправляемая корри-
да
Обновитель
Свет былого

ПРАКТИЧНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

Сборник научно-фантастических
рассказов

Составление и предисловие
Е. Брандиса и В. Кана

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
МОСКВА 1974

Сб 3
П 69

П69 Практичное изобретение. Сборник науч.-
фантаст. рассказов. Составл. и предисл. Е. Бран-
дуса и В. Кана. М., «Мир», 1974.
260 с. (Зарубежная фантастика)

В сборник «Практичное изобретение» входят рас-
сказы, посвященные фантастическим изобретениям,
ставящие проблему моральной ответственности уче-
ного перед человечеством.

П $\frac{70304-195}{041(01)-74}$ 195—74

Сб 3

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

© Перевод на русский язык, «Мир», 1974

Изобретения начинаются с фантазии. Фантастика в древнейших первоисточниках начинается с изобретательской мечты. Мы не знаем, кто изобрел колесо, но, бесспорно, это был гениальный изобретатель. Мы не знаем, кто придумал миф об Икаре, но, несомненно, это был великий фантаст.

В мифах и сказках воплотились прототипы гипотез, по прошествии многих столетий возрожденные в новом качестве — как смелые задания науке и технике, а затем — как модели ситуаций, рисующие воображаемые последствия воображаемых изобретений и открытий.

От изобретательской мечты давно минувших веков к инженерно-технологической фантастике сравнительно недавнего прошлого, а от нее — к литературе нашего времени, рассматривающей деятельность ученых в нравственно-психологическом и социальном аспектах — таковы в историческом плане важнейшие вехи в развитии изобретательской темы. Не вдаваясь в подробности, проследим ее трансформацию, чтобы нагляднее показать, какие резкие сдвиги произошли за последние десятилетия в этой области литературного творчества, прочно связанной с современным научным мышлением и чутко улавливающей перемены в общественном сознании.

«Волшебная сказка, — пишет советская исследовательница Т. Чернышева, — поднимает те же проблемы, над решением которых вот уже много лет бьется научная фантастика: проблема времени и пространства, жизни и смерти человека (перенесение героя в одно мгновение в три-

десятое царство, сапоги-скороходы, позволяющие преодолеть пространство, нестареющие феи, живая вода и т. д.)»*.

Сказочная поэтика опирается на чудо, колдовство, магию, и это отличает ее от научной фантастики, стремящейся объяснить небывалое, необыкновенное, невозможное на данном отрезке времени воздействием материальных сил — природы, науки и техники, изобретательского гения человека или других разумных существ. С развитием знаний, пусть еще совсем примитивных, возникает потребность найти для фантазии какие-то обоснования, снять с нее налет магии и волшебства.

Одним из первых к этому подошел греческий сатирик Лукиан (II в. н. э.), заставивший своего Мениппа не просто подражать Икару («Икароменипп, или Заоблачный полет»), но и поведать, с помощью каких именно приспособлений ему удалось подняться в воздух: «Я старательно отрезал у орла правое крыло, а у коршуна левое и привязал их крепкими ремнями к плечам. Приладив к концам крыльев две петли для рук, я стал испытывать свою силу: сначала просто подпрыгивал, помогая себе руками, затем, подобно гусям, летел над самой землей, слегка касаясь ее ногами во время полета. Однако, заметив, что дело идет на лад, я решился на более смелый шаг: взойдя на Акрополь, я бросился с утеса и... долетел до самого театра»**.

По справедливому замечанию той же Т. Чернышевой, здесь найден один из важнейших литературных приемов научной фантастики: иллюзию правдоподобия создают реалистические детали. В описании полета героя на Олимп, а потом на Луну якобы достоверные сведения соседствуют с

---

* Т. А. Чернышева. К вопросу о традициях в научно-фантастической литературе. Труды Иркутского Гос. университета, т. XXXIII, Иркутск, 1964, с. 85—86.

** Лукиан. Избранные атеистические произведения. М.—Л., изд-во АН СССР, 1955, с. 156.

баснословной выдумкой, но показательно само стремление логически обосновать невероятное.

От эпохи первоначального накопления до промышленного переворота, до тех пор, пока наука не выявила своего могущества, инженерная фантастика сосуществовала с изобретательской мечтой в ее первоначальном виде, отчетливо кристаллизуясь в рамках других жанров — социальной утопии, философского просветительского романа, романа путешествий и т. д.

Томмазо Кампанелла в «Городе Солнца» (1623) и Фрэнсис Бэкон в «Новой Атлантиде» (1627) выдвигают на первое место науку и технический прогресс, без которых не мыслят совершенного общественного устройства. Например, соларики — обитатели «Города Солнца» — применяют всякого рода изобретения: особые суда и галеры, ходящие по морю без помощи весел и ветра, посредством удивительно устроенного механизма, самоходные парусные повозки, способные двигаться против ветра, аппараты, воспроизводящие в комнатах любые атмосферные явления... Еще больше технических новаций мы встречаем у жителей Бенсалема в знаменитой книге Фрэнсиса Бэкона «Новая Атлантида», где изобретатели окружены всенародным почетом.

Вместе с тем авторы многочисленных «лунных» романов не могут предложить ничего более эффективного, кроме тех же крыльев Икара, деревянного летающего голубя или упряжки диких лебедей. И только Сирано де Бержерак в сатирическом романе «Иной свет, или государства и империи Луны» (1657) среди множества забавных способов достижения ночного светила придумывает еще один, поражающий гениальной догадкой, — ни более ни менее как кабину с несколькими рядами последовательно поджигаемых «летучих ракет».

Завоевание воздушного океана становится на долгие годы главной темой зародившейся научной фантастики. В рассказе Эдгара По «История с воздушным шаром»

(1844) аэростат «Виктория», снабженный архимедовым винтом, впервые осуществляет трансатлантический перелет, а затем менее чем через двадцать лет усовершенствованная Жюлем Верном «Виктория» пересекает Африканский континент («Пять недель на воздушном шаре»).

Воздушные шары использовались и для космических путешествий. «Некий Ганс Пфааль» достигает Луны в герметической гондоле аэростата, покрытого тройным слоем лака и наполненного неизвестным газом, плотность которого в 37,4 раза меньше плотности водорода (!). Эдгар По в этом рассказе полемизирует со своими предшественниками, обвиняя их в «ненаучности». Вскоре подобные же упреки бросит Эдгару По автор «С Земли на Луну» (1865) и «Вокруг Луны» (1870), придумавший качественно иное решение, которое, как впоследствии выяснилось, содержало дальновидный прогноз. Трое пассажиров цилиндрико-конического вагона-снаряда, выброшенные в пространство гигантской пушкой, испытывают эффекты невесомости, огибают Луну и падают в Тихий океан неподалеку от места старта (полуостров Флорида), где их вылавливает сторожевой корвет. До более действенного способа придания снаряду с людьми необходимой скорости Жюль Верн не додумался, но его романы стимулировали изобретательскую мысль. Вспомним признание Циолковского: «Стремление к космическим путешествиям заложено во мне известным фантазером Ж. Верном. Он пробудил работу мозга в этом направлении. Явились желания. За желаниями возникла деятельность ума. Конечно, она ни к чему бы не привела, если бы не встретила помощь со стороны науки»*.

Гениальные догадки, как и технически обоснованные прогнозы, вопреки распространенному мнению, в фантастике очень редки. Смелые задания науке и технике — гиперболы реальных возможностей. За немногими исключе-

---

* К. Э. Циолковский. Труды по ракетной технике. М., 1947, с. 103.

ниями, фантасты не столько предвидят, сколько истолковывают идеи изобретателей. Воображение писателей либо идет вровень с наукой и техникой, либо несколько отстает — даже тогда, когда фантастические изобретения не расходились с ньютоновой механикой.

Характерно, что до появления машины Уатта ни один фантаст не предвидел революционного действия энергии пара. Но как только она стала реальной силой, слово «машина» обрело новый смысл.

Жюль Верн в изображении техники будущего опирался на проекты изобретателей, прославлял энергию электричества, дающую человеку власть над природой, и «проглядел» двигатель внутреннего сгорания.

Неожиданной оказалась для фантастов и возможность беспроводной связи. Но коль скоро эта связь появилась, писатели, обгоняя друг друга, показали, какие блестящие перспективы здесь открываются. «В фантастических романах, — иронически заметил в записной книжке Илья Ильф, — главное это было радио. При нем ожидалось счастье человечества. Вот радио есть, а счастья нет» *.

Открытие радиоактивности тоже не было предусмотрено фантастами, но позволило безошибочно экстраполировать в будущее применение атомной энергии в мирных и военных целях, даже с указанием точных сроков введения в действие атомной электростанции и взрыва атомной бомбы **. Именно это гигантское открытие и цепь последовавших за ним породили в западной фантастике тему мировых катастроф.

И тут мы подошли к главной проблеме, актуальность которой коренится в самой действительности: двойствен-

* И. Ильф, Е. Петров. Собрание сочинений, т. 5, М., 1961, 189.

** В романе Г. Уэллса «Освобожденный мир» (1913) первая атомная электростанция вступает в строй в 1953 году. Как известно, первая в мире АЭС начала действовать в СССР в 1954 году. Работавший в Ленинграде инженер В. Никольский в книге «Через тысячу лет» (1928) писал, что первый атомный взрыв будет произведен в 1945 году.

ному отношению писателей-фантастов к научно-техническому прогрессу, как к источнику благоденствия и потенциальной угрозе. Еще задолго до того, как Пьер Кюри в 1903 году при вручении ему Нобелевской премии заявил, что новейшие научные открытия таят в себе величайшую опасность, хотя в конечном счете принесут человечеству больше пользы, чем вреда, писатели говорили о скрытых в природе демонических силах, которые, как джинн из бутылки, когда-нибудь вырвутся на свободу...

Немецкий романтик Эрнст Теодор Амадей Гофман, восхищаясь безукоризненным искусством механиков, наделял заводные автоматы несвойственной им самостоятельностью, видел в них своего рода предвестие бездушного машинного века («Автомат», «Песочный человек»). Тема механических слуг, таящих в себе неведомые опасности, от Гофмана тянется к Чапеку с его «универсальными роботами», затем к Азимову, Лему и многим другим авторам, заполонив современную фантастику.

Франкенштейн, герой одноименного романа девятнадцатилетней англичанки Мэри Шелли (1818 г.) — гениальный ученый, мечтающий постигнуть тайны живой материи, чтобы возвращать к жизни умерших и победить смерть. Созданный Франкенштейном уродливый человекоподобный гигант страдает от одиночества, от невозможности найти себе место в человеческом обществе и жестоко мстит людям. Имя Франкенштейна становится нарицательным для ученого, создавшего злую силу, с которой он не может справиться.

Тему искусственного человека, трактованную Мэри Шелли в философско-обобщенном плане, продолжают Вилье де Лиль-Адан («Ева будущего»), Буссенар («Тайна доктора Синтеза») и современные писатели. От средневекового голема и человечка в колбе — гомункулуса — фантастика ведет к биологическому роботу — андроиду. Зловещая коллизия Франкенштейна воскресает во многих романах (например, «Остров доктора Моро» Уэллса) и

нарастает крещендо в фантастике XX века, отображающей в гиперболизированных образах противоречия научно-технического прогресса в условиях капиталистического общества. Крупнейшие ученые не раз говорили об этих противоречиях, может быть, несколько преувеличивая угрозу негативных последствий. Норберт Винер, например, утверждал, что саморазвивающиеся кибернетические устройства теоретически способны совершать непредусмотренные действия, и ссылался то на балладу Гёте «Ученик чародея», то на «Франкенштейна» Мэри Шелли.

Свойственный современной фантастике дух свободного исследования, вольное обращение с незыблемыми прежде понятиями — пространства, времени, тяготения, энергии, массы, законами оптики и т. п. — сближает ее с физикой XX столетия. Уэллс проложил здесь дорогу, подняв принципиально новые темы, получившие дальнейшую разработку у его многочисленных последователей. Фантастические идеи Уэллса были навеяны предчувствием гигантских социальных катаклизмов и предстоящей ломки общепринятых научных доктрин — механистического видения мира. Фантастика, прежде оперировавшая конкретными понятиями, научилась претворять в зримые образы отвлеченные математические истины. Но в какую бы химерическую форму они ни облекались, их нельзя считать произвольными измышлениями, «чистой» игрой ума, как, скажем, «машину времени», придуманную тем же Уэллсом еще в 1895 году, за десять лет до опубликования первого трактата Эйнштейна. Позже, когда ученые стали рассматривать время как некую изменяющуюся физическую реальность, а не только как математическую абстракцию, на просторы Галактики вырвались созданные воображением писателей звездолеты разных конструкций. Теоретически обоснованный парадокс времени породил поразительные сюжеты. Путешествия в прошлое и будущее с вытекающими из них «хроноклазмами» заставили работать фантазию в доселе неизведанных направлениях.

Теория относительности и атомная физика, молекулярная биология и кибернетика революционизировали науку, а вместе с ней и научную фантастику. Ученые подарили ей «сумасшедшие» идеи, которые осуществляют «сумасшедшие» изобретатели. Они встретятся и на страницах этого сборника, дающего вслед за ранее изданным* в общем верное представление о современной изобретательской фантастике.

Из книги в книгу, из рассказа в рассказ переходит почти в неизменном виде схематизированный образ гениального ученого, одержимого маниакальными идеями чудака, который часто сам не ведает, что творит и к каким неожиданным последствиям может привести эксперимент. Главное в таких рассказах — изобретение, а сам изобретатель или исследователь оттеснен на задний план, это нарочито упрощенный характер с едва намеченными индивидуальными свойствами. Очевидно, фантастический сюжет, особенно если мы имеем дело с рассказом, не выдерживает двойной нагрузки: обоснование и реализация замысла оттесняют «человековедческое» начало.

Эта литературная условность сохраняется в первую очередь в англо-американской фантастике и сохраняется лишь по традиции. Если в 1901 году в Соединенных Штатах 82% всех патентов было выдано независимым изобретателям и 18% фирмам, то в 1967 году 77% патентов получили фирмы вместе с правительственными организациями и только 23% — отдельные лица. Крупные изобретения и открытия в наше время делаются чаще всего научными коллективами, но фантасты по-прежнему извлекают эффекты из заведомо неправдоподобного допущения: «сумасшедший» изобретатель производит парадоксальные опыты на свои скромные средства, на свой страх и риск, в каком-нибудь

---

* Фантастические изобретения. Сборник научно-фантастических рассказов. М., «Мир», 1971.

заброшенном сарае, на чердаке или в затхлом погребе. Действуя по наитию, как средневековый алхимик, один или вдвоем с помощником, он достигает изумительных результатов — вторгается в неведомое и вырывает у природы ее сокровенные тайны, нарушающие мировое равновесие.

В рассказе Робина Скотта «Короткое замыкание» агрегат, сконструированный наобум из бросовых деталей простецким парнем, замыкается ни больше ни меньше как со всей Вселенной, черпая энергию в ином пространстве и времени. Происходит короткое замыкание вдоль восточного побережья Северной Америки. Неожиданно возникает, воплощаясь в металле и пластике, искусственный интеллект — одухотворенное Нечто, готовое мгновенно выполнить любые три желания. Стоит ли говорить, что изобретатель и его дружок используют внезапно обретенное могущество далеко не лучшим образом, как, впрочем, и герои «Обновителя» Джона Рэкхема, которым удается расшифровать найденный в рукописях деда таинственный рецепт омолаживающего состава и успешно испытать его свойства на молодой женщине.

В этих рассказах, изобилующих фарсовыми ситуациями, проблема моральной ответственности ученого решается в откровенно юмористическом плане, на уровне юмористики Джерома К. Джерома или Уильяма Джекобса. Другие писатели, вроде Роальда Даля и Дональда Уондри — оба они англичане, — развивают богатейшие традиции английской литературной сказки (Кэрролл, Барри, Милн, Толкиен, Дэнсани и другие) с ее явно парадоксальным видением мира.

Нарушение экологического баланса, порча окружающей среды, разрыв человека с природой могут вызвать необратимый процесс, если люди вовремя не опомнятся. Все это вселяет тревогу, получает прихотливое преломление в философско-аллегорических образах. Изобретатель «Звуковой машины» в рассказе Р. Даля с ужасом убеждается,

что срезаемые растения испытывают физическую боль, издают вопли и стоны. В «Странной жатве» Д. Уондри таинственный аппарат некоего Джонса улавливает и концентрирует универсальные излучения, оживляющие растительный мир. Фруктовые деревья, злаки и овощи, наделенные подвижностью и зачатками разума, ускользают от фермеров, переходят затем в наступление, поднимают бунт...

Так в современной фантастике возрождается поэтика волшебной сказки. Возрождаются в наукообразном обличье и вечные фольклорные сюжеты: живая вода, источник забвения, эликсир долголетия и молодости, магические силы, дающие власть над природой, палочка-выручалочка, скатерть-самобранка, животные и растения, обладающие чудесными свойствами, и т. д. В этом ответвлении изобретательская фантастика смыкается с *fantasy*, фантастикой ненаучной, не требующей от автора правдоподобных научных обоснований. Но и рассказы с научными обоснованиями нередко воспринимаются читателями как «научные сказки».

Любопытно мотивируется в «Практичном изобретении» Леонарда Ташнета материализация оптической иллюзии, создаваемая «овеществленной» голограммой. Однако мирное изобретение может превратиться в опасное оружие. Изобретатели, предвидя нежелательные последствия, удерживаются от соблазна взять на него патент. Л. Ташнет — доктор философии, он относится к группе американских ученых, время от времени выступающих с научно-фантастическими произведениями. Тема моральной ответственности — едва ли не главная в его литературном творчестве. Близок ему по духу Джон Робинсон Пирс, известный специалист в области электроники и теории связи, член Национальной Академии наук США, увлекшийся фантастикой еще в 30-е годы, когда подобные «забавы» ученого могли губительно отразиться на его репутации. Поэтому большую часть своих рассказов Пирс подписывал псевдонимом

мом Дж. Дж. Куплинг *. Но рассказ «Инвариантный», трактующий извечную тему бессмертия — один из немногих, подписанных его настоящей фамилией. Проблема и здесь переводится в этический план. Ученый, научившийся поддерживать метаболизм клеток, становится в сущности бессмертным, но при этом теряет способность воспринимать новые впечатления. Возникают вопросы: нужно ли стремиться к продлению жизни любой ценой и можно ли считать гуманными какие бы то ни было эксперименты, способные подавить психику?

Приходит в ужас от возможных последствий своего изобретения и завещает его уничтожить профессор Фэйрбенк, герой рассказа американского фантаста Рэя Рассела (не смешивать с ветераном английской фантастики Эриком Фрэнком Расселом!), придумавший еще один вариант машины времени, казалось бы, давно уже исчерпавшей скрытые в ней сюжетные возможности. Но и в данном случае дело не в самом изобретении, которое мотивируется более или менее стандартно, а в моральных критериях, вытекающих из замысла. Самоубийство ученого, пренебрегшего нравственными нормами, психологически вполне оправдано («Ошибка профессора Фэйрбенка»).

В отличие от Р. Рассела, польский писатель Януш А. Зайдель, чьи произведения у нас хорошо известны, ограничивается логической экстраполяцией, с помощью все той же машины времени остроумно решая традиционную фаустовскую тему продления жизни. Неизлечимо больного человека отправляют в будущее, медики его исцеляют, а затем из-за трудностей адаптации он возвращается в свое время.

---

* Кроме двух рассказов, включенных в сборник «Пиршество демонов» (М., «Мир», 1968), на русский язык переведены некоторые из научных трудов и научно-популярных книг Дж. Р. Пирса: «Квантовая электроника», «Электроны, волны и сообщения», «Символы, сигналы, шумы» и др.

Наибольшего успеха фантасты достигают в тех случаях, когда техническая гипотеза не только не отделяется от нравственно-психологической коллизии, но и способствует раскрытию характеров. Удастся это, как правило, лишь немногим ярко одаренным авторам. К таким принадлежит, без сомнения, англо-ирландский писатель Боб (Роберт) Шоу, получивший известность после публикации в 1966 году великолепной новеллы «Свет былого». Критики считают главным достоинством Шоу выдвинутую им идею «медленного стекла», утверждая, что это чуть ли не единственная за последние годы действительно оригинальная фантастическая гипотеза. Но ведь идея сама по себе, в отвлечении от замысла, как бы она ни была эффектна, не произвела бы особого впечатления, если бы так плотно не вращалась в художественную ткань и не способствовала раскрытию внутреннего мира героя. Проникновенный лиризм, тончайшие психологические нюансы делают «Свет былого» примечательным явлением современной западной фантастики.

Один из ее корифеев американец Курт Воннегут, автор переведенных у нас романов «Утопия 14» (в оригинале «Пианола»), «Бойня номер пять», «Колыбель для кошки», по праву считается крупнейшим сатириком, продолжателем в социальной фантастике линии Свифта—Уэллса—Чапека. В любом из его произведений обнажаются кричащие противоречия, неустроенность и абсурдность холодного мира денежных отношений, лишаящих человека человеческой сущности. В рассказе «Как быть с Эйфи?» ловкий делец, не считаясь с пагубными последствиями, готов в погоне за прибылью запустить в массовое производство аппарат, вызывающий эйфорию. Как всегда у Воннегута, художественное воздействие достигается средствами гротеска, доведенного до «черного юмора».

Айзек Азимов более оптимистичен и вместе с тем более традиционен. Его знаменитые рассказы о роботах, так же как и единодушно принятые писателями-фантастами заме-

чательно сформулированные «Три закона роботехники», — это смелое задание науке и технике на стадии современного мышления. Самый ранний из рассказов о роботах — «Странный товарищ по играм» (в русском переводе «Робби») появился в 1940 году, когда Азимову было двадцать лет. Этот цикл непрерывно пополняется, включая рассказы о создании и подвигах первых роботов, а затем романы «Стальные пещеры» и «Обнаженное солнце», которые наряду с новыми рассказами раскрывают особенности «второго этапа» развития роботов. Здесь постоянными героями становятся детектив Элидж Бейли и его друг — совершенный биологический робот — Р. Дэниил Оливо, обладающий безукоризненной логикой, которая демонстрируется, в частности, и в рассказе «Зеркальное отражение», где дилемма, возникающая из-за неспособности робота лгать и невозможности для него причинить вред человеку, получает интересное решение, основанное на знании человеческой психологии.

Три закона роботехники настолько прочно утвердились в научно-фантастической литературе, что, по шутливому замечанию одного из фантастов, Азимов сначала изобрел эти законы, а потом использовал всю силу своего воображения, придумывая способы, как бы их обойти. Этим занимается и французский фантаст Клод Шейнисс, посвятивший Азимову свой рассказ «Конфликт между законами». Любопытно, что примерно такая же психологическая коллизия была рассмотрена и самим Азимовым в статье «Совершенная машина»*: «Должен ли робот препятствовать хирургической операции, поскольку разрез наносит ущерб организму пациента?» К. Шейнисс предлагает юмористический выход из создавшегося положения.

Более привычные художественные решения мы находим в рассказах, где традиционный приключенческий сю-

---

* Перевод названной статьи см. в сборнике «Человеческие способности машин». «Советское радио», М., 1971, с. 187—198.

жет подчинен логическому обоснованию конкретной технической гипотезы.

Фантастический аппарат — левитатор, взаимодействующий с гравитационным полем Земли, поначалу испытывается изобретателем-инвалидом в трудных условиях восхождения на Эверест в предвидении блистательной перспективы «изменить судьбу многих миров». Ибо, как утверждает изобретатель, его левитатор должен вернуть человечеству «свободу, утраченную давным-давно, когда первые амфибии покинули свою невесомую подводную родину». Так в романтическом ключе решает поставленную проблему известный английский фантаст Артур Кларк в прекрасно написанном рассказе «Безжалостное небо».

По сути, к такому же традиционному художественно-иллюстративному методу прибегает болгарский писатель Цончо Родев. В его «Рукописи Клитарха» изобретение, предполагающее перестройку человеческого организма для приспособления к водной среде, убедительно мотивируется, вписываясь в подвижные рамки полуюмористического, полудетективного сюжета.

Итак, в этом кратком очерке мы проследили развитие изобретательской темы в мировой научной фантастике и на произведениях, включенных в сборник «Практичное изобретение», попытались показать, насколько многогранно зарубежные фантасты воплощают сегодня фантастические идеи и гипотезы.

Е. Брандис, В. Кан

Артур К. Кларк
БЕЗЖАЛОСТНОЕ НЕБО

В полночь до вершины Эвереста оставалось не более ста ярдов, она вставала впереди снежной пирамидой, призрачно белой в свете восходящей луны. На небе не было ни облачка, и ветер, свирепствовавший несколько суток, почти совсем стих. На высочайшей точке Земли редко наступал такой мир и тишина — они удачно выбрали время.

«Пожалуй, даже слишком уж удачно», — подумал Джордж Харпер. Все прошло настолько гладко, что он испытывал чувство, похожее на разочарование. Собственно говоря, трудно было только незаметно выбраться из отеля. Администрация решительно возражала против самодельных ночных подъемов к вершине — несчастный случай мог бы отпугнуть туристов.

Но доктор Элвин не хотел, чтобы об их намерении стало известно. На то у него были веские причины, хотя он никогда не упоминал о них. И так уж появление одного из самых знаменитых ученых мира (и, бесспорно, самого знаменитого калеки) среди гостей отеля «Эверест» в разгар сезона вызвало немалое, хотя и вежливо замаскированное, любопытство. Харпер отчасти удовлетворил его, намекнув, что они ведут замеры земного тяготения, — в какой-то мере это даже было правдой, но в очень малой мере.

Посторонний наблюдатель, который увидел бы, как Жюль Элвин с пятьюдесятью фунтами оборудования за плечами неторопливо и уверенно поднимается к точке, находящейся в двадцати девяти тысячах футов над уровнем моря, никогда бы не заподозрил, что перед ним — безногий калека. Жюль Элвин, родившийся в 1961 году, был одной из жертв талидомида — продажа этого непроверен-

ного успокоительного средства завершилась трагедией: появлением на свет более десяти тысяч людей с изуродованными конечностями. Элвин мог считать себя счастливецом: руки у него были совершенно нормальными, а от постоянных упражнений стали намного более сильными, чем у большинства мужчин его возраста и сложения. Но вот ноги... В тундре он мог стоять и даже сделать несколько неуверенных шажков, однако и небольшая пешая прогулка была ему не по силам.

Тем не менее в эту минуту он находился в двухстах шагах от вершины Эвереста...

Все началось более трех лет назад из-за рекламного туристского плаката. Тогда Джорджу Харперу, младшему программисту отдела прикладной физики, были известны лишь внешний вид и репутация доктора Элвина. Даже те, кто работали непосредственно под руководством этого блестящего ученого, возглавлявшего научно-исследовательскую работу Института, почти не знали его как человека. Физическая неполноценность и своеобразный склад ума словно отгораживали Жюля Элвина от обычных людей. Он не внушал ни любви, ни неприязни, а лишь восхищение и жалость; зависти он ни у кого не вызывал.

Харпер, всего несколько месяцев назад окончивший университет, не сомневался, что для доктора Элвина он существует только как фамилия в штатном расписании. Кроме него, в отделе работало еще десять программистов, намного старших по возрасту, и никто из них за все время работы в Институте и двух слов не сказал с заместителем директора по научной части. И когда Харпера избрали в посыльные и отправили в кабинет доктора Элвина с папкой засекреченных документов, он полагал, что их беседа ограничится коротким «спасибо».

Собственно, так оно и произошло. Но, уже выходя из кабинета, Харпер вдруг увидел великолепную панораму

высочайших гималайских вершин, занимавшую половину стены, и невольно остановился. Панорама была вделана в стену прямо напротив стола доктора Элвина, так что он видел ее всякий раз, когда поднимал голову. Харперу был хорошо известен этот ошеломляющий вид. Еще бы! Он ведь и сам снимал ту же панораму, когда вместе с другими туристами стоял в благоговении на истоптанном снегу вершины Эвереста.

Вон белый хребет Канченджунги, вздымающийся над облаками почти в ста милях от высочайшей горы мира. Почти вровень с Канченджунгой, но гораздо ближе виднеется двойной пик Макалу, и совсем близко, на переднем плане, могучая громада — Лхоцзе, сосед и соперник Эвереста. Дальше к западу, вниз, в долины, такие гигантские, что глаз не в силах объять их, устремляются хаотические потоки ледников Кхумбу и Ронбук. С этой высоты трещины, покрывающие их поверхность, кажутся мелкими бороздками, но в действительности провалы в твердом, как железо, льду достигают сотен ярдов в глубину...

Харпер смотрел на панораму, заново переживая прошлое, когда вдруг услышал позади себя голос доктора Элвина.

— Вас заинтересовал этот вид? Вы там когда-нибудь бывали?

— Да. Когда я окончил школу, родители взяли меня на Эверест. Мы прожили в отеле неделю и уже думали, что погода так никогда и не исправится. Но за день до нашего отъезда ветер улегся, и группа из двадцати человек поднялась на вершину. Мы пробыли там час. Снимали друг друга и все вокруг.

Доктор Элвин некоторое время молчал, словно завешивая услышанное, а потом сказал голосом, в котором уже не ощущалось прежнего равнодушия — он был теперь исполнен сдержанного волнения:

— Садитесь, мистер... э... Харпер. Мне хотелось бы узнать кое-какие подробности.

Испытывая некоторое недоумение, Харпер вернулся к креслу перед большим письменным столом, на котором царил идеальный порядок. В его восхождении на Эверест не было ничего необычного. Каждый год тысячи людей приезжали в отель «Эверест», и по меньшей мере четверть из них поднималась на вершину горы. Всего за год до этого была устроена пышная, широко разрекламированная церемония вручения памятного подарка десяти тысячному туристу, побывавшему на высочайшей вершине мира. Некоторые циники не преминули указать на удивительное совпадение: десяти тысячным туристом оказалась популярнейшая восходящая звезда телевидения.

И все, что Харпер мог сказать доктору Элвину, тот без особого труда нашел бы в десятках справочников — в рекламных брошюрах отеля, например. Однако какой молодой честолюбивый ученый упустил бы такой случай произвести благоприятное впечатление на человека, от которого зависело так много? Харпер не был расчетливым карьеристом, но не принадлежал и к непрактичным мечтателям. Он начал говорить, сначала медленно, стараясь привести в порядок свои воспоминания.

— Реактивный самолет доставляет вас в городок Намчи, расположенный милях в двадцати от горы. Затем автобус везет вас по сказочно красивому шоссе в отель, который стоит над ледником Кхумбу, на высоте восемнадцать тысяч футов. Для тех, кому трудно дышать на такой высоте, в отеле имеются номера с нормальным давлением. Разумеется, в отеле есть свой штат врачей, и людям с плохим здоровьем номера не сдаются. Два дня вы живете на особой диете, и только после этого вам разрешают дальнейший подъем.

Сама вершина из отеля не видна, так как здание находится на склоне горы. Но все равно виды там открываются необыкновенные — Лхоцзе и десяток других вершин. И нельзя сказать, что не испытываешь никакого страха. Особенно ночью. Вверху почти все время воеет ветер, а с

ледника доносятся душераздирающие стоны — это движется лед. Так и кажется, что среди гор бродят ужасные чудовища...

Никаких особых развлечений в отеле нет: любишь пейзажем, отдыхаешь и ждешь, когда доктора дадут разрешение отправиться к вершине. В старину требовалось несколько недель, чтобы привыкнуть к разреженному воздуху, ну а теперь для этого дают лишь двое суток. Тем не менее половина туристов — большей частью люди пожилые — считают, что им и такой высоты достаточно.

Дальнейшее зависит от вашего опыта и от того, на какие расходы вы согласны пойти. Искушенные альпинисты нанимают проводников и совершают восхождения, пользуясь обычным снаряжением. Теперь это сравнительно нетрудно, и к тому же там повсюду устроены убежища. Такие группы, как правило, добираются до вершины, но из-за погоды по-прежнему никогда нельзя быть уверенным в успехе и каждый год там погибают несколько человек.

Средний турист выбирает более легкий путь. На самой вершине посадка воздушных машин строго запрещена, за исключением особых обстоятельств, но вблизи гребня Нупце есть альпийская хижина, куда из отеля можно подняться на вертолете. От хижины до вершины всего три мили, и подъем для человека с некоторым опытом и в хорошей форме совсем нетруден. Некоторые даже обходятся без кислорода, хотя это не рекомендуется. Сам я оставался в маске, пока не добрался до вершины. Там я ее снял, и оказалось, что дышится довольно легко.

— Вы пользовались фильтрами или газовыми баллонами?

— Молекулярными фильтрами. Они стали очень надежными и увеличивают концентрацию кислорода в сто с лишним раз. Эти фильтры произвели в альпинизме настоящий переворот. Баллонов с сжиженным газом теперь никто не берет.

— Сколько времени занимает подъем?

— Весь день. Мы вышли на заре, а вернулись вечером. Прежние альпинисты этому не поверили бы! Но конечно, мы вышли, хорошо отдохнув и налегке. Дорога от хижины довольно проста, а на самых крутых склонах вырублены ступеньки. Как я уже говорил, подняться там может любой здоровый человек.

Сказав это, Харпер готов был откусить себе язык. И как только он мог забыть, с кем разговаривает? Но он с такой ясностью вспомнил свое восхождение на высочайшую вершину Земли, заново пережил восторг и волнение тех часов, что на мгновение ему почудилось, будто он снова стоит на одинокой, исхлестанной ветром пирамиде. На единственном месте в мире, на котором доктор Жюль Элвин никогда не будет стоять...

Но тот как будто ничего не заметил. А может быть, он уже настолько свыкся с подобными бестактными промахами, что перестал обращать на них внимание. Но почему его так интересует Эверест? Возможно, именно из-за недоступности, решил Харпер. Эверест символизировал все, в чем ему было отказано судьбой еще при рождении.

И все же три года спустя Джордж Харпер остановился в каких-то ста шагах от вершины и смотал нейлоновую веревку, дожидаясь, чтобы доктор Элвин его догнал. Они об этом никогда не говорили, но он знал, что ученый захочет первым ступить на вершину. Эта честь принадлежала ему по праву, и Харперу в голову не пришло бы ее у него оспаривать.

— Все в порядке? — спросил он, когда доктор Элвин поравнялся с ним. Вопрос был излишним, но Харпер испытывал непреодолимое желание нарушить окружавшее их великое безмолвие, словно они были одни в целом мире. Среди белого сверкания вершин нигде не было заметно ни малейших следов существования человека.

Элвин рассеянно кивнул и прошел мимо, не спуская

сияющих глаз с вершины. Он шел деревянной походкой, и его ноги, как ни странно, почти не оставляли следов на снегу. И все время, пока Элвин двигался, большой рюкзак, который он нес на спине, еле слышно гудел.

Вернее было бы сказать, что не он нес рюкзак, а рюкзак нес его. Во всяком случае, три четверти его веса. Пока доктор Элвин неторопливо, но уверенно приближался к своей когда-то недостижимой цели, он и все его снаряжение весили вместе лишь пятьдесят фунтов. А если бы и это оказалось много, ему достаточно было повернуть ручку настройки — и он перестал бы весить даже фунт.

Здесь, над залитыми лунным светом Гималаями, впервые было применено величайшее открытие двадцать первого века. Во всем мире существовало только пять экспериментальных левитаторов Элвина, и два из них находились здесь, на Эвересте.

Хотя Харпер знал об их существовании уже два года и понимал принцип их устройства, «левви», как сотрудники лаборатории почти сразу же окрестили эти аппараты, все еще казались ему волшебством. Их аккумуляторы хранили достаточно энергии, чтобы поднять груз весом в двести пятьдесят фунтов по вертикали на высоту в десять миль, то есть намного больше, чем требовалось в настоящем случае. Цикл подъема и спуска можно было повторять практически бесконечно, потому что, взаимодействуя с гравитационным полем Земли, батареи разряжались при движении вверх и вновь заряжались при движении вниз. Поскольку ни один механический процесс не имеет стопроцентного коэффициента полезного действия, каждый цикл сопровождался небольшой потерей энергии, но требовалось не менее сотни таких циклов, чтобы полностью разрядить аккумулятор.

Подниматься на гору, не ощущая большей части своего веса, было упоительно. Лямки тянули вверх, создавая ощущение, что люди подвешены к невидимым воздушным шарам, чью подъемную силу можно менять по желанию,

Некоторая доля веса была им необходима, чтобы не оторваться от склона, и после нескольких экспериментальных проверок они пришли к выводу, что оптимальный вариант составляет двадцать пять процентов реального веса. Благодаря левитатору идти по крутизне было так же легко, как по горизонтальной поверхности.

Несколько раз они снижали свой вес почти до нуля, чтобы взобраться по отвесному обрыву, цепляясь руками за неровности скалы. Это, пожалуй, было самым трудным и требовало непоколебимой веры в левитатор. Нужно было немалое усилие воли, чтобы висеть вот так в воздухе без опоры, если не считать тихо гудящего аппарата за спиной. Но уже через несколько минут ощущение полной свободы и власти над высотой заглушило всякий страх — ведь человеку наконец-то удалось осуществить мечту, которую он лелеял с незапамятных времен.

Несколько недель назад кто-то из сотрудников библиотеки отыскал в стихотворении начала двадцатого века строку, которая очень точно выражала сущность этого открытия: «спокойно взмыть в безжалостное небо». Даже птицы не обладали такой властью над шестым океаном. С этой минуты и воздух, и космическое пространство были окончательно побеждены. Левитатор сделал доступными самые высокие и дикие горы Земли, как за полвека до этого акваланг открыл перед человеком морские глубины. Как только аппарат пройдет испытание и будет налажено дешевое массовое производство, все стороны человеческой цивилизации претерпят решительные изменения. Новые виды транспорта вытеснят все прежние. Космические полеты станут не дороже обычных полетов в воздухе. Все человечество поднимется в небеса. Перемены, которые за сто лет до этого принесло изобретение автомобиля, могли служить лишь слабым предзнаменованием того, что должно было произойти теперь.

Но Харпер был убежден, что в это мгновение своего одинокого триумфа доктор Элвин ни о чем подобном не

думал. Позже мир будет прославлять его (а возможно, и проклинать), но для него ничто не могло сравниться с сознанием, что он сейчас стоит на высочайшей точке Земли. Это была подлинная победа разума над природой, блестящего интеллекта над слабым искалеченным телом. Эта мысль затмевала все остальное.

Харпер поднялся к Элвину на снежную площадку усеченной пирамиды, и они обменялись церемонным рукопожатием, которого, казалось, требовала эта минута. Но оба молчали. Радость свершения, величественная панорама могучих вершин, вздымавшихся всюду, насколько хватал глаз, делали все слова ненужными и мелкими.

Харпер, блаженно опираясь на ляжки, медленно обводил взглядом горизонт, мысленно перебирая названия знаковых великанов: Макалу, Лхоцзе, Барунцзе, Чо Ойю, Канченджунга... Сколько этих пиков до сих пор оставалось непокоренными! Ну, левитатор скоро изменит все это.

Конечно, многие будут против. Но ведь в двадцатом веке тоже были альпинисты, считавшие шулерством использование кислорода. Было трудно поверить, что когда-то люди пытались брать эти высоты без помощи каких-либо аппаратов, лишь после нескольких недель акклиматизации. Харпер вспомнил Мэллори и Ирвина, чьи неразысканные тела, возможно, лежали где-то совсем близко. За его спиной кашлянул доктор Элвин.

— Идемте, Джордж, — сказал он. Голос его звучал глухо из-за кислородного фильтра. — Нам нужно вернуться, пока нас не хватились.

Молча простившись с теми, кто первыми поднялись сюда, они спустились с вершины и пошли вниз по пологому склону. Теперь вокруг было уже не так светло, как всего несколько минут назад. Лунный диск то и дело заволакивали быстро несущиеся в вышине облака, и временами темнело настолько, что трудно было находить дорогу. Харперу эта перемена погоды не понравилась, и он подумал, не лучше ли им будет направиться к ближайшему убежищу,

чем прямо к альпийской хижине.

Но доктору Элвину он ничего не сказал, чтобы напрасно его не тревожить.

Теперь они шли по узкому карнизу — с одной стороны была черная тьма, с другой — слабо мерцали вечные снега. Харпер невольно подумал, что попасть здесь в бурю было бы страшно.

Едва он подумал об этом, как на них внезапно обрушился ураганный ветер. Он с воем налетел неизвестно откуда, словно гора все это время втайне накапливала силы. Сделать они ничего не могли — они и без левитатора все равно были бы сбиты с ног. В одно мгновение ветер сбросил их в черную пустоту. Они не имели ни малейшего представления о глубине пропасти. Харпер принудил себя взглянуть вниз, но ничего не увидел. Хотя ветер, казалось, увлекал его в почти горизонтальном направлении, он понимал, что падает, но только скорость его падения замедлялась в соответствии с его уменьшенным весом. Но и такой скорости было больше чем достаточно; если им предстоит упасть с высоты четырех тысяч футов, то обстоятельство, что ее можно считать равной всего тысяче, вряд ли послужит им большим утешением.

Харпер еще не успел испугаться — для этого будет время, если он уцелеет, — и почему-то его больше всего тревожила мысль, что будет разбит драгоценный левитатор. Он совсем забыл про своего спутника — ведь в такие мгновения сознание способно сосредоточиваться только на чем-то одном. Внезапный рывок нейлоновой веревки сначала вызвал у него только растерянность. Но тут он увидел доктора Элвина, который вращался вокруг него на другом конце веревки, точно планета вокруг солнца.

Харпер сразу вернулся к действительности и сообразил, что следует сделать. Да его оцепенение вряд ли и длилось больше ничтожной доли секунды.

— Доктор! — крикнул он. — Включите аварийный подъем!

Сам он тем временем нащупал пломбу на контрольной панели, сорвал ее и нажал на кнопку.

И сразу же аппарат загудел, как рой рассерженных пчел. Харпер почувствовал, как ляжки впиваются в его тело, стараясь увлечь его вверх, в небо, от невидимой смерти внизу. В его мозгу огненной строчкой вспыхнули цифры. Один киловатт поднимает двести пятьдесят фунтов на три фута в секунду, а аппарат способен преобразовывать энергию тяготения с максимумом в десять киловатт — хотя не дольше чем минуту. Таким образом, учитывая, что вес его уже уменьшился вчетверо, он должен был подниматься со скоростью более ста футов в секунду. Доктор Элвин замешкался и не сразу нажал аварийную кнопку, но вот и он начал подниматься. Теперь все репали секунды — успеют ли они подняться прежде, чем ветер швырнет их о ледяную стену Лхоцзе, до которой оставалось не больше тысячи футов.

Они ясно различали залитый лунным светом обрыв в снежных разводах. Определить свою скорость точно они не могли, но во всяком случае она была не меньше пятидесяти миль в час. Даже если они не разобьются насмерть сразу, избежать тяжелых повреждений им не удастся, а здесь, в капкане неприступных гор, это было равносильно смерти.

Но в тот момент, когда удар о ледяные скалы казался неизбежным, их подхватил и потащил вверх вертикальный поток воздуха. Они пронеслись над каменной грядой на утешительной высоте минимум в пятьдесят футов. Это было похоже на чудо, но Харпер тут же понял, что своим спасением они обязаны простому закону аэродинамики: ветер не мог не устремиться вверх, чтобы миновать гору. У противоположного склона он опять ринется вниз. Но это уже не имело значения, так как горизонт впереди был чист.

Теперь они неторопливо плыли под рваными тучами. Хотя скорость их осталась прежней, вой ветра внезапно замер, так как они неслись вместе с ним в пустоте. Сейчас

они могли даже переговариваться через разделявшие их тридцать футов.

— Доктор Элвин! — окликнул ученого Харпер. — Как вы?

— Прекрасно, Джорджи, — невозмутимо ответил тот. — Что будем делать дальше?

— Надо прекратить подъем. Если мы поднимемся выше, то нам нечем будет дышать — даже с фильтрами.

— Да, конечно. Попробуем уравновеситься.

Гневное гудение аппаратов сменилось еле слышным жужжанием. Выключив аварийную систему, они некоторое время крутились на своей нейлоновой веревке — наверху оказывался то один, то другой, — но в конце концов им удалось принять устойчивое положение. К этому моменту они уже находились на высоте около тридцати тысяч футов и могли считать себя в полной безопасности — если только выдержат левитаторы, которые после такой перегрузки вполне могли отказаться. Неприятности, по-видимому, начнутся, когда они попробуют спуститься вниз.

Еще никому в истории не доводилось встречать такого странного рассвета. Хотя доктор Элвин и Харпер устали и совсем ооченели, а каждый вздох в разреженном воздухе царапал горло, точно наждачная бумага, они забыли обо всем, едва на востоке за зубцами вершин разлилось первое смутное сияние. Звезды таяли, но одна продолжала блеснуть почти до самого восхода солнца — самая яркая из космических станций, Тихоокеанская-3, парящая в двадцати двух тысячах миль над Гавайскими островами. Затем из моря безымянных пиков поднялось солнце, и в Гималаях наступил день.

Впечатление было такое, словно они наблюдали восход солнца на Луне. Сначала лучи озарили вершины лишь самых высоких гор, а долины по-прежнему заполняла чернильная чернота. Потом граница света медленно и неук-

лонно поползла вниз по скалистым склонам, и день наступил повсюду в этом суровом неприступном крае.

Теперь внимательный взгляд уже мог различить признаки человеческой жизни. Кое-где в долинах вились узкие дороги, там, где прятались деревушки, поднимались струйки дыма, поблескивали черепичные крыши монастыря. Мир внизу пробуждался, не подозревая, что на него смотрят два наблюдателя, чудесным образом вознесенные на высоту пятнадцати тысяч футов над ним.

По-видимому, ночью ветер несколько раз менял направление, и Харпер не имел ни малейшего понятия о том, где они теперь находятся. Он не различал ни одного знакомого ориентира и не знал даже, Непал под ними или Тибет — они могли находиться где угодно в радиусе пятисот миль от Эвереста.

Прежде всего необходимо было выбрать место для приземления, причем безотлагательно, потому что их быстро несло к хаосу вершин и ледников, где вряд ли можно рассчитывать на помощь. С другой стороны, если бы они внезапно спустились с неба на глазах неграмотных и суеверных крестьян, это могло бы кончиться для них довольно плохо.

— Нельзя ли нам спускаться побыстрее? — сказал Харпер. — Мне не слишком нравится хребет, к которому нас несет.

Его слова будто затерялись в окружающей пустоте. Хотя доктор Элвин находился всего в десяти футах сбоку, Харперу вдруг показалось, что его голос не доносится до ученого. Но через две-три секунды тот неохотно кивнул.

— Боюсь, вы правы. Но я не уверен, что у нас что-нибудь выйдет при таком ветре. Не забывайте, спускаться мы должны много медленнее, чем поднимались.

Так оно и было: аккумуляторы заряжались в десять раз медленнее, чем разряжались, и при стремительной потере высоты аккумуляторы получали бы гравитационную энергию так интенсивно, что батареи перегрелись бы, а это

могло привести к взрыву. Недоумевающие тибетцы (или непальцы) решили бы, что они видят огромный болид. И никто бы так никогда и не узнал, какая судьба постигла доктора Жюля Элвина и его подающего надежды молодого помощника.

До земли осталось пять тысяч футов. Харпер с секунды на секунду ожидал взрыва. Они падали быстро, но все же недостаточно быстро, и вскоре им предстояло затормозить, чтобы смягчить удар в момент приземления. В довершение всего они совершенно не учли скорости ветра у поверхности земли, а он там дул опять почти с ураганной силой. Под ними, точно призрачные знамена, реяли вихри снега, сорванного со скалистых склонов. Пока они двигались вместе с ветром, они не замечали его силы, а теперь им вновь приходилось покидать податливую воздушную стихию и встретить твердую неподатливость камня.

Ветер гнал их в узкое ущелье. Подняться выше они уже не могли, и им оставалось только одно: найти место, более или менее подходящее для приземления.

Ущелье сужалось с грозной быстротой. Оно превратилось в глубокую расселину, и каменные обрывы проносились мимо со скоростью около сорока миль в час. Временами невидимые завихрения бросали их то вправо, то влево, и несколько раз им только чудом удалось избежать удара о каменный выступ. Когда они оказались всего в двух-трех ярдах над карнизом, покрытым мягкими сугробами, Харпер чуть было не нажал рукоятку, которая отделяет левитатор от лямок. Но это значило бы попасть из огня да в полымя: благополучно приземлившись на этом уступе, они оказались бы в ловушке без всякой помощи.

Но даже и теперь Харпер не ощущал страха. Происходящее воспринималось, как увлекательный сон — еще немного, и он проснется в своей постели. Не может быть, чтобы этот сумасшедший полет был реальностью...

— Джордж! — крикнул доктор Элвин. — Попробуем зацепиться вон за ту скалу!

В их распоряжении оставалось лишь несколько секунд. Они сразу принялись вытравливать нейлоновую веревку так, что она провисла между ними, почти задевая снег. Прямо впереди торчал высокий камень, а широкий сугроб за ним обещал относительно мягкое приземление.

Веревка скользнула вверх по камню и, казалось, должна была вот-вот достичь его верхушки, но тут она зацепилась за острый выступ. Харпер почувствовал страшный рывок. Его закрутило, как камень в праще.

«Неужели снег может быть таким жестким?» — подумал он, увидел ослепительную вспышку и провалился в черное небытие.

...Он сидел в университетской аудитории. Преподаватель что-то говорил знакомым голосом, который почему-то казался чужим в этой обстановке. Он лениво, словно сквозь сон, перебрал в уме фамилии всех своих университетских профессоров. Нет, не может быть, чтобы кто-то из них. Тем не менее он очень хорошо знает этот голос. И несомненно, это лекция.

«...Еще в юности я понял, что эйнштейновская теория гравитационного поля неверна. Принцип эквивалентности, несомненно, опирался на ложную предпосылку. Из него вытекало, что между проявлениями силы тяготения и ускорением невозможно провести различия.

Но это же явная ошибка. Можно создать однородное ускорение, но однородное гравитационное поле — невозможно, поскольку оно подчиняется закону обратных квадратов и, следовательно, должно меняться даже на очень коротких расстояниях. Таким образом, можно было бы без труда разработать способ их различения, и это подсказало мне...»

Смысл этих тихих слов не доходил до сознания Харпера, словно рядом разговаривали на незнакомом языке. Однако он смутно ощущал, что должен был бы их понимать,

только ему не хотелось напрягаться. Да и вообще сперва следовало разобраться, где он находится.

Кругом царил непроницаемый мрак. А может быть, он ослеп? Харпер замигал, и это ничтожное усилие отдалось в голове такой ломящей болью, что он вскрикнул.

— Джордж! Как вы себя чувствуете?

Ну, конечно же! Это был голос доктора Элвина, который негромко с кем-то разговаривал в темноте. Но с кем?

— У меня невыносимо болит голова и колет в боку, когда я пробую пошевелиться. Что случилось? Почему так темно?

— У вас, по-видимому, сотрясение мозга и, вероятно, сломано ребро. Вам вредно разговаривать. Вы пролежали без сознания весь день. Сейчас уже снова ночь. Мы в палатке, и я экономлю батареи.

Когда доктор Элвин зажег фонарь, Харпер даже зажмурился — таким ярким показался ему свет. Он увидел блестящие стенки маленькой палатки. Как хорошо, что они захватили с собой альпинистское снаряжение на случай, если задержатся на Эвересте! Но возможно, это только продлит их агонию...

Он с удивлением подумал, как же ученый-калека без посторонней помощи сумел распаковать их рюкзаки, поставить палатку и втащить его внутрь. Вокруг были аккуратно уложены и расставлены аптечка первой помощи, банки с концентратами, канистры с водой, крохотные баллончики для портативной газовой плитки. Только громоздких батарей левитатора нигде не было видно. Вероятно, доктор Элвин оставил их снаружи, чтобы не загромождать палатку.

— Когда я очнулся, вы с кем-то разговаривали, — сказал Харпер. — Или я бредил?

Хотя на лицо Элвина ложились отблески от стен палатки, мешая уловить его выражение, Харперу показалось, что ученый смутился. И сразу же понял почему. Лучше бы ему не задавать этого вопроса.

Доктор Элвин не верил, что они сумеют спастись, и диктовал на пленку подробности своего открытия на тот случай, если их тела будут когда-нибудь найдены. Но прежде чем ученый успел ответить, Харпер быстро переменял тему.

— Вы вызывали спасательную службу?

— Пытаюсь каждые полчаса, но боюсь, гора нас экранирует. Я их слышу, а они меня — нет.

Элвин взял маленький приемник-передатчик, служивший также диктофоном, который обычно носил на запястье, а теперь для удобства снял, и включил его.

— Спасательный пост номер четыре слушает, — донесся слабый механический голос. — Прием, прием.

Во время пятисекундной паузы Элвин нажимал на кнопку сигнала бедствия, потом отпустил ее.

— Спасательный пост номер четыре слушает. Прием, прием.

Они выждали минуту, но пост не сообщил, что их сигнал принят. Что же, подумал Харпер, теперь поздно упрекать друг друга. Дрейфуя над горами, они несколько раз собирались вызвать общеземную спасательную службу, но отказались от этой мысли — отчасти потому, что это не имело особого смысла, пока их нес ветер, но главное, им хотелось избежать нежелательной шумихи. Задним числом, конечно, легко быть умным, но кто мог предположить, что они угодят в такое место, откуда нельзя будет связаться даже с ближайшим спасательным постом?

Доктор Элвин выключил передатчик, и теперь в палатке было слышно только, как ветер свистит в ущелье, которое для них оказалось двойной ловушкой — ни выбраться из него самостоятельно, ни вызвать помощь они не могли.

— Не тревожьтесь, — сказал наконец доктор Элвин. — Утром мы что-нибудь придумаем. А до тех пор мы ничего предпринять не можем — разве что устроиться поудобнее. Ну-ка, выпейте немножко горячего бульона, и вам сразу станет легче.

Через несколько часов головная боль Харпера совсем прошла. Правда, ребро было почти наверное сломано, но Харпер обнаружил, что оно перестает ныть, если лежать спокойно на другом боку и не шевелиться. В целом он теперь чувствовал себя не так уж плохо.

За эти часы Харпер успел отчаяться; потом он проникся ненавистью к доктору Элвину (а заодно и к себе) — какого черта ему понадобилось участвовать в этой сумасшедшей аванюре? Но все это осталось позади, и он не засыпал только потому, что продолжал обдумывать различные планы спасения.

Ветер снаружи почти утих, и было уже не так темно, оттого что взошла луна. Разумеется, проникнуть глубоко в расщелину ее лучи не могли, но на палатку падали отблески от снега на склонах. Сквозь ее прозрачные теплоизолирующие стенки просачивался смутный свет.

Во-первых, сказал себе Харпер, никакая непосредственная опасность им не угрожает. Еды у них хватит по крайней мере на неделю, а водой они обеспечены — вон сколько вокруг снега. Дня через два, если его ребро подживет, они смогут снова начать воздушную прогулку, которая, надо надеяться, кончится более удачно.

Где-то неподалеку раздался странный мягкий хлопок, и несколько секунд Харпер недоумевал, пока не сообразил, что это с верхнего уступа сорвался снег. Ночная тишина была такой нерушимой, что Харперу казалось, будто он слышит биение собственного сердца, а ровное дыхание его товарища звучало неестественно громко.

Странно, как легко нас отвлекают всякие пустяки! Он снова заставил себя вернуться к планам спасения. Даже если он и не сумеет встать, доктор Элвин может отправиться за помощью сам. Шансы на успех в данном случае у одного были не меньше, чем у двоих.

Вновь раздался странный мягкий хлопок, на этот раз как будто ближе. Харпера вдруг удивило, что снег осыпается в такую холодную безветренную ночь. Оставалось

только надеяться, что они не окажутся на пути лавины. Конечно, он не успел как следует разглядеть уступ, на который они опустились, а потому не мог решить, насколько реальна такая опасность. Он подумал, не разбудить ли доктора Элвина, который, без сомнения, успел все рассмотреть, пока ставил палатку. Но тут же решил этого не делать: если им действительно грозит лавина, они все равно обречены.

Лучше вернуться к главной задаче. А не прикрепить ли передатчик к одному из левитаторов и не послать ли его вверх? Сигнал, конечно, будет принят, едва левитатор поднимется над ущельем, и спасатели найдут их через несколько часов или, в худшем случае, через несколько дней.

Правда, при этом они лишатся одного левитатора, и если почему-либо сигнал не будет принят, положение их станет значительно хуже. Но тем не менее...

Что это?! Теперь до него донесся не мягкий хлопок снега, а постукивание камешков о камешки. Камешки же сами собой в движение не приходят.

У тебя разыгралось воображение, сказал себе Харпер. Ну кто будет в глухую ночь разгуливать по гималайским ущельям? Но во рту у него внезапно пересохло, а по спине забегали мурашки. Нет, он, бесспорно, что-то слышал, и нечего себя успокаивать.

До чего шумно дышит доктор Элвин! Совершенно невозможно расслышать, что происходит снаружи. А может быть, недремлющее подсознание и во сне предупредило его об опасности? Черт побери, опять ты фантазируешь...

Снаружи стукнули камешки.

Пожалуй, ближе, чем в тот раз, и во всяком случае в другой стороне. Можно подумать, что кто-то, наделенный способностью двигаться почти бесшумно, медленно обходит их палатку.

В эту минуту Джордж Харпер с ужасом вспомнил все, что ему приходилось слышать о «снежном человеке». Прав-

да, слышал он о нем очень мало, но и этого было более чем достаточно.

Он вспомнил, что легенды о йети, как называли непальцы это неведомое существо, упорно бытуют среди обитателей Гималаев. Правда, ни одно из этих волосатых чудовищ не было ни разу поймано, сфотографировано или хотя бы точно описано надежным очевидцем. Почти весь мир был убежден, что йети лишь миф, и столь скудные доказательства, как следы на снегу или лоскутки кожи, хранящиеся в дальних монастырях, не могли поколебать этого убеждения.

Но гималайские горцы оставались при своем мнении. И Джордж Харпер начал опасаться, что правы были горцы, а не весь остальной мир.

Затем, когда протекло несколько долгих секунд, а все оставалось спокойно, его страх начал понемногу проходить. Наверное, у него от бессонницы возникают слуховые галлюцинации. И он заставил себя вновь вернуться к плану спасения. И уже успел снова углубиться в эти мысли, как вдруг о палатку ударилось какое-то тяжелое тело.

Харпер не завопил во всю мочь только потому, что у него от ужаса перехватило дыхание. Он был не в силах пошевелиться. Затем он услышал, как в темноте рядом с ним сонно заворочался доктор Элвин.

— Что такое? — пробормотал ученый. — Вам нехорошо?

Харпер почувствовал, что Элвин перевернулся на другой бок, и понял, что тот нащупывает фонарь. Он хотел прошептать: «Ради бога, не двигайтесь!», но не мог выдать из своего пересохшего горла ни звука. Раздался щелчок, и на одну из стенок палатки лег яркий кружок света от фонаря.

Эта стенка прогибалась внутрь, словно на нее давила какая-то тяжесть. В центре выпуклости было нетрудно угадать очертания не то руки со скрюченными пальцами, не то когтистой лапы. Она находилась всего в двух футах

над землей, словно неведомый пришелец теребил ткань палатки, стоя на коленях.

Свет, по-видимому, его испугал, потому что когтистая лапа мгновенно исчезла, и стенка вновь натянулась. Раздалось глухое сердитое ворчание, и на долгое время наступила полная тишина.

Харпер с трудом перевел дух. Он ожидал, что в стенке вот-вот появится зияющая прореха, и на них из темноты ринется нечто невыразимо ужасное. И он чуть истерически не вскрикнул, когда вместо треска рвущейся ткани откуда-то сверху донесся еле слышный посвист поднявшегося на мгновение ветра.

Затем последовал знакомый — почти домашний — звук. Это зазвенела пустая консервная банка, ударившись о камень, и почему-то напряженность немного спала. Харпер наконец смог заговорить, а вернее, шипло прошептать: — Он отыскал наши консервы. Может, теперь он уйдет.

Словно в ответ, послышалось рычание, в котором чувствовались разочарование и злость, затем раздался удар и грохот катящихся банок. Харпер вдруг вспомнил, что все их продовольствие было в палатке, а снаружи валялись пустые жестянки. Это его не обрадовало. Он от всего сердца пожалел, что они не взяли примера с суеверных горцев и не оставили снаружи подношения богам или демонам, бродящим по этим вершинам.

И тут произошло нечто настолько внезапное и неожиданное, что он сообразил, в чем было дело, только когда все кончилось. Раздался скрежет, словно по камням протаскивали что-то металлическое, потом — знакомое жужжание и удивленное фырканье.

И затем — душераздирающий вопль ярости и ужаса, который начал стремительно удаляться — все выше и выше в небо.

Этот замирающий звук вызвал в памяти Харпера давно забытую картину. Однажды ему довелось посмотреть старинный (начала двадцатого века) фильм, посвященный

истории воздухоплавания. В этом фильме было несколько страшных кадров, рассказывавших о первом полете дирижабля. Выводившие его из ангара рабочие отпустили канаты не все вместе, и тех, кто замешкался, дирижабль мгновенно увлек за собой в вышину. Несколько минут они беспомощно болтались под ним, цепляясь за канаты, а затем уставшие пальцы разжались и они один за другим попадали на землю.

Харпер ждал далекого глухого удара о камни, но удар так и не раздался. Тут он услышал, что доктор Элвин повторяет снова и снова:

— Я связал левитаторы вместе. Я связал левитаторы вместе.

Харпер был настолько ошеломлен, что это его даже не встревожило. Он испытывал только досаду.

Ведь теперь он так никогда и не узнает, кто рыскал вокруг их палатки в смутном мраке гималайской ночи.

День начинал клониться к вечеру, когда в ущелье спустился горный спасательный вертолет, который вел скептик-сикх, подозревавший, что все это подстроил какой-то изобретательный шутник. Когда вертолет приземлился в центре поднятого им снежного вихря, доктор Элвин, одной рукой цепляясь за столбик палатки, отчаянно замахал машине.

Узнав ученого, вертолетчик испытал что-то похожее на благоговейный ужас. Значит, это правда! Ведь иначе Элвин никогда бы не очутился тут. И следовательно, все, что сейчас летает в земной атмосфере и за ее пределами, с этой минуты устарело, как древние колесницы.

— Слава богу, что вы нашли нас, — прочувствованно сказал ученый. — Но как вы добрались сюда так быстро?

— За это можете поблагодарить радиолокаторную сеть слежения и телескопы орбитальных станций. Мы бы до-

брались сюда и раньше, только сначала думали, что это какой-то розыгрыш.

— Не понимаю...

— А что бы вы сказали, доктор, если бы кто-нибудь сообщил, что дохлый гималайский снежный барс, запутавшийся в какой-то сбруе, болтается на высоте в девяносто тысяч футов, не взлетая выше и не падая?

Джордж Харпер на своей постели в палатке принялся хохотать, не обращая внимания на боль, которую причинял смех. Доктор всунул голову внутрь и обеспокоенно спросил:

— Что случилось?

— Ничего... о-ох! Я просто задумался над тем, как мы снимем оттуда бедную животину, чтобы она не создавала угрозы для воздушного транспорта.

— Ну, отправим туда кого-нибудь на левитаторе, чтобы он нажал на кнопки. Возможно, надо будет ввести радио-контроль для всех аппаратов...

Голос доктора Элвина замер на полуслове. Ученый был уже далеко отсюда, углубившись в расчеты, которым предстояло изменить судьбу многих миров. Ибо он возвращал человечеству свободу, утраченную давным-давно, когда первые амфибии покинули свою невесомую подводную родину.

Битва с тяготением, длившаяся миллиард лет, была выиграна.

Айзек Азимов
ЗЕРКАЛЬНОЕ ОТРАЖЕНИЕ

ТРИ ЗАКОНА РОБОТЕХНИКИ

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые отдает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму законам.

Лидж Бейли только-только решил снова раскурить трубку, как дверь его кабинета внезапно распахнулась, причем в нее даже не постучали. Бейли раздраженно оглянулся — и уронил трубку. Он так и оставил ее валяться на полу, что ясно показывает, как он был удивлен.

— Р. Дэниил Олив! — воскликнул он в неопишемом волнении. — Черт побери, это же вы?!

— Вы совершенно правы, — ответил вошедший. Его загорелое лицо с удивительно правильными чертами осталось невозмутимым. — Я очень сожалею, что потревожил вас, войдя без предупреждения, но ситуация весьма щекотливая, и чем меньше о ней будут знать другие люди и роботы, даже из числа ваших сослуживцев, тем лучше. Сам же я очень рад вновь увидеться с вами, друг Элидж.

И робот протянул правую руку жестом, таким же человеческим, как и его внешний вид. Однако Бейли настолько растерялся, что несколько секунд недоуменно смотрел на протянутую руку, прежде чем схватил ее и горячо потряс.

— Но все-таки, Дэниил, почему вы тут? Конечно, я всегда рад вас видеть, но... Что это за щекотливая ситуация? Опять какие-нибудь всепланетные неприятности?

— Нет, друг Элидж! Ситуация, которую я назвал щекотливой, на первый взгляд может показаться пустяком. Всего лишь спор между двумя математиками. Но поскольку мы совершенно случайно оказались на расстоянии одного броска до Земли...

— Значит, этот спор произошел на межзвездном лайнере?

— Вот именно. Пустячный спор, но для людей, в нем замешанных, это совсем не пустяк.

Бейли не сдержал улыбки.

— Я не удивляюсь, что поступки людей вам кажутся неожиданными. Они ведь не подчиняются трем законам, как вы, роботы.

— Об этом можно только пожалеть, — с полной серьезностью заявил Р. Дэниил. — И кажется, сами люди неспособны понимать друг друга. Но возможно, вы понимаете их лучше, чем люди, обитающие на других планетах, так как Земля населена гораздо гуще. Потому-то, мне кажется, вы и можете нам помочь.

Р. Дэниил на мгновение смолк, а затем добавил, пожалуй, с излишней торопливостью:

— Однако некоторые правила человеческого поведения я усвоил хорошо и теперь замечаю, что нарушил требования элементарной вежливости, не спросив, как поживают ваша жена и ваш сын.

— Прекрасно. Парень учится в колледже, а Джесси занялась политикой. Ну, а теперь все-таки скажите мне, каким образом вы здесь очутились?

— Я уже упомянул, что мы находились на расстоянии короткого броска до Земли, — сказал Р. Дэниил. — И я рекомендовал капитану обратиться за советом к вам.

— И капитан согласился? — спросил Бейли, которому как-то не верилось, что капитан межзвездного лайнера ре-

шил сделать непредвиденную посадку из-за какой-то чепухи.

— Видите ли, — объяснил Р. Дэниил, — он оказался в таком положении, что согласился бы на что угодно. К тому же я всячески вас расхваливал, хотя, разумеется, говорил только правду, нисколько не преувеличивая. И наконец, я взялся вести все переговоры так, чтобы ни пассажирам, ни команде не пришлось покинуть корабля, нарушив тем самым карантин.

— И что все-таки произошло? — нетерпеливо спросил Бейли.

— В числе пассажиров космолета «Эта Карины» находятся два математика, направляющиеся на Аврору, чтобы принять участие в межзвездной конференции по нейробиофизике. И недоразумения возникли именно между этими математиками — Альфредом Барром Гумбольдтом и Дженнаном Себбетом. Может быть, вы, друг Элидж, слышали о них?

— Нет, — решительно объявил Бейли. — Я в математике ничего не понимаю. Послушайте, Дэниил, — вдруг спохватился он, — вы, надеюсь, не говорили капитану, что я знаток математики или...

— Конечно, нет, друг Элидж. Мне это известно. Но это не имеет значения, так как математика совершенно не связана с сутью спора.

— Ну ладно, валяйте дальше.

— Раз вы ничего о них не знаете, друг Элидж, я хотел бы сообщить вам, что доктор Гумбольдт — один из трех крупнейших математиков Галактики с давно установившейся репутацией. Ведь ему идет двадцать седьмой десяток. Доктор Себбет, с другой стороны, очень молод, ему нет еще и пятидесяти, но он уже заслужил репутацию выдающегося таланта, занимаясь наиболее сложными проблемами современной математики.

— Следовательно, оба — великие люди, — заметил Бейли. Тут он вспомнил про свою трубку и поднял ее, но

решил пока не закуривать. — Что же произошло? Убийство? Один из них втихомолку прикончил другого?

— Один из этих людей, имеющих самую высокую репутацию, пытается уничтожить репутацию другого. Если не ошибаюсь, по человеческим нормам это считается чуть ли не хуже физического убийства.

— В некоторых ситуациях, пожалуй. Ну, так кто же из них покушается на репутацию другого?

— В этом-то, друг Элидж, и заключается суть проблемы. Кто из них?

— Да говорите же!

— Доктор Гумбольдт излагает случившееся совершенно четко. Вскоре после того, как космолет стартовал, он внезапно сформулировал принцип, который позволяет создать метод анализа нейронных связей по изменениям карты поглощения микроволн в отдельных участках коры головного мозга. Принцип этот опирается на математические тонкости, которых я не понимаю и, стало быть, не могу вам изложить. Впрочем, к делу это не относится. Чем больше доктор Гумбольдт размышлял над своим открытием, тем больше он убеждался, что нашел нечто, революционизирующее всю его науку, перед чем бледнеют все его прежние достижения. И тут он узнал, что на борту космолета находится доктор Себбет.

— Ага! И он обсудил свое открытие с юным Себбетом?

— Вот именно. Они уже встречались на конференциях и заочно были хорошо знакомы друг с другом. Гумбольдт подробно изложил Себбету свои заключения. Тот полностью их подтвердил и не скупился на похвалы важности открытия и таланту того, кто это открытие сделал. После этого Гумбольдт, окончательно убедившись, что он стоит на верном пути, подготовил доклад с кратким описанием своего открытия и через два дня собрался переслать его комитету конференции на Авроре, чтобы официально закрепить за собой приоритет, а кроме того, и выступить с подробным сообщением на самой конференции. К своему

удивлению, он обнаружил, что и Себбет подготовил доклад примерно такого же содержания и тоже намеревается отправить его на Аврору.

— Гумбольдт, наверное, разъярился?

— Еще бы!

— А Себбет? Что говорит он?

— То же самое, что и Гумбольдт, слово в слово.

— Ну, так в чем же здесь трудность?

— В зеркальной перестановке имен. Себбет утверждает, что открытие сделал он и что это он обратился за подтверждением к Гумбольдту, и что все было наоборот — это Гумбольдт согласился с его выводами и всячески их расхваливал.

— То есть каждый утверждает, что идея принадлежит ему, а другой ее украл? Я все-таки не вижу, в чем тут трудность. Когда речь идет о научных открытиях, достаточно просто представить подписанные и датированные протоколы исследований, после чего легко устанавливается приоритет. И даже если одни протоколы подделаны, это не трудно обнаружить благодаря внутренним несоответствиям.

— При обычных обстоятельствах, друг Элидж, вы были бы совершенно правы, но ведь тут речь идет о математике, а не об экспериментальных науках. Доктор Гумбольдт утверждает, что держал все необходимые данные в голове и ничего не записывал, пока не начал составлять вышеуказанный доклад. Доктор Себбет, разумеется, утверждает то же самое.

— Ну, в таком случае следует принять решительные меры, чтобы разом с этим покончить. Прозондируйте их психику и установите, кто из них лжет.

Р. Дэниел покачал головой.

— Друг Элидж, вы, по-видимому, не поняли, о ком идет речь. Оба они — члены Межгалактической академии, а потому все вопросы, касающиеся их профессионального поведения, правомочна решать только одна комиссия Ака-

демии. Если, конечно, они сами не согласятся добровольно подвергнуться проверке.

— Ну, так предложите им подвергнуться проверке. Виновный откажется, зная, чем грозит ему психологическое зондирование. Невинный, несомненно, согласится, и вам даже не придется прибегать к зондированию.

— Вы неправы, друг Элидж. Для таких людей дать согласие на подобную проверку — значит поступиться своим престижем. Несомненно, они оба откажутся только из гордости. И все прочее тут отступит на второе место.

— Ну, так ничего пока не делайте. Отложите решение вопроса до прибытия на Аврору. На этой нейробиофизической конференции, конечно, будет присутствовать такое число академиков, что избрать комиссию...

— Но это нанесет серьезный удар престижу самой науки, друг Элидж. И если скандал разразится, пострадают оба. Тень падет даже на невинного, потому что он позволил впутать себя в столь неблагоприятную историю. Все будут считать, что ему следовало бы покончить с ней тихо, не доводя дело до суда.

— Ну ладно. Я не академик, но постараюсь представить себе, что подобная точка зрения имеет под собой почву. А что говорят сами эти математики?

— Гумбольдт решительно не хочет скандала. Он говорит, что если Себбет признается в присвоении этой идеи и не воспрепятствует Гумбольдту передать тезисы или хотя бы сделать доклад на конференции, он не станет выдвигать никаких официальных обвинений. Неэтичный поступок Себбета останется тайной, известной только им троим, включая капитана, так как, разумеется, никто из людей больше в эту историю не посвящен.

— А юный Себбет не соглашается?

— Наоборот, он во всем согласен с доктором Гумбольдтом — но с перестановкой имен, разумеется. Все то же зеркальное отражение.

— И значит, оба они, так сказать, в пату?

— Мне кажется, друг Элидж, что каждый ждет, чтобы другой не выдержал и признал свою вину.

— Ну, так пусть себе ждут.

— Капитан считает, что это невозможно. Видите ли, здесь есть два варианта. Либо оба будут упрямыться до посадки на Аврору, и тогда неминуемо разразится академический скандал. И капитан, отвечающий за поддержание закона и порядка на своем лайнере, получит выговор за то, что не сумел уладить все без шума. А он об этом и слышать не хочет.

— Ну, а второй вариант?

— Либо тот, либо другой признается в плагиате. Но будет ли признавшийся действительно виновным? Или он пойдет на это из благородного желания предотвратить скандал? А разве можно допустить, чтобы человек, готовый ради чести науки поступиться заслуженной славой, и в самом деле лишился этой славы? Или же в последний момент признается виновный, но так, чтобы создалось впечатление, будто он делает это исключительно из вышеупомянутых благородных побуждений, избежав таким образом позора и бросив тень на второго. Конечно, из людей знать об этом будет только капитан, но он не желает до конца своих дней мучиться мыслью, что невольно оказался пособником бессовестного плагиатора.

Бейли вздохнул.

— Ну, так сказать, кто кого пересидит. Кто не выдержит первым по мере приближения к Авроре? Это все, Дэниил?

— Не совсем. Имеются свидетели.

— Черт побери! Почему же вы этого сразу не сказали? Какие свидетели?

— Камердинер доктора Гумбольдта...

— А, робот, наверное.

— Ну конечно. Его зовут Р. Престон. Этот камердинер, Р. Престон, присутствовал при первом разговоре, и он подтверждает рассказ доктора Гумбольдта во всех частностях.

— То есть он говорит, что идея принадлежала доктору Гумбольдту, что доктор Гумбольдт изложил ее доктору Себбету, что доктор Себбет пришел от нее в восторг и так далее?

— Вот именно.

— Ага. Но это решает вопрос? Или нет? По-видимому, нет.

— Вы совершенно правы. Вопросы это не решает, потому что имеется второй свидетель. У доктора Себбета также есть камердинер, Р. Айд, также робот и той же модели, что и Р. Престон, изготовленный в том же году, на том же заводе. Оба прослужили у своих хозяев одинаковый срок.

— Странное совпадение... Очень странное.

— И тем не менее это факт, который, боюсь, затрудняет возможность сделать какие-либо выводы из различий между камердинерами.

— Следовательно, Р. Айд показывает то же самое, что Р. Престон?

— Абсолютно то же самое, за исключением зеркальной перестановки имен.

— Другими словами, Р. Айд утверждает, что юный Себбет, тот, которому еще не исполнилось пятидесяти, сам наткнулся на эту идею, что он изложил ее доктору Гумбольдту, который не скупился на похвалы, и так далее?

— Совершенно верно, друг Элидж.

— Из чего следует, что один из роботов лжет.

— По-видимому, да.

— Ну, мне кажется, будет нетрудно решить, кто из них лжет. Вероятно, если опытный робо-психолог сделает даже поверхностное обследование...

— К сожалению, друг Элидж, на борту лайнера нет робо-психолога, достаточно квалифицированного, чтобы вынести суждение по столь деликатному вопросу. Подобные исследования можно будет произвести, только когда мы достигнем Авроры, так как ни доктор Гумбольдт, ни доктор Себбет не согласятся остаться без камердинеров на срок,

который потребуется для обследования роботов земными специалистами.

— Но в таком случае, Дэниил, я не совсем понимаю, чего вы хотите от меня.

— Я глубоко убежден, — невозмутимо сказал Р. Дэниил, — что вы уже наметили какой-то план действий.

— Ах так? Ну, по-моему, в первую очередь следует поговорить с этими математиками, один из которых — плагиатор.

— Боюсь, друг Элидж, что это невозможно. Они не могут покинуть лайнер из-за карантина. И по той же причине к ним не можете явиться вы.

— Да, конечно, Дэниил, но я имел в виду беседу по видеофону.

— К сожалению, они вряд ли согласятся, чтобы их допрашивал простой полицейский следователь. Опять-таки вопрос престижа.

— Ну, а с роботами-то я могу поговорить по видеофону?

— Это, я полагаю, можно будет устроить.

— Попробуем обойтись и этим. Значит, мне придется взять на себя функции робопсихолога-любителя.

— Но вы же сыщик, друг Элидж, а не робопсихолог.

— Ну, неважно. Только прежде, чем я увижусь с ними, давайте поразмыслим. Скажите, а не может ли быть так, что оба робота говорят правду? Например, разговор между математиками велся полунамеками. И тогда каждый робот искренне верит, что идея принадлежала его хозяину. Или оба слышали лишь часть разговора, причем не одну и ту же, и пришли к одному и тому же выводу.

— Абсолютно невозможно, друг Элидж. Оба робота повторяют разговор совершенно одинаково, если не считать главного противоречия.

— Таким образом, несомненно, что один из роботов лжет?

— Да.

— Можно мне будет получить копию показаний, дававшихся в присутствии капитана?

— Я предвидел, что копия может вам понадобится, и захватил ее с собой.

— Вот и чудесно. А роботам была устроена очная ставка? И это отражено в протоколе?

— Роботы просто рассказали то, что им было известно. Устраивать очную ставку правомочен только робопсихолог.

— Или я?

— Вы — сыщик, друг Элидж, а не...

— Ну ладно, ладно, Дэниил. Подумаем-ка еще. При обычных обстоятельствах робот лгать не станет. Однако он солжет, чтобы не нарушить какой-нибудь из трех законов. Он может солгать, чтобы сохранить собственное существование в соответствии с Третьим законом. Еще легче он солжет, чтобы выполнить распоряжение, полученное от человека, поскольку это соответствует Второму закону. И он скорее всего солжет, если это понадобится для спасения человеческой жизни или если он таким способом воспрепятствует тому, чтобы человеку был причинен вред, согласно Первому закону.

— Совершенно верно.

— В данном случае каждый из этих роботов предположительно защищает профессиональную репутацию своего хозяина и ради этого в случае необходимости, несомненно, будет лгать. Ведь профессиональная репутация тут почти эквивалентна жизни, и Первый закон вынудит его ко лжи.

— Однако такой ложью каждый камердинер будет вредить профессиональной репутации другого математика, друг Элидж.

— Да, пожалуй. Но ведь репутация хозяина может представляться ему более значимой и важной, чем репутация любого другого человека. И в этом случае, с его точки зрения, ложь принесет намного меньше вреда, нежели правда.

Сказав это, Лидж Бейли умолк и задумался. Затем он продолжал:

— Ну, хорошо. Так вы мне дадите возможность побеседовать с роботами? Я думаю, лучше будет начать с Р. Айда.

— Робота доктора Себбета?

— Да.

— Ну, так подождите минутку, — сказал Р. Дэниил. — Я захватил с собой микроприемник, соединенный с проектором. Мне потребуется только белая стена. Вот эта вполне подойдет, если вы разрешите мне отодвинуть ящики с картотекой.

— Валяйте. Мне что, нужно будет говорить в микрофон?

— Нет. Вы сможете говорить так, словно ваш собеседник находится перед вами. Но, извините, друг Элидж, мне придется еще немножко вас задержать. Я должен сперва связаться с космолетом и вызвать Р. Айда к передатчику.

— Ну, в таком случае, Дэниил, может, вы мне пока дадите копии протоколов?

Пока Р. Дэниил налаживал оборудование, Лидж Бейли, закулив трубку, принялся перелистывать протоколы, которые передал ему робот.

Через несколько минут Р. Дэниил сказал:

— Р. Айд вас ждет, друг Элидж. Но может быть, вы хотели бы еще несколько минут посвятить протоколам?

— Нет, — вздохнул Бейли. — Ничего нового я в них не нахожу. Включайте передатчик и последите, чтобы наш разговор записывался.

На стене появилось двумерное изображение Р. Айда. В отличие от Р. Дэниила он вовсе не походил на человека и был сделан из металла. Он был высок, но состоял из нескольких блоков и мало чем отличался от обыкновенных роботов. Бейли заметил только несколько мелких отклонений от привычного стандарта.

— Добрый день, Р. Айд, — сказал Бейли.

— Добрый день, сэр, — ответил Р. Айд негромким и совсем человеческим голосом.

— Ты камердинер Дженнана Себбета, не так ли?

— Да, сэр.

— И давно ты у него служишь?

— Двадцать два года, сэр.

— И репутация твоего хозяина для тебя важна?

— Да, сэр.

— Ты считаешь необходимым защищать его репутацию?

— Да, сэр.

— Наравне с его жизнью?

— Нет, сэр.

— Наравне с репутацией какого-нибудь другого человека?

После некоторого колебания Р. Айд сказал:

— Тут не может быть общего ответа, сэр. В каждом подобном случае решение будет зависеть от конкретных обстоятельств.

Бейли помолчал, собираясь с мыслями. Этот робот рассуждал много тоньше и логичнее, чем те, с которыми ему приходилось иметь дело до сих пор. И он вовсе не был уверен, что сумеет расставить ему ловушку. Бейли сказал:

— Если бы ты решил, что репутация твоего хозяина важнее репутации другого человека, например Альфреда Гумбольдта, ты бы солгал, чтобы защитить репутацию твоего хозяина?

— Да, сэр.

— Солгал ли ты, давая показания о споре твоего хозяина с доктором Гумбольдтом?

— Нет, сэр.

— Но если бы ты солгал, ты бы отрицал это, чтобы скрыть свою ложь, не так ли?

— Да, сэр.

В таком случае, — сказал Бейли, — рассмотрим ситуацию поподробнее. Твой хозяин, Дженнан Себбет, имеет

репутацию замечательного математика, но он еще очень молод. Если доктор Гумбольдт сказал правду и твой хозяин, не устояв перед искушением, действительно совершил неэтичный поступок, его репутация, конечно, несколько пострадает. Но у него впереди вся жизнь, и он сумеет искупить свой проступок. Его ждет еще много блестящих открытий, и со временем все забудут про эту попытку плагиата, объяснив ее опрометчивостью, свойственной молодым людям. То есть для него все еще поправимо. Если же, с другой стороны, искушению поддался доктор Гумбольдт, то положение создается гораздо более серьезное. Он уже стар, и главные его свершения относятся к прошлому. До сих пор его репутация оставалась незапятнанной. И этот единственный проступок на склоне лет зачеркнет все его славное прошлое, а у него уже не будет времени поправить дело. За остающиеся ему годы он вряд ли сумеет сделать что-нибудь значительное. По сравнению с твоим хозяином доктор Гумбольдт теряет гораздо больше, а возможностей поправить случившееся у него гораздо меньше. Таким образом, ты видишь, что положение Гумбольдта намного более серьезно и чревато, несомненно, более опасными последствиями, не так ли?

Наступила долгая пауза. Затем Р. Айд сказал ровным голосом:

— Мои показания были ложью. Работа принадлежит доктору Гумбольдту, а мой хозяин попытался присвоить ее, не имея на то права.

— Прекрасно, — сказал Бейли. — По распоряжению капитана корабля ты не должен никому ничего говорить о нашей беседе, пока тебе не будет дано на это разрешение. Можешь быть свободен.

Экран померк, и Бейли, затянувшись, выпустил клуб дыма.

— Капитан все слышал, Дэниил?

— Разумеется. Он — единственный свидетель, не считая нас.

— Очень хорошо. А теперь давай второго робота.

— Но зачем, друг Элидж? Ведь Р. Айд во всем признался!

— Нет, это необходимо. Признание Р. Айда ничего не стоит.

— Ничего?

— Абсолютно ничего. Я объяснил ему, что доктор Гумбольдт находится в худшем положении, чем его хозяин. Естественно, если он лгал, защищая Себбета, то тут он сказал бы правду, как он и утверждает. Но если он говорил правду раньше, то теперь он солгал бы, чтобы защитить Гумбольдта. Это по-прежнему зеркальное изображение, и мы ничего не добились.

— Но в таком случае чего мы добьемся, допросив Р. Престона?

— Если бы зеркальное изображение было абсолютно точным, мы бы ничего не добились. Но одно различие существует. Ведь кто-то из роботов начал с того, что сказал правду, а кто-то солгал. И вот тут симметрия нарушена. Давай-ка мне Р. Престона, а если запись допроса Р. Айда готова, я хотел бы ее посмотреть.

На стене вновь появилось изображение. Р. Престон ничем не отличался от Р. Айда, если не считать узора на грудной пластине.

— Добрый день, Р. Престон, — сказал Бейли, держа перед собой запись допроса Р. Айда.

— Добрый день, сэр, — сказал Р. Престон. Голос его ничем не отличался от голоса Р. Айда.

— Ты камердинер Альфреда Гумбольдта, не так ли?

— Да, сэр.

— И давно ты у него служишь?

— Двадцать два года, сэр.

— И репутация твоего хозяина для тебя важна?

— Да, сэр.

— Ты считаешь необходимым защищать его репутацию?

- Да, сэр.
- Наравне с его жизнью?
- Нет, сэр.
- Наравне с репутацией какого-нибудь другого человека?

После некоторого колебания Р. Престон сказал:

— Тут не может быть общего ответа, сэр. В каждом подобном случае решение будет зависеть от конкретных обстоятельств.

Бейли сказал:

— Если бы ты решил, что репутация твоего хозяина важнее репутации другого человека, например Дженнана Себбета, ты бы солгал, чтобы защитить репутацию твоего хозяина?

— Да, сэр.

— Солгал ли ты, давая показания о споре твоего хозяина с доктором Себбетом?

— Нет, сэр.

— Но если бы ты солгал, ты бы отрицал это, чтобы скрыть свою ложь, не так ли?

— Да, сэр.

— В таком случае, — сказал Бейли, — рассмотрим ситуацию поподробнее. Твой хозяин, Альфред Гумбольдт, имеет репутацию замечательного математика, но он старик. Если доктор Себбет сказал правду и твой хозяин, не устояв перед искушением, действительно совершил неэтичный поступок, его репутация, конечно, несколько пострадает. Однако его почтенный возраст и замечательные открытия, которые он делал на протяжении столетий, перевесят этот единственный неверный шаг и заставят забыть о нем. Эта попытка плагиата будет объяснена утратой чувства реальности, свойственной старикам. Если же, с другой стороны, искушению поддался доктор Себбет, то положение создается гораздо более серьезное. Он молод, и репутация его не столь прочна. При обычных обстоятельствах его ждали бы столетия, чтобы он мог совершенствоваться

свои знания и делать великие открытия. Теперь же он будет всего этого лишен — из-за единственной ошибки молодости. Будущее, которое он теряет, несравненно больше, чем то, которое еще остается твоему хозяину. Таким образом, ты видишь, что положение Себбета намного более серьезно и чревато, несомненно, более опасными последствиями, не так ли?

Наступила долгая пауза. Затем Р. Престон сказал ровным голосом:

— Мои показания были ложью...

Внезапно он умолк и больше не издал ни звука.

— Так что же ты хотел сказать, Р. Престон? — спросил Бейли.

Робот молчал.

— Боюсь, друг Элидж, — вмешался Р. Дэниил, — что Р. Престон находится в состоянии полного отключения. Он вышел из строя.

— Наконец-то мы добились асимметричности, — сказал Бейли. — Теперь мы можем установить, кто виновен.

— Каким же образом, друг Элидж?

— А вот подумай. Предположим, ты — человек, который не совершил преступления, что известно твоему личному роботу. Тебе не нужно предпринимать никаких действий. Твой робот скажет правду и подтвердит твои слова. С другой стороны, если ты — человек, который совершил преступление, тебе будет нужно, чтобы твой робот солгал. А это сопряжено с определенным риском: хотя робот в случае необходимости и солжет, стремление сказать правду останется достаточно сильным. Другими словами, правда оказывается намного надежнее лжи. Чтобы обезопасить себя, человек, совершивший преступление, скорее всего прямо прикажет роботу солгать. В результате Первый закон будет подкреплён Вторым законом, и, возможно, в значительной степени.

— Это выглядит логичным, — заметил Р. Дэниил.

— Предположим, мы имеем по одному роботу каждого

типа. Один из них переключится с ничем не подкрепленной правды на ложь. И проделает это после некоторых колебаний без каких-либо неприятных последствий. Второй робот переключится от сильно подкрепленной лжи на правду, но при этом он рискует сжечь позитронные связи своего мозга и впасть в состояние полного отключения.

— А поскольку Р. Престон впал в состояние полного отключения...

— Значит, хозяин Р. Престона, доктор Гумбольдт, виновен в плагиате. Если вы передадите это капитану и рекомендуете ему немедленно переговорить с доктором Гумбольдтом, тот, возможно, во всем сознается. В таком случае, я надеюсь, вы мне немедленно об этом сообщите.

— Непременно. Вы меня извините, друг Элидж? Я должен поговорить с капитаном без свидетелей.

— Ну конечно. Пройдите в зал заседаний, он полностью экранирован.

Р. Дэниил вышел, а Бейли обнаружил, что не в состоянии ничем заняться. Он волновался. Слишком многое зависело от правильности его анализа, а он остро чувствовал, как мало знает о психологии роботов.

Р. Дэниил вернулся через полчаса, и эти полчаса, пожалуй, были самыми длинными в жизни Бейли.

Разумеется, по невозмутимому лицу робота, несмотря на все его сходство с человеком, нельзя было ни о чем догадаться, и Бейли также постарался сохранить полную невозмутимость, когда спросил:

— Ну так что же, Дэниил?

— Все произошло, как вы сказали, друг Элидж. Доктор Гумбольдт признался. По его словам, он рассчитывал, что доктор Себбет отступит и позволит ему насладиться этим последним триумфом. Теперь дело улажено, и капитан просил передать вам, что он в восторге. И думаю, мне тоже зачтется, что я рекомендовал вас.

— Вот и хорошо, — сказал Бейли, который теперь, когда все окончилось благополучно, вдруг почувствовал, что

еле держится на ногах. — Но, черт побери, Дэниил, не впутывайте меня больше в такие истории, ладно?

— Постараюсь, друг Элидж. Но, разумеется, дальнейшее будет зависеть от того, насколько важной окажется проблема, от вашего местонахождения в тот момент и от некоторых других факторов. Однако мне хотелось бы задать вам один вопрос...

— Валяйте.

— Разве нельзя было предположить, что переход от лжи к правде должен быть легким, а переход от правды ко лжи — трудным? Это означало бы, что робот, полностью отключившийся, собирался вместо правды сказать ложь, а так как полностью отключился Р. Престон, то это означало бы, что виновен не доктор Гумбольдт, а доктор Себбет, не так ли?

— Совершенно верно, Дэниил. Можно было бы рассуждать и таким образом, но правильным оказалось обратное предположение. Ведь Гумбольдт-то признался. Разве нет?

— Да, конечно. Но раз оба эти построения были равно возможны, каким образом вы, друг Элидж, так быстро сделали свой выбор?

Губы Бейли задергались. Он не выдержал и улыбнулся.

— Дело в том, Дэниил, что я исходил из психологии людей, а не роботов. В людях я разбираюсь лучше, чем в роботах. Другими словами, еще до того, как стал допрашивать роботов, я довольно точно представлял себе, кто из математиков виновен. Когда же мне удалось добиться асимметричной реакции роботов, я истолковал ее как доказательство вины того, в чьей виновности я уже не сомневался. Реакция робота была настолько эффективной, что виновный человек не выдержал и сознался. А одним только анализом человеческого поведения я вряд ли сумел бы этого добиться.

— Мне хотелось бы узнать, что именно вам дал анализ человеческого поведения.

— Черт побери, Дэниил, подумайте немножко, и вам

незачем будет спрашивать. В этой истории с зеркальными отражениями была еще одна асимметричность, помимо момента правды и лжи. А именно возраст двух математиков, один из которых — глубокий старик, а другой еще очень молод.

— Да, конечно, но что из этого следовало?

— А вот что. Я могу представить себе, что молодой человек, ошеломленный открытием совершенно нового принципа, поторопится поделиться им с маститым ученым, которого он еще на студенческой скамье привык почитать как великое светило. Но я не могу себе представить, чтобы маститый ученый, всемирно прославленный, привыкший к триумфам, открыв совершенно новый принцип, поторопился бы поделиться им с человеком, который моложе его на двести лет и которого он, несомненно, считает желторотым юнцом. Далее. Если бы молодому человеку и представился случай украсть идею у прославленного светила, мог бы он это сделать? Ни в коем случае. С другой стороны, старик, сознающий, что способности его угасают, мог бы многим рискнуть ради последнего триумфа, искренне считая, что у него нет никаких этических обязательств по отношению к тому, в ком он видел молокососа и выскочку. Короче говоря, было бы невероятно, чтобы Гумбольдт представил свое открытие на суд Себбета или чтобы Себбет украл идею Гумбольдта. Виновым в любом случае оказывался доктор Гумбольдт.

Р. Дэниил довольно долго раздумывал над услышанным. Потом он протянул Лиджу Бейли руку.

— Мне пора, друг Элидж. Было очень приятно повидать вас. И надеюсь, до скорой встречи.

Бейли сердечно потряс протянутую руку.

— Если можно, Дэниил, — не до очень скорой.

Цончо Родев
РУКОПИСЬ КЛИТАРХА *

Те из наших читателей, которые следят за научными и научно-популярными журналами или только за научными публикациями в газетах, будут, вероятно, очень удивлены, снова увидев подпись Страхила Смилова, «злополучного героя нашумевшего скандала с рукописью Клитарха», как соблаговолила меня назвать «Вечерняя почта». Я обращаюсь к этим читателям с покорной просьбой: не спешите посылать в редакцию возмущенные письма, пока не дочитаете этот репортаж до конца. Больше того. Я обещал быть скромным, как подобает победителю, но не могу удержаться от похвалы: я, Страхил Смилов, совсем не такой злополучный, ибо уже три дня ношу в нагрудном кармане выписку из приказа, которым «за особые заслуги перед журналом» меня повышают из простого литсотрудника в редакторы... Но пора мне закончить это вступление и перейти к делу, иначе я рискую увлечься и дойти до самовосхвалений. А я, как вам известно, самый скромный и застенчивый человек в мире.

СИГАРЕТУ, ТОВАРИЩ СМИЛОВ?

24-го марта секретарша нашей редакции заглянула ко мне в кабинет и сказала равнодушно:

— Страхил, к шефу!

Кажется, я невольно поморщился. До сих пор не знаю, то ли я вспомнил старое правило: «Не вертись около на-

---

* Клитарх — греческий историк IV в. до н. э., возможно участвовавший в походах Александра Македонского. — *Прим. перев.*

чальства, чтоб не задало тебе работы» или уже тогда предчувствовал, какие неприятности меня ожидают.

— К шефу или к заместителю? — спросил я.

— Конечно, к Божилову, — ответила секретарша и хлопнула дверь.

Пока я иду к кабинету заместителя, могу вам выдать один секрет. Наш Главный — человек тихий и вежливый; но как и всякий Главный, он не только «главный», но и «очень главный», а потому вечно мотается по разным заседаниям, в редакции бывает редко и все дела предоставил своему заместителю Божилову. А Божилов вдесятеро хуже Главного. Судите сами: если ругает Главный, то кажется, что он ласково похлопывает тебя по плечу, а если тебя ласково похлопает Божилов, то плечо будет в синяках. Если же ему когда-нибудь и приходится сказать хоть кому-то доброе слово, то он это делает с таким видом, словно его мучает зубная боль.

После всех этих объяснений вы не удивитесь, что, торопливо шагая по коридору, я обдумывал, по какому поводу на этот раз услышу привычное: «Придется удержать у вас четверть зарплаты, Смилов».

Итак, я постучался и вошел. Божилов оторвал взгляд от бумаг на своем столе, обернулся ко мне и улыбнулся. Я окаменел: за всю долгую историю нашего журнала это была его вторая улыбка. Первая появилась шесть лет назад в связи с опечаткой, превратившей одну фразу в пикантную двусмысленность и повлекшей за собой целый ряд неприятностей.

— Здравствуйте, товарищ Смилов. — Он указал мне кресло напротив себя. В голосе звучала истинная нежность. — Сигарету?

Я откинулся в кресле, вздохнул и смиренно возвел очи к небу. Сигарета от Божилова означала по меньшей мере увольнение. Я взял ее с отрешенностью приговоренного к смерти.

— Видите ли, Смилов, — заговорил он, — в последнее

время вы работали хорошо. Некоторые ваши материалы подняли... хм... довольно много шуму... хм-м... и вы, так сказать... хм-м-м... добились весьма заметного успеха.

— Каждый из нас делает, что может, — ответил я. Как сказано выше, скромность — самая отличительная моя черта.

Товарищ Божилов — человек невысокий и полный, но удивительно подвижный, у него гладкая, как дыня, голова, щетина усов и мышинные глазки. Сейчас эти глазки свирепо сверкнули, но он, не повысив тона, произнес:

— Геростратов успех, но — хм — заслуга ваша.

Я поспорил с историей еще в школе и потому не знаю, что это за приятель — Герострат, с которым он меня сравнил. Но слова о заслуге я понял отлично. А Божилов продолжал:

— Вот, например, в декабре вы поместили статью «Рукопись Клитарха», верно? Статья — хм — превосходная во всех отношениях, ничего не скажешь. В ней есть буквально все: молодые болгарские ученые, смело спускающиеся на глубину 540 метров, открытие античного корабля, полностью сохранившаяся рукопись древнего историка Клитарха, даже... хм-м... факсимиле первой страницы рукописи. И только одно вы упустили: признать, что это — научно-фантастический рассказ.

— Но он совсем не фантастический, — вскричал я. — Там написана сушая правда! Если бы я писал научную фантастику, мои герои назывались бы не Климент и Стефан, а как у всех авторов — Боян, Андрей или, на худой конец, Чавдар...

— Вы хотите сказать, что инженер Климент Васев и доктор Стефан Каменов действительно существуют? — бесстрастно спросил он.

— Конечно, — ответил я со всей возможной твердостью.

— К сожалению, публика... хм... придерживается иного мнения, Смилов. — Он порылся в наваленных на столе га-

зетах и вырезках. — Я ознакомлю вас с кое-какими сообщениями, очень — хм — любопытными. Вот, например, советский журнал «Мир сегодня» пишет: «Наш болгарский коллега Страхил Смилов несколько увлекается. Глубина в 540 метров для аквалангиста недостижима. Швейцарец Ханнес Келлер, погубив две человеческие жизни, погрузился на 305 метров, но оставался там не более четырех-пяти минут. Что же сказать о болгарях Клименте Васеве и Стефане Каменове, которые не только погрузились на 540 метров, но и часами работали на этой глубине? Коллега Смилов явно погнался за дешевой сенсацией, подрывающей авторитет представляемого им журнала». — Он отложил эту вырезку и взял другую. — Итальянцы в «Оджи э домани» совсем не так деликатны. Они прямо пишут: «Мания превосходства, охватившая коммунистический мир, принимает иногда необычные формы. Болгары, например, сообщают о подводных геологических исследованиях, проведенных в Черном море на глубине ни много ни мало 540 метров. Глубина Черного моря в указанной географической точке действительно достигает 540 метров. Но это — единственное достоверное сообщение в статье г. Страхила Смилова. Мы обратились к физиологу профессору Луиджи Бианки и к аквалангисту-профессионалу Марио Мартелотто, и они заявили категорически, что написанное г. Смиловым — либо абсурд, либо, скорее всего, дерзкая фальсификация. Глубина в 540 метров физиологически недостижима для человеческого организма, и нет такого легкоодолазного аппарата с какой бы то ни было газовой смесью, который позволил бы спуститься на такую глубину. Так что мнимая рукопись Клитарха, возбуждая волнение в научном мире, есть не что иное, как уродливое порождение фантазии автора и... останется на его совести». — Нет, потерпите, пожалуйста, — сказал Божилов, заметив, что я хочу перебить его. — Раскроем французский журнал «Сьянс пур тус»: «Оригинал рукописи Клитарха с полным текстом его «Истории» был бы археологической

находкой, почти равной открытию Трои Шлиманом или гробницы Тутанхамона — Картером и Карнарвоном. Неудивительно поэтому, что болгарское сообщение так взволновало научные круги. Но спешим предупредить наших читателей, что речь идет о не очень удачном научно-фантастическом рассказе, автор которого доказывает, что в основе его лежат научные факты. Лучшие специалисты-подводники сходятся на том, что упомянутые глубины пока остаются недоступными для аквалангистов и что даже теоретически, независимо от состава дыхательной смеси, человек может погрузиться не больше чем на 450 метров. Глубины 540 метров можно достичь, например, в батисфере или мезоскафе, но тогда невозможно вести подводные исследования и раскопки, о которых пишет г. Страхил Смилов».

— Но, товарищ Божилов... — начал было я, но он снова прервал меня:

— Погодите, погодите. Вот что пишут швейцарцы в своем журнале «Акта археологика гельветика»: «Заблуждение историков вызвано двумя причинами: чрезвычайно ловкой подделкой факсимиле, в котором сохранены все лексические и палеографические особенности греческого языка той эпохи, и априорной возможностью найти древние рукописи в указанном районе. Как известно, Ксенофонт, описывая пиратство фракийцев близ города Салмидес (примерно в районе, указанном автором «Рукописи Клитарха»), говорит, что их жертвами стали многие греческие корабли, груженные «ларцами со свитками рукописей и многими другими вещами, которые моряки возят в непромокаемых ящиках» (Анабазис, VII, 5, 12). Это показывает, что автором мистификации был не журналист, а хороший историк, отличный знаток древнегреческого языка. Но специалисты-водолазы единодушно утверждают, что...» и так далее.

— Вот видите! — вскричал я, впервые ощутив под ногами твердую почву. — Значит, найти такую рукопись и

вправду можно! А что касается фальсификации, то вы знаете, что из истории мне известны только две даты: 2 марта и 9 сентября*, а из греческого языка — только буква альфа...

— Не горячитесь, дорогой Смилов, — снова прервал меня Божилов. Я предпочел бы слышать вместо слова «дорогой» самые страшные ругательства. — Нервы у вас не выдерживают, а я не прочитал и половины зарубежных откликов на вашу замечательную статью. Есть еще несколько столь же лестных статей — польских, чешских, восточно- и западногерманских, английских, американских и греческих. Ладно, не буду вам их читать, чтобы не портить настроения. Но... хм... позвольте хотя бы заглянуть в нашу прессу. Вот «Археологический вестник»: «Автор (то есть вы) едва ли понимает, какую медвежью услугу он оказал репутации нашей науки». Журнал «Морские просторы»: «Журнал, которому мы привыкли доверять, поражает мир нелепой сенсацией, результатом полного невежества в азбуке водолазного дела. Не странно ли, что среди болгарских аквалангистов неизвестны ни Климент Васев, ни Стефан Каменов? Или, может быть, товарищ Смилов признается, что они рождены его фантазией?» Академик Григоров в «Народном голосе» пишет: «Самый крупный научный скандал со времени «Веда словена»**. Газе-

---

* 2 марта 1941 г. в Болгарию вступили немецко-фашистские войска, 9 сентября 1944 г. — день освобождения Болгарии от фашистского ига. — *Прим. перев.*

** Болгарский фольклорист, этнограф и археолог Стефан Веркович выпустил в Белграде в 1874 г. сборник болгарских эпических песен «Веда словена», признанных равными «Илиаде» или «Нибелунгам» и собранных македонским учителем Гологановым. Среди ученых-славистов сборник вызвал долгие споры, закончившиеся шумным скандалом, когда оказалось, что песни сочинил сам Гологанов, желая таким путем прославить болгарский народ. — *Прим. автора.*

та «Вечерняя почта»: «Нужно привлечь к ответственности тех, которые...»

Я не выдержал. Заткнул уши и закричал:

— Довольно, довольно! Делайте со мной, что хотите, но прекратите читать...

Тут Божилов поглядел на меня с лицемерным сочувствием.

— Значит, довольно? А я кому скажу «довольно», дорогой Смилов? Господу богу? Или, может быть, вы посоветуете мне отправить всем газетам и журналам циркуляр с единственным словом «Довольно»?

Я сделал усилие, чтобы овладеть собой, и холодно произнес:

— В конце концов, я только литературный сотрудник, а не историк и не аквалангист.

— Но в качестве литературного сотрудника вы должны проверять... хм... достоверность своих сочинений.

— Я вам повторяю, это не сочинение. В ноябре сюда, в редакцию, пришел человек, который представился инженером Климентом Васевым, поведал мне об открытии и даже показал первую страницу рукописи. Я предложил, чтобы он написал об этом статью, но он отказался.

— Очень странный отказ — и это в ту минуту, когда все схватились за карандаши, — заметил Божилов.

— Он говорил, что привык писать только цифры и что единственным его литературным произведением была автобиография, представленная при поступлении на работу. Он сам предложил, чтобы я написал по его материалам, и рассказал все подробности.

— Очень любопытно, — произнес Божилов, но в его голосе, холодном, как могильная плита, не ощущалось никакого любопытства. — И что же он вам рассказал?

— Да то, что я написал. В один прекрасный день они с доктором Каменовым спустились на глубину 540 метров в точке с определенными географическими координатами, которые я привел в статье.

Там они нашли затонувший античный корабль, окаменевший, но полностью сохранившийся и лишь частично занесенный песком и илом. Они работали несколько часов, и им удалось проникнуть в одно из помещений корабля, где они наткнулись на хорошо просмоленные ларцы. Взяли один, подняли на поверхность, а в нем оказался полный текст «Истории походов Александра Великого», написанный рукою Клитарха. Вот и все. Мы пошли к фотографу, чтобы переснять первую страницу, и...

— И с тех пор о Васеве ни слуху ни духу, — закончил Божиллов.

— А разве я в этом виноват?

Я ожидал гневного взрыва, но последовало нечто худшее.

— Еще сигарету, товарищ Смилов? — предложил Божиллов, и у меня снова сердце ушло в пятки. Он подождал, пока я закурю, и продолжал: — Сам кашу заварил, сам и расхлебывай, Смилов. Так гласит поговорка, а поговорки — это народная мудрость. Как вы знаете, я вами дорожу, но журналом дорожу еще больше.

Я встал. В этот момент я мечтал только об одном — оказаться по другую сторону двери.

— Я могу считать себя уволенным?

И тут произошло самое неожиданное. Я услышал нечто необычное.

— Хуже, Смилов, — сказал Божиллов. — Я даю вам месячный срок, чтобы вы доказали достоверность приведенных вами фактов. Он подал мне бумагу. — Вот вам приказ о командировке. Как видите, для названия оставлен пробел. Поезжайте куда хотите, говорите с кем хотите, делайте что хотите; но если через месяц вы не представите мне убедительных доказательств существования подлинной рукописи Клитарха, то обещаю вам, что в журнале появится короткое сообщение, лично мною написанное, и оно будет начинаться словами: «Бывший сотрудник редакции г. Страхил Смилов...»

ЛИМОНАД НЕ РАСПОЛАГАЕТ К ЗАДУШЕВНЫМ РАЗГОВОРАМ

Прежде всего я постарался раздобыть всевозможные руководства по легководолазному спорту и прочитать их от корки до корки. Это отняло у меня целых трое суток. Еще три дня ушло на карабкание по лестницам различных заводов, проектных бюро, технических служб, поликлиник, больниц, санаториев и вообще всяких учреждений, где бы я мог с невинным видом задавать неизменные вопросы: «Работает ли здесь инженер Климент Васев?» или «Есть тут врач по имени Стефан Каменов?» Когда-нибудь я поведаю одиссею этих трех дней, в течение которых я выполнил норму «покорителя вершин». Упомяну только, что в пожарной команде мне попался инженер Климент Васев, но не тот белокурый гигант, которого я знал, а седой старик, случайно засидевшийся на службе; мне пришлось часа полтора кричать в его слуховой аппарат, и в конце концов он выгнал меня, заявив при этом, что «таких подозрительных нужно отправлять в милицию».

И наконец на седьмой день после моего разговора с Божиловым врач из здравпункта при Центральном вокзале вспомнил, что с ним вместе учился некий Стефан Каменов. Разумеется, я ухватился за этого врача, как утопающий за соломинку. К сожалению, он мало чем мог мне помочь. Он припомнил только, что Каменов был «откуда-то с Черноморья» (тут он перечислил мне все приморские города и села, какие знал) и по окончании университета был направлен «куда-то в Черноморье» (тут снова последовала краткая лекция о приморской части страны). Но все же я был бесконечно благодарен ему за эти бестолковые объяснения: связь доктора Каменова с побережьем имела для меня огромное значение! Не говорю уже о географических познаниях, почерпнутых мною из этого разговора.

Само собой разумеется, что на следующий день я начал обходить все медицинские учреждения Варны. Но, как ни

странно, я нашел следы не доктора Каменова, а инженера Васева. Мне пришло в голову (увы, опять лишь на третий день!) посетить судостроительный завод и спросить там об инженере. Я разговаривал по этому поводу с главным конструктором, как вдруг одна молоденькая девушка-технолог воскликнула:

— Инженер Васев? Климент Васев? О, конечно, я его знаю! — Она мечтательно прикрыла глаза. — Статный, как Аполлон, с ласковыми глазами, синими, как горные озера, с фигурой гладиатора, гибкий...

— Гибкий, как самокритика, могучий, как грузовик, скромный, как выполнение плана за январь, точный, как Пифагорова теорема, убедительный, как цитата, мудрый, как все десять божьих заповедей? Это он и есть. Скажите, где мне его найти?

Девушка покраснела так, как в студенческих мечтах краснеет печь в общежитии.

— Он инженер по точной механике в УГР, Бургас. — Вместо УГР у нее вышло «угер».

— Говорите понятнее, черт возьми. Что это за угорь в Бургасе?

— УГР, — покорно повторила она. — Управление государственного рыболовства.

В следующую минуту я уже мчался, сломя голову, в Туристское агентство. А на следующий день ровно в двенадцать стоял «под часами», — на том перекрестке в Бургасе, где по традиции бургасцы назначают свидания друг другу.

Я остановился, чтобы обдумать положение. Но думать долго не пришлось: часы у меня над головой показали 12.01, когда к моему плечу прикоснулась чья-то рука и приятный басок произнес дружески:

— Товарищ Страхил Смилов, если не ошибаюсь?

Я обернулся, потом поднял голову. Передо мной, сердечно улыбаясь, стоял инженер Климент Васев. Люди, знающие меня, могут не поверить, но в эту минуту я просто

онемел. Целых десять дней я обдумывал, что и как скажу Васеву, а сейчас, увидев его, не мог издать ни звука.

— Не удивляйтесь, что я запомнил ваше имя после нашей единственной встречи, — продолжал он тактично и, как говорится, сразу взял быка за рога. — А если бы я его и забыл, то вокруг него за последнее время поднялось столько шума, что я бы вспомнил. Впрочем, я уже давно жду вашего приезда. Одно время я даже собирался ехать в Софию, повидаться с вами в редакции. — Он снова улыбнулся. — Я не ошибусь, предположив, что вы здесь ради меня, верно?

Я кивнул. Самообладание и речь возвращались ко мне, но очень медленно.

— Мне нужно поговорить с вами о рукописи Клитарха, — удалось мне сказать в конце концов.

— Так я и думал. Кто не говорит сейчас об этой рукописи... и о вас? Но в данный момент мне, к сожалению, некогда. Свободны ли вы вечером?

Мы уговорились встретиться в одном тихом ресторанчике у моря. Прощаясь, Васев снова улыбнулся:

— Будьте спокойны. Я совсем не намерен скрываться.

Как вы и сами можете догадаться, вечером я ждал его в ресторане за час до назначенного срока. Но этот день не прошел у меня впустую: я здорово побегал (натренировался уже так, что мог бы побить Куца на дистанции в десять тысяч метров) и успел вооружиться кое-какими сведениями для предстоящего разговора.

Инженер Климент Васев действительно был специалистом по точной механике и оптике, «царил» в соответствующей лаборатории УГР (вот как заразителен порок: я и сам начал употреблять эти ужасные сокращения) и заслужил там репутацию маленького технического гения. Он мой ровесник — ему 30 лет, — холост, несколько замкнут и необщителен по характеру, занят работой в лаборатории и личной жизни у него нет.

Единственный человек, которого можно было бы на-

звать другом Васева, был второй герой моей злополучной статьи, доктор Стефан Каменов. Во всем Бургасе не нашлось человека, который мог бы объяснить мне, чем связаны между собою столь различные по характеру люди. Потомок многих поколений созопольских рыбаков, Каменов за рекордно короткое время сделался первым хирургом окружной больницы (несмотря на нашу хваленую софийскую осведомленность, я только здесь узнал, что несколько операций Каменова на сердце получили мировую известность и признание), но сохранил широту, сердечность и теплоту тех, чья кровь пропитана соленым дыханием моря. Он был человек веселый и общительный, хороший спортсмен, обладатель нескольких кубков, полученных в более молодые годы на различных соревнованиях по плаванию, владелец отличной коллекции препарированных обитателей Черного моря. Последнее, что я узнал о нем, было то, что прошлой зимой он стал жертвой какого-то несчастного случая, у него была эмболия, он едва остался в живых — пролежал неделю без сознания с парализованной ногой и только с месяц как поправился.

Климент Васев прибыл с точностью до минуты. Я хотел заказать что-нибудь горячительное, но он возразил: был трезвенником. Пришлось обойтись лимонадом. Едва дождавшись, чтобы кельнер отошел, я быстро заговорил:

— Послушайте, Васев, вы сыграли со мной злую шутку. Честное слово, я бы посмеялся вместе с вами, если бы ее последствия не были для меня так печальны. Не говоря уже о том, что на всех языках имя Смилова стало синонимом лжеца, мне угрожает совершенно конкретная опасность. Через восемнадцать дней я постучусь в вашу дверь, чтобы попросить работы.

— Не вижу для этого оснований, товарищ Смилев.

— Хотел бы я, чтобы это сказал наш Главный.

— Но рукопись Клитарха существует, и я могу представить ее всем скептикам, будь то редактор, научный работник или журналист!

— Хорошо, пусть так, хотя я и сам уже сомневаюсь в ее подлинности. Но почему вы не сказали, что откопали ее под грушей в отцовском саду или нашли ее замурованной в стене вашего старого дома?

— Очень просто. Потому что это не соответствует истине. — Он пожал плечами. — Притом ни у моего отца не было сада, ни у меня — старого дома.

Я сделал несколько глотков — напиток был сладковатым — и заговорил снова:

— Прекрасно. Значит, вы с доктором Каменовым действительно нашли рукопись на дне морском. Говорили вы мне, на какой глубине находился корабль, о котором идет речь?

— Именно на такой, какую вы указали в своей статье: 540 метров. Могу добавить, что эта рукопись не была там единственным грузом.

— Прекрасно, — повторил я, и голос у меня невольно зазвучал нервно и напряженно. — Это глубина почти недосяжима для человека. Ее не могут преодолеть даже новейшие подводные лодки. Правда, в некоторых современных батискафах человек может опуститься так глубоко, — я согласен. Но тогда невозможно вести раскопки, нельзя взять предмет. Это может сделать только человек, находящийся вне батискафа и не связанный с поверхностью.

— Совершенно верно, — согласился инженер. Лицо у него было серьезное, но глаза улыбались.

— Так вот, Васев. Я сам — не водолаз, но могу сказать, что хорошо подковался по части водолазного дела. И потому тезис о погружении на подобную глубину считаю абсурдом. Разрешите, я изложу вам свои соображения.

— Говорите спокойно. Спешить нам некуда и незачем.

— В конце концов, вопросы сводятся к элементарной физике, арифметике и физиологии, — начал я. — Из многих проблем возьмем только одну: дыхание. Всякий аквалангист знает, что дышать под водой можно только возду-

хом или другой газовой смесью под тем же давлением, как и давление воды на достигнутой глубине. В противном случае межреберные мышцы не смогут преодолеть внешнее давление и расширить грудную клетку. Это приведет к асфиксии, а при разнице давлений в несколько атмосфер — к тому, что под тяжестью воды грудная клетка расплющится. Именно поэтому аквалангисты берут с собой баллоны со сжатым воздухом под давлением 150—200 атмосфер и аппарат, уравнивающий давление.

— Это так, — кивнул Васев. — До сих пор между нами нет разногласий.

Признаюсь, его самоуверенность действовала мне на нервы, но я постарался сохранить спокойствие и говорить как можно убедительнее.

— Если разногласий нет, то сейчас я загоню вас в угол, Васев. Вы не сможете опровергнуть простой физический закон, по которому, если человек погружается, давление каждые десять метров возрастает на одну атмосферу.

— Согласен и с этим.

— Итак, примем, что аквалангист с вашими «скромными» габаритами вдыхает на поверхности каждый раз по два литра воздуха. На глубине десятка метров он вдохнет те же два литра, но этот воздух сжат, плотен и по количеству эквивалентен четырем литрам. На глубине 20 метров он вдохнет шесть литров, на 30 — восемь литров и так далее. — Я достал карандаш и произвел на бумажной салфетке простой арифметический подсчет. — Смотрите, Васев. На глубине 540 метров давление равно 55 атмосферам. На поверхности вы вдыхаете два литра воздуха, но на этой глубине вдохнете сразу 110 литров. Современный большой легководолазный аппарат содержит около четырех тысяч литров воздуха. Разделим 4000 на 110, и сразу станет ясно, что всей емкости аппарата вам хватит примерно на 30 вдохов, значит, в воде вы можете пробыть около двух минут. А ведь воздух понадобится вам еще для спуска и подъема.

— И что же отсюда следует? — спокойно спросил Васев, когда я кончил и победоносно взглянул на него.

— Что ваше утверждение о спуске с легководолазным аппаратом на...

— Нет, — резко прервал он. — Не приписывайте мне слов, которых я не произносил. Я утверждаю, что мы с Каменовым спустились на 540 метров и извлекли со дна моря рукопись Клитарха, но о легководолазном аппарате речи не было. Не хочу вас обидеть, но эти слова содержатся и в вашей статье, хотя я и не произносил их.

Это было сказано так, что, вставь он хоть одно «хм», я бы поверил, что со мной говорит Божилов.

— Но согласитесь со мной, — продолжал я упрямо, — что исследовать внутренность корабля может только человек, не находящийся в подводной лодке или батискафе и вообще не связанный с поверхностью: ведь воздушная трубка, как бы она ни была исправна, либо взорвется в верхней своей части под страшным давлением, либо расплющится под собственной тяжестью?

— Согласен.

— Итак?

Климент Васев не ответил. Он сидел неподвижно, сосредоточенно глядя на желтоватые отблески лимонада в своем стакане.

— Почему вы молчите? — спросил я.

— Потому что все, сказанное вами, верно, но не менее верно и другое: мы с Каменовым действительно спускались на эту глубину.

— Я бы сказал, что «и волки сыты, и овцы целы», если бы в Софии меня не ждал совершенно недвусмысленный приказ об увольнении.

Инженер промолчал. На виске у него нервно билась жилка. Я взглянул на часы: время приближалось к одиннадцати. Посетителей становилось все меньше, и кельнеры дремали по углам ресторана.

— Попробуйте понять меня, товарищ Смилов, — заго-

ворил наконец Васев. — То, что вы слышали от меня в редакции, абсолютно верно. Я думал, что своим сообщением принесу пользу болгарской науке. Возможно, я ошибся. Во всяком случае, у меня совершенно точно не было никакого желания чинить неприятности лично вам.

— Тогда помогите мне выпутаться из них, — сказал я и мысленно проклял себя за жалобные нотки, прозвучавшие в моем голосе.

— В том-то и горе, что для меня это невозможно. По крайней мере сейчас. Поверьте, это не каприз. Тут есть непреодолимые обстоятельства. Совершенно непреодолимые. Но даю вам слово мужчины: едва они исчезнут — а это может произойти скоро, — я разыщу вас и дам возможность реабилитироваться.

Я умолк. Мне хотелось просить его, настаивать, испробовать всякие средства, чтобы раскрыть тайну Васева, но я отказался от этой мысли: такого человека, как он, можно убить, но не подчинить себе.

— Ну, что ж? — спросил он. — Как вы решили? Будете ждать?

— Нет, — чистосердечно ответил я. — Сделаю все возможное и невозможное, чтобы узнать то, о чем вы молчите.

— Ваше дело, — пожал плечами Васев и жестом подозвал кельнера. — Но подтверждаю, что расскажу все... когда это будет возможно.

Итак, наш разговор кончился ничем. Почему? Не берусь утверждать категорически, но склонен обвинять лимонад: это не подходящий напиток для задушевных бесед.

ПЯТЬ БАЛЛОВ — ВОЛНЕНИЕ,
ШЕСТЬ БАЛЛОВ — ВЕТЕР...
И ОДНА БУТЫЛКА «ПЛИСКИ»

Слава богу, санитар дядя Нино (сам он переделал свое имя в «дай вина») не был таким неразговорчивым. В следующие несколько вечеров мы провели не один час за ста-

канчиком и приятными разговорами, и как-то случилось, что они постоянно вертелись вокруг доктора Каменова. Именно из этих разговоров я узнал, что доктор и «этот желтоволосый Климент» уже два года занимаются по ночам какими-то таинственными делами, что они провели несколько непонятных хирургических операций, что время от времени они уходят на три-четыре дня в море на «Камчии» — исследовательском судне УГР. А когда до печальной встречи с шефом оставалось жалких восемь дней (или 192 часа, так как я уже начал считать время на часы), дядя Нино сказал мне равнодушно:

— Доктор завтра опять уходит в море. Взял три дня отпуска...

На этот раз наша беседа кончилась очень рано. Я оставил дядю Нино наедине с бутылками, побежал купить разной провизии, а также одеяло, уплатил за номер в гостинице и направился к пристани. Незачем описывать подробно, как мне удалось проникнуть на «Камчию». Скажу только, что это было чертовски трудно и что если бы сейчас я писал не строгий отчет, а приключенческий роман, то это была бы самая интересная его страница. А главное — в четыре часа утра я уже лежал, свернувшись комочком, под брезентовой крышкой спасательной лодки номер два на «Камчии» и мысленно поздравлял себя с успехом благодаря моей необыкновенной хитрости и редкостной журналистской ловкости.

К семи часам экипаж стал готовиться к отплытию. Я слышал, как матросы говорят, что волнение — пять баллов, а ветер — шесть, но тогда не обратил внимания на их слова. В половине восьмого на такси приехали Васев, Каменов и привезли какие-то таинственные ящики. Васев молча принялся за работу, а доктор Каменов — смуглый, черноглазый, круглолицый человек лет тридцати пяти — завязал оживленный разговор, заставив вскоре весь экипаж кататься со смеху. В восемь прозвучали обычные судовые команды, двигатель глухо заурчал, по палубе застучали тя-

желые сапоги, и вскоре я ощутил колыхание. Мы отправились в путь.

Увы, мне очень скоро пришлось понять, что означали слова о баллах. Едва мы вышли из Бургасского залива, как корабль запрыгал по волнам, словно выплясывая самое дробное шопское хоро. А ветер свистел и стонал в снастях, угрожающе раскачивал корабль во все стороны и вызывал у меня в желудке еще большее волнение, чем в море. Не думайте, что морской ветер в апреле похож на тот приятный бриз, какой вы ощущаете на пляже в летние дни. Нет, этот ветер был жестоким и холодным, как лед, вместе с водяными брызгами он проникал под брезент, и оттого зубы у меня стучали громче судового двигателя. Мое одеяло вскоре промокло насквозь и превратилось в великолепный холодильник.

К обеду, когда мы уже были в открытом море, волнение усилилось. Я беспомощно лежал, скорчившись на дне лодки, проклинал и море, и рукопись Клитарха, и Божилова, а всякая мысль о еде вызывала у меня неудержимые спазмы. И тогда мне стали понятны слова одного древнего мудреца: «Люди бывают трех видов — живые, мертвые и те, что путешествуют по морю».

Это безумное плавание продолжалось целый день и еще полночи. Но вот двигатели умолкли, и корабль лег в дрейф. Не знаю, спал ли я вообще в эту ночь. Знаю только, что на следующее утро все кости у меня болели так, словно меня пропустили сквозь камнедробилку.

Потом все началось сначала, но, к счастью, ненадолго. Корабль около часа плыл против ветра, остановился, не выключая двигателей, и на палубе возникла суета. Я испугался и приоткрыл брезент. В следующий момент я уже благодарил счастливую случайность: четверо моряков спустили на воду лодку номер один. Что случилось бы с «зайцем», если бы им пришлось в голову взять лодку номер два?

Тут на палубе появились Каменов и Васев, оба в особых тонких скафандрах, плотно облегающих тело. Они надели

ласты и маски, потом прикрепили к головам лампочки вроде шахтерских, присоединенные к мощным аккумуляторам на спине. Через несколько дней я узнал, что с помощью тех же аккумуляторов костюмы (изобретение Васева) обогреваются и обеспечивают равномерную температуру, несмотря на холод снаружи. На груди у них я заметил по два легких металлических баллона, от которых трубка шла куда-то под костюм.

Оба на прощанье помахали рукой, потом спрыгнули в море и исчезли среди острых гребней волн. Матросы и капитан поглядели им вслед и занялись своими делами. Только лодка с четырьмя гребцами продолжала описывать круги на месте. Помню, я взглянул на часы. Стрелки показывали 10.10.

Минуты текли убийственно медленно. На корабле не было никакой суеты — видимо, экипаж не ожидал скорого возвращения водолазов. Но сколько бы я ни убеждал себя сохранять спокойствие, взгляд мой не отрывался от часов, которые я каждые пять минут подносил к уху — убедиться, что они не стоят. Прошло четыре часа, было уже два, когда кто-то крикнул:

— Ракета! Капитан, ракета! Они всплыли!

— Полный вперед! — раздался голос капитана. — Лево на борт!

Я не мог уследить за маневром, но через десять минут Васев и Каменов уже поднимались по трапу. Еще через десять минут ветер донес до меня обрывки их оживленного разговора с капитаном. Оба досадовали, сердились, что не нашли корабль, который искали; капитан басом извинился, что скверные метеорологические условия помешали работе с секстантом, и жаловался, что для опытов выбрали самое неудачное время. Потом на корабле все снова затихло.

Я попытался устроиться поудобнее и задумался. Что мне делать? Ужасная ночь, проведенная под тонким одеялом, не принесла мне ничего, кроме разве что бесподобного

насморка. Я не получил никаких доказательств. В борьбе за раскрытие тайны рукописи Клитарха я не продвинулся ни на шаг. Действительно, что я мог сделать? Я думал долго и в конце концов решился. До Бургаса еще часов двадцать пути. За это время нужно проникнуть в каюты Каменова и Васева и перерыть привезенные ими ящики. Я был настолько готов на все, что не поколебался бы заглянуть даже в их скафандры, если бы мне показалось, что разгадка кроется в них.

Да, я так и сделаю. Хороший специалист с одного взгляда может определить достоинства легководолазного костюма.

Я услышал за стенкой лодки подозрительный шум, и вот под брезент просунулась рука с зажатой в ней бутылкой.

— Что это? — невольно воскликнул я. И услышал, как кто-то усмехнулся.

— Коньяк «Плиска». Первоклассное средство для промерзших журналистов.

Быстрым движением я сорвал брезент и вскочил. Передо мной с бутылкой в руке стоял доктор Каменов и дружески мне улыбался. А весь судовой экипаж от капитана до промасленного механика окружил меня и неудержимо хохотал. Стоит ли добавлять, что я, говоря словами Лафонтена, чувствовал себя «посрамленным, как лисица, пойманная курицей».

И тут все прояснилось. Хоть мне казалось, что я действую ловко и хитро, экипаж заметил, как я проник на корабль, но с согласия Васева и Каменова решил подшутить надо мною и оставить меня мерзнуть в лодке всю ночь. Положение еще больше прояснилось через полчаса, когда я узнал, что капитан даже вписал меня в заверенный пограничниками путевой лист корабля.

Однако, согласно моей философии, человек должен воспринимать по-спортивному, с улыбкой, не только победы, но и поражения. Я засмеялся вместе с прочими, отведал

«коньяка для промерзших журналистов», а потом бутылка пошла по кругу, и таким образом мы «побратались».

— А собственно, в таких фокусах не было надобности, — сказал инженер Васев, когда мы уже сидели в теплой кают-компании «Камчии». — Мы и без того решили разыскать вас тотчас после эксперимента. Больше того, мы назначили спуск на сегодня, хоть условия и неблагоприятные, только для того, чтобы дать вам возможность, как говорится, «выйти сухим из воды». Что ж, будем считать, что у вас теперь достаточно материала?

— Совсем нет, — ответил я. — О ваших погружениях я знаю столько же, сколько и месяц назад, то есть абсолютно ничего.

— Но ведь вы наблюдали за тем, как мы спускались? — возразил Каменов. — Мы находимся в 180 милях от берега, а если вы взглянете на глубомер «Камчии», то увидите, что глубина здесь — 550 метров. Почему же вы не верите, что мы извлекли рукопись с глубины 540 метров?

— Потому что у меня нет никаких доказательств. Может быть, вы не опускались на дно, а, скажем, играли в шахматы, прицепившись к килю корабля. Мне кажется, на таких глубинах дышать невозможно.

Все замолчали. Потом, когда я снова неудержимо расчихался, оба мои собеседника переглянулись, и Басев утвердительно кивнул.

— Вы много говорите о дыхании, — снова заговорил Каменов. — Но что, в сущности, означает дыхание? Исчерпывается ли весь механизм дыхания поступлением воздуха в легкие? Не является ли оно лишь частью, точнее, только предпосылкой для подлинного дыхательного процесса?

— Лишние вопросы, — произнес я. — Еще в школе нас учили, что при дыхании кровь соприкасается с кислородом воздуха, обогащается кислородом и отдает вредную для организма углекислоту.

— Правильно. Значит, дыхание нельзя отождествлять с поступлением воздуха в легкие. И это не только теория.

Вы слышали об операциях на сердце?

— Да, конечно.

— Знаете, как они происходят?

— Да, хотя лишь в общих чертах. Хирурги изолируют сердце и легкие, а кровь пропускается сквозь аппарат, называемый искусственным легким или оксигенатором, где во время операции, производимой хирургом, происходит процесс обогащения крови кислородом и освобождения ее от углекислоты.

— Так. Еще один вопрос. Вы знаете также о том, что под водой приходится дышать более плотным воздухом — его давление помогает грудной клетке расширяться. Вы говорили об этом с Климентом. Но играет ли этот более плотный, сжатый воздух какую-нибудь роль в процессе дыхания?

— Нет, кровь всегда поглощает одно и то же количество кислорода независимо от давления. Даже больше, кислород под давлением свыше 2,3 атмосферы, что соответствует глубине 13 метров, становится ядовитым; поэтому в опытах с глубинными погружениями обычно применяются специальные газовые смеси, в которых процентное содержание кислорода гораздо ниже нормального.

— Очень хорошо. Представьте себе человека, который спускается под воду и дышит не своими легкими, а искусственными, где его кровь всегда обогащается одним и тем же количеством кислорода. При таком способе можно избежать многих трудностей: одного баллона со сжатым кислородом хватит на очень длительное пребывание под водой, расход его не зависит от глубины, и ваша арифметика тут ни к чему. Кровь начнет циркулировать по кровеносным сосудам, легкие не будут работать, организм будет предохранен от вредного воздействия воздуха. Представляете себе?

— Откровенно говоря, нет, — ответил я, и Васев сделал движение, означавшее, вероятно: «Я же говорил тебе, он упряма, как осел». — Я видел снимки таких операций, —

продолжал я. — Грудная клетка вскрыта, больной находится без сознания, и...

— Не нужно подробностей, — терпеливо произнес Каменов. — Сейчас мы ставим вопрос чисто теоретически. Возможно ли подобное дыхание?

— Мне кажется, что здесь есть некоторые препятствия. Впрочем, я оговорился: препятствие только одно. В такой ситуации или легкие у человека будут пустыми, или во всяком случае не смогут поддерживать равенства давления между воздухом в них и внешней средой, и грудная клетка расплющится под тяжестью воды.

Доктор Каменов долго смотрел на меня, потом сказал:

— Однажды при мне из воды вытащили утопленника с глубины более ста метров. Грудная клетка у него не была расплющена. Чем вы это объясните?

— Очень просто. Легкие у него были полны воды, а вода практически несжимаема, независимо от давления. Именно она и поддерживала внутреннее давление в грудной клетке и предохранила ее от повреждений.

— Отлично! Если легкие нам не нужны для дыхания, мы можем заполнить их жидкостью — например, физиологическим раствором. Тогда в грудной клетке будет поддерживаться необходимое внутреннее давление, дыхание будет совершаться через «искусственное легкое», и для человека станут доступными любые глубины.

Я промолчал. Все услышанное мною было настолько фантастично и в то же время настолько правдоподобно, что в голове у меня был настоящий хаос.

— Вы убедили меня, — сказал я наконец, — но не могу не сомневаться. Как сын нашего лишенного романтики XX века, я научился верить только тому, что вижу собственными глазами...

И тут Климент Васев, этот замкнутый и необщительный человек, сделал мне неожиданное предложение.

— Вы можете сами испытать это на себе, товарищ Смилов, если решитесь на маленькую операцию. — Он рас-

стегнул рубашку и показал над левой ключицей заплатку из гибкого пластика. Пониже виднелись два небольших вздутия — вероятно, места, где был перехвачен кровеносный сосуд. — Как видите, действительно маленькая операция.

— Не нужно меня убеждать! — крикнул я. — Согласен на все что угодно, даже если отрежете мне руку! — И, подумав, добавил: — А вы не боитесь обнародовать подробности?

— Теперь уже нет причин молчать, — ответил Васев.

— Но только неделю назад вы отказывались сказать хоть слово?

— С тех пор кое-что изменилось. Сейчас я могу говорить.

И тут, за стаканом горячего чая в покачивающейся кают-компании, я наконец-то узнал все.

Идея принадлежала доктору Стефану Каменову. Еще студентом он увлекался проблемами, связанными с изоляцией сердца и легких. Потомок семейства, веками неразлучного с морем, он уже думал о возвращении туда человека, но не в оковах тяжелого скафандра, не в стенах неприступного батискафа, а свободного, независимого, «как рыба среди рыб». Над этим он работал целые годы. Ему удалось открыть, что достаточно присоединить аппарат к вене и артерии, а легкие заполнить физиологическим раствором, так как между ним и кровью нет осмотических взаимовлияний. Первым и единственным, с кем он поделился своим открытием, был молодой инженер Климент Васев. И это был как раз нужный ему человек. Климент, «вероятно, способнейший конструктор нашего века», как назвал его Каменов, сконструировал аппарат и другие устройства, решился на операцию и в качестве первого «человека-рыбы» спустился под воду. Позже оба спускались вместе на все большие и большие глубины. Во время одного из таких погружений они и нашли античный корабль, из которого извлекли рукопись Клитарха.

— Но почему же тогда вы молчали? — спросил я.

— Потому что тем временем произошло несчастье, — ответил Васев. — В одном из недавних погружений маленькая техническая неисправность чуть не стоила Стефану жизни. Он выздоровел, но лишь после почти трехмесячного лечения. Мы же хотели дать людям не суррогат, а технически совершенный прибор для покорения глубин. Сегодняшний опыт показал, что у нас все готово.

— Как! — воскликнул я. — Вы не можете подарить...

— Конечно, — прервал меня Каменов. — Мы не можем примириться с мыслью, что сейчас большая часть населения Земли голодает, тогда как в Мировом океане есть неисчерпаемые источники пищи и другие богатства. С помощью нашего аппарата мы вернем их людям!

ВИНО ИЗ ПОГРЕБА АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Через три дня (опять «три дня», словно это мой рок) состоялась операция. Страх я не чувствовал, на поверку все оказалось легким. Мне дали наркоз, а когда вернулось сознание, я увидел, что над правой ключицей у меня двумя резиновыми лентами прикреплен аппарат величиной с детский кулачок. Гибкий шланг связывал его с двумя баллонами, расположенными в удобной сумке на груди. Я не ощущал никакой боли, только голова чуть-чуть кружилась. Доктор Каменов терпеливо ждал, пока кончится действие наркоза, и сказал ободряюще:

— Нужно полностью доверять аппарату, Страхил. — Мы были уже на «ты». — Он сделан из высококачественных материалов, с высокой степенью точности. При средней физической нагрузке запаса кислорода в баллонах хватит на пятьдесят часов, то есть на двое суток.

Только тогда я сосредоточил внимание на себе. И был поражен: я не дышал! Чувствовал себя отлично, был бодрым, работоспособным, но легкие у меня бездействовали.

Даже никакой потребности в дыхании не было.

Не успел я ничего ответить, как вошел Климент и начал с места в карьер:

— Ну, довольно болтать! «Камчия» выходит через двадцать минут! Готовьтесь!

Стефан выключил мой аппарат, чтобы я не расходовал кислород из баллонов. Потом мы погрузили в такси ящики с приборами (теперь они уже не были для меня тайной) и помчались к пристани. Матросы и капитан «Камчии» встретили нас (и меня тоже), как старых друзей, помогли нам выгрузиться, и вскоре мы снова плыли. Но теперь все было по-другому: ветер настолько стих, что вымпел уныло повис на мачте, солнце разливало вокруг живительные лучи, а море, словно утомленное недавней бурей, ласково плескалось у бортов корабля.

Я не отличаюсь исключительной храбростью, но — могу похвастаться — и не трус. Во всяком случае, мысль о предстоящем фантастическом погружении в глубины Черного моря не вызвала у меня особенной тревоги: ночь я спал, как младенец, и не видел снов. И когда утром толстый корабельный кок пришел меня будить, мы уже были на назначенном для спуска месте, а Стефан и Климент надевали скафандры.

Я разделся и с помощью боцмана натянул на себя тонкий, легкий костюм. От него исходила приятная теплота. Оба мои спутника за все это время не проронили ни слова и молча следили за моими действиями. Когда я оделся, доктор снова включил мой аппарат, и я опять испытал странное ощущение, что живу не дыша. По крайней мере, я не дышал в общепринятом смысле слова. Потом я понял, почему Стефан и Климент молчат. Перед тем как натянуть мне на голову капюшон костюма, Стефан ввел в мои легкие небольшой зонд и наполнил их физиологическим раствором с примесью каких-то веществ, предотвращающих раздражение. Только тогда мы все трое надели ласты, маски с лампочками на лбу и подвесили к поясам ножи.

Пока мы готовились, капитан поднялся на мостик и с секстантом в руках еще раз проверил координаты.

— Мы стоим точно над кораблем, — сказал он. — Пусть мне отрежут усы, если я ошибся больше, чем на двадцать метров. — Он был совершенно невозмутим, но вообще-то рисковал немногим — усов у него не было...

Климент Васев махнул рукой в сторону моря. Признаюсь, это был единственный момент, когда мне стало страшно. Но отступить не хотелось, а взгляды моих спутников были такими требовательными, что я поспешил спуститься в воду. Васев и Каменов последовали за мной. Мы дали знак, что чувствуем себя хорошо, нырнули вглубь, и море поглотило нас. С этого момента я стал «человеком-рыбой».

Полная легкость в движениях, никаких затруднений — таковы были мои первые ощущения. Я словно перестал быть сухопутным существом и чувствовал себя, как рыба в воде.

Мы постепенно опускались в глубину, играли с рыбами, дразнили ленивых медуз. Постепенно вокруг стемнело, желтые костюмы Климента и Стефана начали зеленеть, потом синеть и в конце концов полностью слились с фоном. Когда нас окружил полный мрак, мы зажгли прожекторы и продолжали спускаться все ниже и ниже. Климент приблизился ко мне с глубомером в руке. Стрелка показывала 200 метров.

Я понял, что он хотел мне сказать: отсюда начинался глубоководный слой, насыщенный сероводородом и лишенный всякой жизни. Но для нас он не был преградой, и мы отважно проникли в него.

Не знаю, продолжался ли спуск минуту или час, но вот перед глазами у меня появилось дно, серовато-желтое, пустынное, монотонно-ровное, с каким-то особенным жирным отблеском. Климент снова показал мне глубомер. Я не поверил собственным глазам: 540 метров! Я находился на глубине, которая считается для человека недостижимой,

а чувствовал себя прекрасно, словно сидел в редакции за собственным столом.

Стефан сверился с компасом у себя на руке и дал нам знак следовать за собой. Мы поплыли за ним. Капитану можно было не бояться за свои усы: не прошли мы и двадцати метров, как в свете прожекторов возникли неясные очертания, причудливые зубчатые формы, похожие на полуразрушенную стену. Мы приблизились. На дне, полузанесенный песком и тиной, появился окаменевший деревянный корпус античного корабля, а рядом торчали две очень современные лопаты.

Вход в помещения корабля снова занесло, и пришлось взяться за лопаты. Мы работали попеременно и через час снова отрыли проход. Я думал, что мы войдем немедленно, но мои спутники знаками объяснили, что нужно подождать, пока осядет муть. Это время мы использовали для отдыха и обеда. Пицца наша состояла из полужидких концентратов, выдавливаемых из трубок прямо в рот. Потом мы снова приблизились к кораблю.

Можете ли вы представить себе мое волнение? Я мысленно видел страшную битву и кровожадные лица фракийских пиратов, слышал вопли моряков и их призывы к своим богам, перенесся в то мгновение, когда разъяренный Понт поглотил корабль с его грузом. И одновременно я совершил путешествие по кораблю, по палубе и крутым лесенкам, где вот уже двадцать веков не раздавался человеческий голос...

Помещение, куда мы проникли, было маленьким, примерно три метра на три. В луче прожектора виднелись полусасыпанные песком, разрушенные предметы, несколько засмоленных ларцов, а в углу — целая груда маленьких, изящных амфор. Мои друзья принялись освобождать от песка один из ларцов: я предположил, что именно в таком ларце несколько месяцев назад была найдена рукопись Клитарха. Я же предпочел заняться амфорами. Усердно потрудившись, Васев с Каменовым вытащили ларец, а я. —

красивый запечатанный глиняный сосуд. Я попытался всплыть с этим тяжелым грузом, но это оказалось непосильной задачей. К счастью, Климент подумал обо всем. Он привязал к грузам шары с клапанами для регулирования давления, наполнил их сжатым воздухом из маленького баллона, и они плавно, словно в лифте, поплыли кверху. Мы последовали за ними.

Примерно через полчаса мы снова были на нашей «Камчии» и оживленно рассказывали о своих приключениях. Разумеется, я был возбужден больше всех: в этот день я пережил больше, чем за все тридцать лет моей жизни!

Когда мы несколько успокоились, я занялся своей находкой. С помощью кока и его ножей, приложив больше усилий, чем для спуска на дно, я наконец открыл амфору. Внутри плескалась какая-то темная жидкость. По праву первооткрывателя, рискуя отведать нефти или щелока, я первым поднес горлышко амфоры к губам и сделал несколько глотков. А потом крикнул:

— Пейте! Пейте, друзья! Пейте вино из погребца Александра Македонского!

Впрочем, это вино явно не было собственностью великого Александра, но что еще я мог сказать, если мои познания в истории более чем скромны? Поверьте, никто меня не поправил, все протянули руки к амфоре. И хотя вино было довольно кислое, но благородными усилиями команды, в том числе и трезвенника Климента Васева, амфора вскоре была осушена до капли. Да и кто не захотел бы отведать вина, которому 2300 лет?

Заканчиваю свой отчет. Пусть читатели не гnevаются, если найдут его недостаточно полным, если сочтут, что нужно было рассказать, какая рукопись и в каком ларце была найдена на этот раз, и что я мог бы написать еще много о разносторонних возможностях, предоставляемых человеку аппаратом Васева и Каменова. Это так, я знаю.

Но пусть меня извинят. Во-первых, у меня не хватает смелости снова писать о рукописях, даже если я лично присутствовал при их открытии: стоит мне вспомнить о «ласковых» репликах по поводу «Истории» и о зловещем «хм» Божилова, и я начинаю дрожать так, как не дрожал, когда над головою у меня было полкилометра водяной толщи. Во-вторых, через час самолет унесет меня — меня, Страхила Смилова, бывшего «злополучного героя нашумевшего скандала с рукописью Клитарха», а ныне редактора журнала — в Бургас, дабы принять участие в новом опыте с аппаратом. На этот раз предстоит погружение на самую большую глубину в Черном море — 2200 метров.

А вы, дорогие читатели, упустили бы такую возможность?

Первым пришел Хаскелл, филолог, специализировавшийся по английской литературе елизаветинского периода. Профессором он стал всего месяц назад, но уже отрачивал волосы, курил трубку, носил костюм из твида и принимал рассеянный вид, как полагалось по роли. Трубка постоянно гасла. Раскуривая ее с громким чмоканьем и сипением, он сказал:

— Хэлло, Фэйрбенк, я не рано?

— Как раз вовремя, — ответил хозяин. — Остальные что-то запаздывают, но, наверное, сейчас прибудут.

Помогая Хаскеллу снять пальто, он спросил:

— Что будешь пить?

— Ирландскую, пожалуйста. Разбавьте чуть-чуть, но без льда, — ответил тот, неумело пыхтя трубкой.

Заслуженному профессору Маркусу Фэйрбенку, вдовцу, давно уже отошедшему от дел, минуло семьдесят, он был на добрых тридцать лет старше Хаскелла и поэтому не обращал внимания на его причуды.

— Присаживайся, я приготовлю питье.

Вскоре собрались почти все. Вейсс, композитор, живший неподалеку, Грейнер, историк, и Темпл, художник, который был глух как пень. Все они занимались преподавательской деятельностью, но ни на ком, кроме Хаскелла, не лежал такой налет академизма. Темпл скорей походил на мясника, и это сходство еще больше усиливалось из-за пальцев, испачканных чем-то красным. Вейсс был похож на стареющего актера — любимца публики, а Грейнер выглядел вечно недовольным брюзгой, каким он и был на

самом деле. Все они в минувшем году присутствовали на похоронах жены Фэйрбенка.

— Будет кто-нибудь еще? — спросил Темпл, наливая себе пива.

— Только Мак, — ответил Фэйрбенк.

— Билл Макдермот?! — воскликнул Вейсс. — Я его не видел целую вечность. Он задолжал мне пятерку. Я, пожалуй, выпью виски, Маркус.

Преподобный Уильям Макдермот появился две минуты спустя, чопорно извинившись, сказал, что выпьет джина, и с мрачным видом отсчитал пять бумажек в протянутую руку весело ухмылявшегося Вейсса.

— Ты выиграл пари, старый пират. «Богему» действительно написал Леонкавалло. Я проверил. Получи свои презренные деньги, но я еще подловлю тебя, помани мое слово.

Повернувшись к Фэйрбенку, священник спросил:

— В чем дело, Маркус? Какого черта ты нас всех тут собрал?

— Я собрал вас для того, чтоб вы были свидетелями, — ответил Фэйрбенк. — Вы будете присутствовать при историческом событии. Вот твой мартини, Мак. А теперь, друзья, не пройдет ли вы со мной?

С напитками в руках гости Фэйрбенка гуськом последовали за хозяином по узкой лестнице, ведущей в подвал, оборудованный под мастерскую. Фэйрбенк щелкнул выключателем. Перед большим, накрытым не то чехлом, не то покрывалом предметом полукругом стояло несколько стульев. Преподобный Мак спросил:

— Что это за штука? Гроб?

— Или пианино? — добавил Вейсс.

Фэйрбенк улыбнулся композитору.

— Ты почти угадал. Садитесь.

Рассаживаясь, они обратили внимание на стену позади накрытого покрывалом предмета. В нее с большим искусством был вделан экран, напоминавший телевизионный.

Грейнер пробурчал:

— Надеюсь, ты притащил нас сюда не для того, чтобы смотреть телевизор?

— Это не телевизор, — успокоил его Фэйрбенк. — Я использовал принцип катода, но на этом сходство кончается.

— Я стараю от нетерпения, — сказал Хаскелл.

Фэйрбенк встал перед экраном и по многолетней привычке лекторским тоном начал:

— Дорогие друзья! То, что вы сейчас увидите, — он обернулся к экрану, — есть результат адского десятилетнего труда...

— Прости, Маркус, — прервал его Темпл, — я не понял последней фразы, ты повернулся ко мне спиной.

Фэйрбенк встал к нему лицом и, четко выговаривая слова, чтобы глухой художник мог читать по губам, повторил:

— Я сказал, что перед вами результат адского десятилетнего труда. Адского не только потому, что много времени я шел по ложному пути — а это означает прекрасные идеи, рухнувшие под напором упрямых фактов, исследования, то и дело прерывавшиеся из-за недостатка средств, неудачи, следовавшие одна за другой, — но и потому, что сейчас здесь нет Телмы, делившей со мной горести и радости этого изнурительного труда, его... жертвы, которая по заслугам должна была бы разделить этот триумф.

Он на минуту запнулся, охваченный воспоминаниями, затем, взявшись за угол покрывала, окутывавшего загадочный предмет, сказал:

— Вы первые, кто видит, — и, рывком сдернув покрывало, закончил: — световой орган Фэйрбенка!

Взорам гостей предстал любопытный инструмент. На первый взгляд он ничем не отличался от обычного электрического концертного органа — орех под красное дерево, — который можно свободно купить в любом магазине музыкальных инструментов. Но при более пристальном рассмотрении можно было заметить в нем некоторые отли-

чия от обыкновенного органа. У основания извивались толстые черные провода-змеи. Пedaли были сняты. Один из регистров целиком заменен множеством выключателей и всевозможных транзисторов. Надписи над клапанами и рычагами исчезли. На рычагах — переключателях гармоник — виднелись обозначения тысяч, миллионов и миллиардов, «медленная вибрация» и «частая вибрация» были заменены на «медленная смена изображения» и «быстрая смена изображения», «басы низкие» превратились в «общий план», а «флейты» в «крупный план», «арфы» стали «остановкой изображения». Вместо «банджо», «маримба», «гитара» и других стояли какие-то колючие закорючки, а магическое сокращение «беск» — бесконечность — было коряво нацарапано над тем, что когда-то было «переключателем диапазонов». И наконец, ко всему этому был присоединен экран.

— Черт побери! — пробурчал Вейсс. — Ты что, хочешь сказать, что еще раз изобрел световой орган? На экран во время исполнения музыкального произведения проецируют разные цвета? Скрыбин говорил об этом много лет назад, но даже у него ничего не вышло.

Фэйрбенк покачал головой.

— Ничего подобного. Хотя за основу взят действительно подержанный электроорган. Но это лишь потому, что конструкция его как нельзя лучше удовлетворяет нашей цели. Скамья для сидения, обширное место для приборной панели, переключатели в удобных местах и легко переделываются. Но этот орган не играет, он молчит.

Профессор щелкнул выключателем слева от клавиатуры. Под ногами гостей зазвучал басовитый гул и слегка завибрировал пол.

— Я бы этого не сказал, — заметил Грейнер.

— Это домашний генератор, — пояснил Фэйрбенк.

— Но как вы можете... — начал Хаскелл.

— Смотрите, — прервал его хозяин. — Смотрите на экран.

Он нажал несколько кнопок, покрутил один из дисков, затем взял молчаливый «аккорд» из трех черных клавиш. Экран запульсировал. Сначала чисто белым цветом, затем огненно-красным, темно-синим, золотисто-желтым, и наконец все смешалось в пляске.

— Абстрактное искусство? — спросил Темпл.

Цвета разделились, снова смешались, и неожиданно появилась картинка. Это было очень размытое движущееся изображение самого Фэйрбенка и его пяти друзей. С напитками в руках они сидели перед органом. Профессор тронул диск, и изображение стало четким.

— Домашнее телевидение, — хмыкнул Грейнер, оглядываясь в поисках скрытой телекамеры.

— Подождите, — сказал преподобный Мак. — Это мы, верно, и комната эта, но не сейчас. Смотрите, орган еще закрыт покрывалом. Это то, что происходило здесь пять минут назад!

На экране Фэйрбенк, произнося неслышные слова, срывал с органа покрывало.

— Ну и что? — возразил Грейнер. — Видеомэгнитофон. Прокручивается сделанная запись.

— Нет, — ответил Фэйрбенк. — Повторяю, я пригласил вас сюда не для того, чтобы смотреть телевизор, пусть домашний, видеозапись или еще что-нибудь в этом роде. Пожалуйста, прошу внимания.

Он нажал другой клапан и осторожно потянул один из рычагов. Изображение мигнуло, исчезло и вновь появилось. На этот раз на экране была белая дверь.

— Так это же входная дверь вашего дома, — сказал Хаскелл.

Грейнер вздохнул:

— Я все же не вижу...

Фэйрбенк щелкнул выключателем «общий план». Изображение двери отодвинулось, на экране появился дом целиком. Он стоял один, вокруг были пустые участки.

— Да это шесть-семь лет назад! — воскликнул Вейсс.—

Тогда еще здесь никто не построился!

— Верно, — кивнул преподобный Мак. — Маркус первым во всем квартале построил свой дом.

— Кино, — буркнул Грейнер. — Любительское кино.

Фэйрбенк улыбнулся.

— Именно зная твой скепсис, я и позвал тебя, Грейнер. Хаскелл, Вейсс, Темпл и Мак — романтики. Они захотят поверить. Их легко облапошить, но если мне удастся убедить тебя, если я не оставлю у тебя никаких сомнений, тогда я буду знать, что световой орган можно показывать всему миру.

Он устроился поудобнее на скамье, и его руки забегали по клавишам и кнопкам. На экране поплыли непонятные абстрактные изображения.

— Проблема управления еще полностью не решена, — заметил Фэйрбенк. — Почти половина изображений — случайные, наудачу, и только вторая половина — то, что я хочу получить. Но я надеюсь, что решу эту задачу, если доживу.

На экране постепенно возникла другая картина.

— Ага, — сказал Фэйрбенк. — То, что надо.

Зрители увидели толпу. Мелькали солдаты в синих мундирах. Все слушали человека, стоящего на заднем плане — долгоязого, с бородкой, в высокой, похожей на печную трубу шляпе.

— Ну, как, Грейнер, — спросил Фэйрбенк, — во время Гражданской войны было кино? Да еще цветное? А?

— Очень занятно, — ответил Грейнер. — Кусок из какого-нибудь голливудского исторического фильма Рэймонда Масси, Генри Фонда или еще кого-нибудь.

— Да? Но ведь этот период истории — твоя специальность. Ты — эксперт, признанный авторитет. Стены твоего кабинета увешаны фотографиями, сделанными Мэтью Брэди. Из всех нас именно ты, и никто другой, можешь отличить загримированного актера от...

Он дотронулся до кнопки «крупный план». Экран за-

полнило печальное, бородатое лицо. Грейнер медленно приподнялся и едва слышно произнес:

— Господи боже, Фэйрбенк! Это не актер, не подделка. Это же... Он что-то говорит! Звук, дай же звук, черт побери!

Темпл впился глазами в губы человека на экране и как бы прочел: «Сорок семь лет назад...»

Фэйрбенк щелкнул выключателем. Изображение исчезло.

— Постой! — крикнул Грейнер. — Я хочу еще посмотреть!

— Ты увидишь все это, — сказал Фэйрбенк. — Столько раз, сколько захочешь. Общий план, крупный план, ускоренная или замедленная съемка и даже стоп-кадр. Жаль, конечно, что нет звука, но это уже следующий этап. Пока достаточно и того, что удалось решить проблему света.

Фэйрбенк теперь повернулся ко всем.

— Что такое свет? Волны различной длины, перемещающиеся с огромной скоростью — сто восемьдесят шесть тысяч миль в секунду. Это знает любой школьник. Но что же происходит со светом? Куда он девается? Исчезает как дым? Превращается во что-то иное? Или же просто... продолжает перемещаться? Да, именно так.

— Элементарно, дорогой Ватсон, — ухмыльнулся преподаватель Мак.

— Не сомневаюсь. Но позвольте мне остановиться кое на чем, не таком уж элементарном, чего не знает любой школьник, чего не знал и о чем не подозревал никто до тех пор, пока мы с Телмой не сделали этого открытия.

Там, высоко вверху, за тысячи миль от поверхности земли существует странное явление, о котором вы, наверное, слышали, даже не будучи физиками, как я. Пояса Ван Аллена. Их природа, их свойства и качества — об этом мы имеем туманное представление. Но одно из свойств мне известно, — это ловушка, ловушка света. Свет, ушедший с нашей планеты, а значит и изображение всего на пей происходящего, схвачен там лишь на мгновение, перед тем как

уйти и кануть в глубины космоса. И именно в этот момент свет, изображения как бы навсегда записываются или копируются заряженными радиоактивными частицами поясов Ван Аллена. Учтите, джентльмены, записано все, что когда-то было видимым.

— Вот ключ, — кивнул он в сторону органа, — который открывает сокровищницу поясов Ван Аллена. Орган, который доносит до вас не музыку, а... историю... предысторию, играет величественную и безграничную симфонию прошлого.

В подвале воцарилась тишина, нарушаемая только гудением генератора. Наконец преподобный Мак спросил:

— Как далеко в прошлое ты можешь заглянуть?

— В те времена, когда уже были пояса. В сущности, можно увидеть самое начало. Вот например...

Он повозился с переключателями и кнопками. На экране появились все, кто был сейчас в подвале, но одетые в черное. Они находились в комнате наверху.

— Так это же день похорон Телмы! — воскликнул преподобный Мак.

Фэйрбенк кивнул.

— Но это не то, что я хотел вам показать. Аппарат явно стремится воспроизводить события, имевшие место здесь в недавнем прошлом. Именно в этом доме. Чтобы это преодолеть, нужно больше работать с машиной, особенно если хочешь увидеть очень далекое прошлое. Ага! Смотрите!

На экране проплывали влажные непроходимые джунгли, поднимались густые испарения, кое-где даже били струйки пара. Среди зарослей показалась огромная голова, похожая на голову ящерицы, за ней длинная змеиная шея, позволявшая животному легко доставать высокие зеленые побеги деревьев. Голова и шея принадлежали гигантскому туловищу на слоновьих ногах, заканчивавшемуся длинным хвостом, который тянулся по земле.

— У бронтозавра на завтрак салат, — улыбнулся Фэйрбенк.

Изображение заколебалось, затуманилось и исчезло.

— Еще одна проблема — устойчивость, — пробормотал ученый. — Изображение может произвольно появляться и исчезать.

— Фэйрбенк, как вы думаете, Шекспира можно увидеть? Например, его репетиции в «Глобусе»?

— Я его видел, — ответил профессор. — Увидишь и ты. Ты, Вейсс, увидишь Баха, а ты, Темпл, — Микеланджело, расписывающего Сикстинскую капеллу. Не какого-нибудь модерниста, а Микеланджело. Но не сегодня. Прибор быстро перегревается, и его придется выключить. Завтра...

— Маркус, подожди, — преподобный Мак умоляюще взглянул на Фэйрбенка. — Пока ты еще не выключил аппарат, не мог ли бы ты показать...

Фэйрбенк заколебался, потом ответил: «Конечно» и повернулся к клавиатуре. Через несколько секунд на экране появилось четкое изображение. Они увидели валявшиеся на земле черепа, толпу людей под мрачным небом, три пыточных столба в виде буквы «Т». Фэйрбенк взялся за переключатель, и средний столб медленно приблизился. Все молчали. Преподобный Мак, пораженный и потрясенный, опустился на колени, его губы тряслись: «Мой бог», — прошептал он. Изображение запрыгало и пропало.

Преподобный Мак поднялся с колен. Принужденно откашлялся и произнес тоном, несколько не вязавшимся с только что пережитыми им эмоциями:

— По-моему, Маркус, здесь возникает некая нравственная проблема. Этот орган, это великое чудо, может показать нам все, что когда-либо случалось на Земле?

Фэйрбенк кивнул.

— Он может заглянуть даже в закрытое помещение?

— Да. Свет проникает всюду, его не удержишь.

— Ты можешь, например, показать нам, как Джордж Вашингтон ухаживал за Мартой?

— Без труда.

— Тогда ты должен спросить себя, Маркус, имеешь ли

ты, мы или кто-то другой право видеть Джорджа и Марту в любой момент их жизни.

Фэйрбенк нахмурился.

— Кажется, я понимаю, куда ты клонишь, Мак, но...

Священник перебил его:

— Сейчас мы много слышим и читаем о вмешательстве в личную жизнь. Если этот орган попадет в грязные руки, не будет ли он использован для самого грубого вмешательства в личную жизнь, какое только можно себе представить? Бесстыжее подглядывание за великими людьми и за простыми смертными, живыми и мертвыми, заглядывание в их спальни и ваннные комнаты?

— Вы кое в чем правы, святой отец, — начал Хаскелл, — но даже...

— Кстати, о ваннных комнатах, — вмешался Вейсс, указывая на экран.

Все подняли глаза. Фэйрбенк забыл выключить орган, и на экране появилась ванная комната в доме Фэйрбенка. В ванне спокойно сидела седая женщина — Телма Фэйрбенк.

— Выключи, Маркус, — мягко сказал преподобный Мак.

Фэйрбенк шагнул к органу.

— Постой, — Грейнер схватил профессора за руку. — Это надо посмотреть.

Хаскелл взорвался:

— Послушайте, Грейнер, что вы за человек...

— Помолчите и смотрите. Вы что, не помните, от чего умерла Телма?

На экране в комнату вошел Фэйрбенк и остановился возле ванной. Охваченные ужасом, гости смотрели, как он погрузил голову жены под воду и держал ее там, пока на воде не перестали появляться пузырьки воздуха. Женщина не сопротивлялась. Кажется, прошла вечность. Фэйрбенк на экране выпрямился и отвернулся от ванной.

Экран потемнел.

Живой Фэйрбенк дрожал крупной дрожью, в ужасе пятясь от органа.

Первым пришел в себя преподобный Мак:

— Да простит тебя господь, Маркус.

Из горла Темпла вырвался лишь хриплый вопль:

— Почему?

Фэйрбенк стал как-то меньше ростом, он стоял посередине подвала, подавленный, уничтоженный, среди пораженных друзей, на лицах которых было написано презрение и осуждение.

Вейсс повторил вопрос Темпла:

— Почему ты это сделал, Маркус?

Несколько секунд царило молчание.

— Это все из-за денег, понимаете? — Голос ученого был еле слышен. — Мы были уже так близки к завершению нашей работы... к нашему успеху... но кончились деньги. Мы не могли ждать, мне было почти семьдесят, Телме — шестьдесят пять, мы не могли позволить себе роскошь ожидания. Тогда она вспомнила о своей страховке. Двадцать тысяч долларов! Более чем достаточно, чтобы закончить работу. Она сказала: «Я уже стара, Маркус. Позволь мне сделать это. Ради тебя, ради нас, ради нашей работы». Но я не мог согласиться.

Фэйрбенк повернулся к священнику:

— Ну хоть ты-то понимаешь, почему я не мог позволить ей сделать это, а? Ведь, по-вашему, самоубийство — смертный грех! Тогда грех на себя взял я и совершил убийство.

Он закрыл лицо руками, его сухонькое тело сотрясали конвульсии. Наконец он отнял руки от лица, бормоча что-то непонятное. Он звал дьявола. Повернувшись к священнику, он спросил, как выглядит дьявол. Он указывал на орган, и голос его вдруг поднялся до визга. Он кричал, что дьявол похож на это, на машину с ее проводами, шкалампы и переключателями, что дьявол смеется, показывая ему свои зубы — клавиши... что это он соблазнил его, во имя

святой Науки... что он заставляет придумывать благородные оправдания для свершения грязных поступков... даже убийства.

Потом, выкрикивая что-то нечленораздельное, словно безумный, Фэйрбенк набросился на орган.

— Дьявол! — кричал он. — Будь ты проклят! Будь проклят!

С искаженным лицом он рвал провода, разбивал лампы, вырывал соединения.

— Маркус! — крикнул священник.

— Не надо, не ломайте! — бросился вперед Хаскелл. Но в этот момент вслед за ослепительной вспышкой показался сноп ярких искр, на мгновение всех просто ослепило; едко запахло горелой резиной. Фэйрбенк был мертв.

Позднее, когда ушла полиция, пятеро друзей, потрясенные, сидели в ближайшем баре. Преподобный Мак ошипшим голосом спросил Хаскелла:

— Ваш друг Шекспир что-то говорил на эту тему, не так ли?

— Гм? — Хаскелл пытался раскурить свою потухшую трубку.

— Убийства не скрыть, — процитировал священник.

— А-а, да, — зачмокал Хаскелл. — Я понял вас, но это неточная цитата. На самом деле Шекспир сказал так: «Убийство выдает себя без слов, хоть и молчит».

Курт Воннегут

КАК БЫТЬ С «ЭФИ»?

Леди и джентльмены, я высоко ценю предоставленную мне возможность выступить перед вами, перед Федеральной комиссией связи.

Мне очень жаль, можно даже сказать, я глубоко удручен тем, что эта новость стала общим достоянием. Но раз уж слухи все равно просочились и даже привлекли к себе ваше высокое внимание, мне остается лишь изложить напрямую все, что я знаю, и да поможет мне бог убедить вас в том, что нашей стране это открытие совершенно ни к чему.

Нет, я не отрицаю, мы трое — Лю Гаррисон, радиодиктор, Фред Бокмен, физик, и я, социолог, — ощутили душевный мир и покой. Да, ощутили. И я не уверяю, что это дурно — обрести душевный покой. Но если кто-нибудь пожелает мира и покоя по нашему рецепту, так уж лучше пусть пожелает себе тромбоза коронарных сосудов.

Лю, Фред и я ощутили душевный покой, развалившись в креслах и включив устройство размером с портативный телевизор. Не понадобилось никаких снадобий, никаких особых правил; не пришлось ни самоусовершенствоваться, ни копаться в чужих делах, чтоб отвлечься от своих собственных; и никто не навязывал нам ни увлечений, ни редкостных религий, ни физзарядки, ни созерцания лотоса. Устройство это именно таково, каким, мне кажется, многие его себе смутно представляли: вершинное достижение цивилизации, электронная штучка, дешевая и несложная в массовом производстве. Щелкни выключателем — и обретешь душевный покой. Я вижу, вы уже обзавелись таким приборчиком.

Впервые я ощутил искусственный душевный покой полгода назад. Тогда же я познакомился с Лю Гаррисоном, о чем весьма сожалею. Лю — ведущий диктор на единственной в нашем городе радиостанции. Он зарабатывает себе на жизнь своей луженой глоткой, и я был бы очень удивлен, если к вам в комиссию обратился бы не он, а кто-то другой.

Лю ведет около тридцати всевозможных программ, в том числе еженедельную научную программу. Каждую неделю он выкапывает какого-нибудь профессора из колледжа Вайандотт и берет у того интервью по его узкой специальности. И вот полгода назад Лю надумал сделать передачу про молодого звездочета — моего приятеля студенческих времен Фреда Бокмена. Я подвез Фреда до радиостанции, и он позвал меня с собой — посмотреть, что и как. Черт бы меня побрал, я согласился.

Фреду Бокмену тридцать лет, а выглядит он восемнадцатилетним мальчишкой. Жизнь не оставила на нем следов, поскольку он не удостоил ее своим вниманием. Львиную долю его внимания съедает предмет, которому Лю Гаррисон и намеревался посвятить свое интервью, — зонтик весом в восемь тонн, помогающий Фреду слушать звезды. Зонтик этот — большая радиоантенна, прицепленная к телескопической установке. Насколько я понимаю, вместо того чтобы рассматривать звезды в телескоп, Фред нацеливает свою конструкцию в космос и ловит радиосигналы, идущие с других небесных тел.

Разумеется, ни радиостанций, ни радистов там нет. Просто многие небесные тела испускают огромные количества энергии, и часть ее можно уловить в диапазоне радиочастот. Польза от приспособления Фреда состоит хотя бы в том, что мы устанавливаем местоположение звезд, скрытых от телескопов облаками космической пыли. А радиосигналы от звезд проходят сквозь облака и беспрепятственно достигают антенны Фреда.

Но это отнюдь не все, что можно выудить из такого

устройства, и в своем интервью с Фредом Лю Гаррисон приберег самое замечательное на конец программы.

— Все это очень интересно, доктор Бокмен, — заявил Лю. — А скажите, не обнаружил ли ваш радиотелескоп во Вселенной чего-нибудь еще, чего не открыли с помощью обычных световых телескопов?

Вопрос был задан без предупреждения.

— Да, обнаружил, — ответил Фред. — Мы выявили в пространстве примерно пятьдесят точек, не скрытых космической пылью, откуда исходят мощные радиосигналы. Хотя никаких небесных тел в этих точках вроде бы и нет...

— Неужели? — Лю разыграл притворное удивление. — Я бы сказал, что это уже кое-что... Леди и джентльмены, впервые в истории радиовещания мы передаем для вас сегодня шумы, исходящие из таинственных точек доктора Бокмена. — Оказывается, Гаррисон и его подручные успели протянуть линию в городок колледжа, к антенне Фреда. — Леди и джентльмены, слушайте голос пустоты!..

Слушать было, по правде говоря, нечего — пронзительный свист, словно бы крышка спустила, и только. Предполагалось транслировать его в течение пяти секунд. Когда техник выключил трансляцию, Фред и я ухмылялись бессмысленно, как дурачки. Во всем теле ощущалась ослабленность, позванивало в ушах. Лю Гаррисон скалился, будто нечаянно затесался в женскую раздевалку на пляже Копакабана. Потом он глянул на часы, висевшие в студии, и пришел в ужас. Монотонный свист передавался в эфир целых пять минут! Не зацепись нечаянно техник манжетой за тумблер, вся эта передача могла бы продолжаться и поныне.

Фред издал нервный смешок, и Лю лихорадочно принялся искать в своем тексте место, на котором остановился.

— Свист ниоткуда, — произнес он. — Доктор Бокмен, а эти необыкновенные точки никак не окрестили?

— Нет, — ответил Фред. — На сегодняшний день для них нет ни объяснения, ни названия.

Объяснения этому явлению до сих пор не нашли, но я предложил название, которое, кажется, прижилось — «эйфория Бокмена». Может, мы и не узнаем, что это за точки, зато прекрасно знаем, какое они оказывают воздействие, стало быть, название вполне удачно. Эйфория — то есть чувство абсолютного благополучия, чувство полноты жизни — действительно, это самое подходящее слово.

После передачи Фред, Лю и я благоволили друг к другу до того, что просто в пору расплакаться.

— Не помню, чтобы передача когда-нибудь доставляла мне такое удовлетворение, — сказал Лю. Искренность — не его конек, но на сей раз он говорил то, что думал.

— Одно из самых незабываемых впечатлений всей моей жизни, — заявил Фред. Вид у него был озадаченный. — Чрезвычайное, ни с чем не сравнимое...

Мы оказались в таком замешательстве от переполнявших нас чувств, так сбились с толку, что поспешили разойтись. Я побежал домой пропустить рюмочку-другую, но и там застал ситуацию, не менее не обычную.

В доме было тихо, и я дважды прошел по комнатам, прежде чем обнаружил, что там кто-то есть. Жена моя, Сьюзен, милая и заботливая хозяйка, всегда гордилась своим умением накормить нас вкусно и вовремя; а тут она улеглась на кушетке, мечтательно уставившись в потолок.

— Дорогая, — позвал я осторожно, — я уже дома. Пора ужинать...

— Сегодня по радио выступал Фред Бокмен, — рассеянно отозвалась она.

— Знаю. Я был с ним в студии.

— Он увел нас в иные миры, — она вздохнула. — Вот именно, в иные миры. Этот шум из космоса... когда он включил шум, все словно бы ушло от меня далеко-далеко. С тех пор я лежу и никак не могу избавиться от впечатления...

— М-м-гм, — я прикусил губу. — Тогда я, наверное, лучше пойду поищу Эдди...

Эдди — это мой десятилетний сын, капитан непобедимой в масштабах ближайшей округи бейсбольной команды.

— Побереги силы, пап, — послышался тихий голос из полумрака.

— Ты дома? Что стряслось? Игру отменили по случаю атомной войны?

— Да нет. Мы разыграли восемь подач.

— И так их расколошматили, что они решили не продолжать, а?

— Они держались вполне прилично. Счет был равный, двое у них были в игре, двое вне игры. — Он говорил так, словно пересказывал сон. — А потом, — глаза у Эдди расширились, — у всех вроде как пропал интерес, взяли и пошли прочь. Я вернулся домой, смотрю — наша старушка устроилась здесь на кушетке, так я лег прямо на пол...

— Но зачем? — с недоверием спросил я.

— Пап, — ответил Эдди задумчиво, — будь я проклят, если я знаю...

— Эдди!.. — воззвала к нему мать.

— Мам, — откликнулся Эдди, — будь я проклят, если ты сама знаешь...

Будь я проклят, если кто-либо смог бы что-либо объяснить, но я ощутил какое-то саднящее подозрение. Я набрал номер Фреда Бокмена.

— Фред, я не оторвал тебя от обеда?

— Было бы от чего, — ответил тот. — В доме ни крошки, я как раз сегодня разрешил Марион взять машину, чтоб закупить провизию. Теперь вот ищет магазин, который был бы еще открыт.

— Что, конечно, машина не заводилась?

— Машина-то завелась, — ответил Фред. — Марион даже добралась до магазина. А потом вдруг почувствовала себя такой счастливой, что вышла из магазина обратно на улицу. — Голос у Фреда был унылый. — Ох, уж эти мне

женщины! Настроение у них меняется ежеминутно, но досадно, что она еще и врет...

— Марион врет? Быть не может!

— Она пыталась меня уверить, что вместе с ней из магазина вышли все продавцы и все покупатели, все до одного...

— Фред, — сказал я, — у меня есть новости. Могу я подъехать к тебе после ужина?

Когда я приехал к Фреду Бокмену, тот сидел, уставившись в вечернюю газету.

— Весь город свихнулся, — сообщил мне Фред. — Без всякой видимой причины все машины поостанавливались, будто пожарную сирену слышали. Здесь пишут, что люди замолкали на полуслове и молчали пять минут подряд. А сотни других выходили на холод с закатанными рукавами да еще и скалились во весь рот, словно зубную пасту рекламировали. — Он пошуршал газетой. — Уж не об этом ли ты собирался со мной говорить?

Я кивнул.

— Все это происходило, пока транслировался свист, вот я и подумал, что, наверно...

— Не наверно, а точно. Шансы против — не выше чем один на миллион, — заявил Фред. — Время совпадает с точностью до секунды.

— Но большинство людей и не думали слушать радио!..

— Да, но если моя теория верна, им и не надо было его слушать. Мы приняли из космоса слабые сигналы, усилили их примерно в тысячу раз и ретранслировали. Каждый, кто находился не слишком далеко от передатчика, получил добрую дозу такого усиленного излучения, хотел он этого или не хотел. — Фред пожал плечами. — Слово бы все мы прогулялись поблизости от горящего поля марихуаны...

— Почему же ты раньше не ощущал ничего подобного?

— Потому что я никогда не усиливал сигналы и не ретранслировал их. Мощный передатчик — вот что дало сигналам новую жизнь.

— И что же ты теперь намереваешься делать?

Фред удивился:

— Делать? А что тут, собственно, можно сделать? Разве что выступить со статьей в каком-нибудь журнале?..

Без всякого предупреждения входная дверь распахнулась, в комнату ворвался Лю Гаррисон, побагровевший и задыхающийся, и жестом тореадора сорвал с плеч пальто.

— Решили взять его в долю? — спросил Гаррисон, показывая на меня. Фред непонимающе заморгал.

— Его? Куда?

— Это же миллионы! — продолжал Лю. — Миллиарды!..

— Чудеса, — вымолвил Фред. — О чем вы говорите?

— Звездный свист! — воскликнул Лю. — Он им понравился. Он свел их с ума. Вы видели газеты? — Лю даже протрезвел на мгновение. — Ведь это же свист наделал переполоху, правда, док?

— Мы полагаем, что да, — ответил Фред. Он явно встревожился. — А как, по-вашему, мы можем заполучить эти миллионы и даже миллиарды?

— Недвижимость! — в упоении продолжал Гаррисон. — «Лю, — спросил я себя, — как обратить этот фокус в звонкую монету, если невозможно монополизировать Вселенную? И еще, Лю, как продать то, что каждый может получить бесплатно, едва ты начнешь передачу?..»

— А может, это как раз такое явление, которое не обращается в звонкую монету? — предположил я. — Мы ведь знаем не слишком много о том...

— Плохо ли быть счастливым? — прервал меня Лю.

— Нет, конечно, — вынужденно согласился я.

— То-то. Мы дали людям эту звездную петрушку, и она сделала их счастливыми. Теперь скажите мне: что же тут, по-вашему, плохого?

— Люди должны быть счастливыми, — сказал Фред.

— То-то и оно. — Лю просто раздувался от гордости. —

Мы и собираемся их осчастливить. А они выразят нам свою признательность. Самое лучшее — это недвижимость. — Он выглянул в окно. — Тут есть сарай — прекрасно! Можем начать прямо здесь. Поставим в сарае передатчик, протянем к нему линию от вашей антенны, и вот вам, доктор, предприятие по эксплуатации недвижимости!

— Извините, — сказал Фред. — Что-то я за вами не поспеваю. Не годится это место для делового предприятия. Дорога сюда плохая, ни торгового центра вблизи, ни автобусной остановки, вид никудышный, земля каменистая...

Лю несколько раз подряд подтолкнул Фреда.

— Док, док! Разумеется, у этого места есть недостатки, но, установив передатчик в сарае, вы дадите людям самую большую ценность во всем мироздании — счастье!

— Чертоги эйфории, — вставил я.

— Превосходно! — одобрил Лю. — Я займусь вербовкой клиентуры, а вы, док, расположитесь в сарае у рубильника. Едва клиент попадает в пределы ваших владений, вы подкинете ему маленькую порцию счастья, и не будет такой цены, которой бы он не заплатил за порцию побольше...

— Рай в шалаше, пока не иссякнет энергия, — снова вставил я.

— Затем, — продолжал Гаррисон с сияющими глазами, — когда мы покончим с делами здесь, перевезем передатчик куда-нибудь еще и откроем новое предприятие. Может статься, создадим целый дивизион передатчиков. — Он щелкнул пальцами. — Ну конечно же! Мы поднимем их на колеса...

— Вряд ли полиция оценит нашу деятельность слишком высоко, — сказал Фред.

— Ну и пусть! Едва они явятся сюда выяснить обстановочку, вы включите свой рубильник и дадите им попробовать счастья. — Лю пожал плечами. — Черт возьми, я мог бы даже набраться великодушия и взять их в долю...

— Нет, — спокойно ответил Фред. — Если я в один

прекрасный день приобщусь к святой церкви, я не смогу взглянуть священнику в глаза.

— Так мы и ему дадим попробовать! — радостно сообщил Лю.

— Нет, — отрезал Фред. — Извините, нет.

— Ладно, — сказал Гаррисон и, поднявшись, принялся мерить комнату шагами. — Я был готов к отказу. У меня есть и другое предложение, и уж оно-то полностью в рамках законности. Мы сконструируем портативный усилитель с передатчиком и маленькой антенной. Обойдется не дороже пятидесяти долларов за штуку, так что цена окажется по карману среднему покупателю — пятьсот зелененьких, скажем. Заключим соглашение с телефонной компанией, чтобы передавать сигналы с вашей антенны в те дома, где есть такие приборы. Прибор снимает сигналы с телефонной линии, усиливает и транслирует с тем расчетом, чтобы все, кто есть в доме, чувствовали себя счастливыми. Вы меня поняли? Вместо того чтобы включать радио или телевизор, каждый захочет попросту включить счастье. Ни актеров, ни декораций, ни дорогостоящих камер — вообще ничего, кроме свиста...

— Мы могли бы назвать прибор «эйфориафон», — предложил я, — или, для краткости, «Эйфи».

— Грандиозно, грандиозно! — подхватил Лю. — Что скажете, док?

— Не знаю. — Вид у Фреда был встревоженный. — Это не по моей части.

— Каждый из нас должен сознавать границы своих возможностей, — доверительно сообщил Гаррисон. — Я возьму на себя коммерческую сторону вопроса, а вы — техническую. — Он сделал движение, словно собирался надеть пальто. — А может, вы совсем не хотите стать миллионером?

— Да нет, почему же, хочу, — быстро ответил Фред. — Конечно, хочу.

— Ну, и порядок, — Лю потер ладони, — тогда прежде

всего надо построить и испытать хотя бы один такой прибор.

Уж что-что, а это было по части Фреда и — я сразу увидел — заинтересовало его.

— Да в общем, сделать такой прибор несложно, — сказал он.

— Думаю, мы сможем спаять все на скорую руку и провести испытание не позже чем на следующей неделе.

Первое испытание «эйфориафона» — иначе «Эйфи» — состоялось в гостиной у Фреда Бокмена в субботу после обеда, спустя пять дней после сенсационной радиопередачи.

Нас было шестеро подопытных кроликов — Лю, Фред и его жена Марион, я, моя жена Сьюзен и мой сын Эдди. Наши стулья кольцом окружали карточный столик, на котором покоилась серая стальная коробочка. Из коробочки торчал, доставая до потолка, длинный, как ус насекомого, хлыст антенны.

Пока Фред хлопотал возле коробочки, остальные нервничали, толковали о том о сем и подкреплялись бутербродами с пивом. Эдди, разумеется, пива не пил, но успокоительное ему отнюдь бы не повредило. Он злился, что вместо бейсбола его привели сюда, и собирался, того и гляди, выместить свой гнев на мебели в гостиной. Он затеял лихую игру с самим собой, лупил кочергой по старому теннисному мячу, гонял его по полу, бил влет — и все это в двух шагах от стеклянных дверей.

— Эдди, — позвала Сьюзен в десятый раз, — пожалуйста, перестань!..

— Не волнуйся, ничего не случится, — небрежно отвечал Эдди, посылая мяч в стенку и подхватывая его одной рукой.

Марион, материнские инстинкты которой нашли свое воплощение в любви к стильной мебели, не сумела скрыть

от нас страданий, какие причинил ей Эдди, превративший гостиную в спортивный зал. Лю попытался ее утешить на свой манер:

— Да пусть его разнесет все вдребезги. Вы на днях переедете во дворец...

— Все в порядке, — тихо произнес Фред.

Мы ответили ему взглядами, отважными до тошноты. Фред воткнул в серую коробочку два штыря, подсоединенные к телефонной линии. Это была прямая связь с антенной в городке колледжа, и часовой механизм держал антенну постоянно направленной на одну и ту же таинственную точку неба — на сильнейший из источников «эйфории Бокмена». Фред протянул шнур к розетке на плинтусе и положил руку на кнопку включения.

— Готовы?

— Не надо, Фред! — воскликнул я. Мне стало страшно.

— Включайте, включайте, — вмешался Лю. — Мы вообще не получили бы сегодня сигналов по телефону, не наберись компания смелости связаться с кем-то наверху...

— Я останусь рядом с прибором и сразу же выключу, если что-нибудь пойдет не так, — заверил Фред.

Щелчок, слабый гул, и «Эйфи» начал работать. По комнате пронесся глубокий вздох. Кочерга выскользнула у Эдди из рук. Он пересек гостиную, торжественно вальсируя, опустился возле матери и положил голову ей на колени. Фред покинул свой пост у кнопки, напевая что-то себе под нос и полузакрыв глаза. Первым, кто нарушил тишину, оказался Лю Гаррисон — он продолжил свою беседу с Марион.

— Ну кому нужна эта коммерция?! — воскликнул он со всей искренностью и повернулся к Сьюзен, взывая к ее сочувствию.

— Ах, — сказала Сьюзен, мечтательно покачав головой. Потом она обняла Гаррисона за шею и подарила ему томный поцелуй.

— А вы, вы, ребята, — сказал я, потрепав Сьюзен

по спине, — кажется, неплохо поладили друг с другом? Ну, не прекрасная ли это пара, Фред?

— Эдди, — позвала Марион тоном, преисполненным заботы, — по-моему, в шкафу в прихожей есть настоящий бейсбольный мяч. Жесткий мяч. С ним ведь тебе будет намного лучше играть, чем с этим старым теннисным мячиком...

Эдди даже не шевельнулся. Фред все бродил по комнате с улыбкой на губах, только глаза у него были теперь совсем закрыты. Зацепившись каблуком за провод от лампы, он повалился в камин, головой прямо в золу.

— Э-гей, люди! — позвал он, по-прежнему не открывая глаз. — Знаете, я треснулся головой о решетку...

Он так и остался там, в камине, и время от времени громко хихикал.

— В дверь звонят, — заметила Сьюзен. — И довольно давно, хотя, наверное, это не имеет никакого значения...

— Входите, входите! — крикнул я.

И почему-то мои слова показались всем ужасно смешными. Все мы буквально схватились за животики, не исключая и Фреда, — от его смеха зола поднималась в воздух крохотными серыми облачками.

Вошел старичок, маленький, серьезный старичок в белом, и остановился в прихожей, с тревогой глядя на нас.

— Молочник, — представился он нерешительно. Затем протянул Марион листок бумаги. — В вашей записке я не сумел разобрать последнюю строчку. Что вы тут пишете про творожный сыр, сыр, сыр, сыр...

Голос изменил ему, и, скрестив ноги по-турецки, он опустился на пол рядом с Марион. Примерно три четверти часа он просидел в полном молчании, потом по его лицу скользнула тень беспокойства.

— Ну, что ж, — сказал он апатично. — Я ведь только на минуточку. Фургон у меня стоит на обочине, наверно, другим мешает...

Он приподнялся, чтобы встать. Лю крутанул ручку

«Эйфи», усиливая мощность излучения. Молочник рухнул на пол.

— А-а-ах, — выдохнули все в один голос.

— В такой денек хорошо сидеть дома, — сообщил молочник. — По радио говорили — с Атлантики идет ураган и, видимо, зацепит нас хвостом...

— Пусть себе идет, — провозгласил я. — Свою машину я поставил под большим сухим деревом...

Казалось, в моем замечании таился какой-то смысл. Никто мне не возразил. Я вновь погрузился в теплый туман молчания и не думал вообще ни о чем. Эти погружения, продолжавшиеся, как мне представлялось, доли секунды, тут же прерывались чьим-нибудь появлением или разговором. Теперь-то я сознаю, что погружения редко длились меньше шести часов. Из одного такого погружения — припоминаю — меня вырвал повторный звонок в дверь.

— Я же сказал — входите, — пробормотал я.

— Я и вошел, — пробормотал молочник в ответ.

Дверь решительно распахнулась, и на нас с порога свирепо уставился патрульный дорожной полиции.

— Какого черта! — заорал он. — Кто из вас загородил дорогу своим молочным фургоном? Ага!.. — Он заметил молочника. — Вы что, не соображаете? Кто-нибудь выскочит из-за угла и разобьется, врезавшись в вашу посудину... — Он зевнул, и свирепое выражение лица вдруг уступило место нежнейшей улыбке. — Да нет, черт возьми, все это ерунда. Сам не знаю, зачем я и речь об этом завел... — Он сел на пол рядом с Эдди. — Ты как, парень, оружие любишь? — Он вытащил из кобуры пистолет. — Гляди, совсем как в комиксах...

Эдди поднял пистолет, прицелился в коллекционные бутылки — гордость Марион — и выстрелил. Большая бутылка синего стекла разбилась вдребезги, и окно позади бутылочной выставки расколосось пополам. Через трещину со свистом ворвался холодный воздух.

— Он еще полицейским станет, — засмеялась Марион.

— Бог мой, я счастлив, — произнес я, чувствуя, что вот-вот заплачу. — У меня самый замечательный в мире сын, и самые замечательные друзья, и самая замечательная старушка-жена...

Я услышал, как пистолет выстрелил еще дважды, и тут же провалился в благословенное забытие. И опять меня разбудил звонок.

— Сколько раз я должен повторять — ради всего святого, входите! — сказал я, не открывая глаз.

— Я и вошел, — сообщил молочник.

Я услышал топот множества ног, но не испытал никакого желания поинтересоваться, что бы это значило. Немного позже я обнаружил, что мне трудно дышать. Расследование показало, что я растянулся на полу и что отряд бойскаутов разбил лагерь у меня на груди и на животе.

— Что тебе нужно? — спросил я новичка, чье горячее, размеренное дыхание ударило мне прямо в лицо.

— Отряду Бобров нужны были старые газеты, но это неважно, — ответил тот. — Просто нам было велено куда-то их отнести...

— А ваши родители знают, где вы сейчас?

— А как же! Они забеспокоились и пришли за нами...

Он указал пальцем на несколько супружеских пар, которые уселись рядком вдоль плинтуса и с улыбкой встречали ветер и дождь, хлещущий из разбитого окна.

— Мам, я вроде есть хочу, — заявил Эдди.

— О, Эдди, не будешь же ты заставлять свою мамочку готовить, когда нам здесь так хорошо, — отвечала Сьюзен.

Лю Гаррисон снова крутанул ручку «Эйфи».

— Эй, паренек, а как тебе это блюдо?

— А-а-а-ах, — ответили все в один голос.

Когда сознание вновь одержало верх над забытием, я старательно ощупал свое тело с головы до ног, но Бобров на себе больше не обнаружил. Я открыл глаза и увидел, что они — и Эдди, и молочник, и Лю, и патрульный — стоят

у широкого окна и радостно кричат. Снаружи завывал ветер, хлестал дождь, капли летели сквозь разбитое стекло с такой силой, словно их выстреливали из воздушного ружья. Я легонько потряс Сьюзен за плечи, и мы вместе направились к окну посмотреть, что там происходит.

— Началось, началось, началось! — повторял испуганно молочник.

Мы со Сьюзен появились у окна как раз вовремя, чтобы принять участие в общем веселье, когда большой вяз опрокинулся на крышу нашей машины.

— Бум, трах! — высказалась Сьюзен, и я хохотал, хохотал до рези в желудке.

— Поднимите Фреда, — настойчиво советовал Лю. — А то он не увидит, как рушится сарай...

— М-м? — подал Фред голос из камина.

— Ах, Фред, ты уже опоздал, — сказала Марион.

— Ну, сейчас будет зрелище! — вскричал Эдди. — Сейчас, наверно, оборвет провода! Смотрите, как клонится вон тот тополь!..

Тополь, действительно, клонился все ниже, ниже, ниже к электрической линии; еще один порыв ветра — и он рухнул в фейерверке искр, смяв и перепутав провода. Огни в доме погасли. Слышался только вой ветра.

— Почему же никто не веселится? — вяло спросил Гаррисон. — «Эйфи» выключился, вон оно что!..

Из камина донесся ужасный стон:

— Бог мой, у меня, кажется, сотрясение мозга!..

Марион со слезами опустила на колени подле мужа.

— Мой дорогой, бедняжка, что с тобой приключилось?

Я взглянул на женщину, которую обнимал, на жуткую, грязную старую каргу с красными, глубоко запавшими глазами и волосами, как у Медузы Горгоны.

— Ух, — произнес я и брезгливо отвернулся.

— Дорогой, — заплакала ведьма, — это же я, Сюзен...

Со всех сторон слышались стенания, жалостные мольбы о воде и пище. Вдруг обнаружилось, что в комнате нестерпимый холод. А ведь мгновением раньше мне мерещилось, что я в тропиках.

— Кто к чертям снапал мой пистолет? — мрачно осведомился патрульный.

Мальчишка — посыльный с телеграфа, которого я до той поры вообще не замечал, сидя в углу, уныло перелистывал пачку телеграмм и время от времени всхлипывал. Меня бил озноб.

— Держу пари, что сейчас воскресное утро, — сказал я. — Мы пробыли здесь двенадцать часов!

На самом деле было утро понедельника. Посыльный с телеграфа вскочил как ужаленный:

— Воскресное утро? Да я пришел сюда в воскресенье вечером!.. — Он огляделся. — Ну, и видик у вас, будто вы из этого... из Бухенвальда. А разве нет?..

Героем дня — ему помогла невероятная выносливость молодости — оказался командир отряда Бобров. Командуя, как заправский армейский старшина, он построил своих подчиненных в две шеренги. Пока остальные слонялись по комнатам и ныли, что им голодно, что их мучит жажда, ребята разожгли заново огонь в камине, принесли одеяла, наложили повязку Фреду на голову, а другим — на бесчисленные ссадины, завесили разбитое окно и приготовили нам в досталь кофе и какао.

Часа через два после того, как произошла авария и «Эй-фи» отключился, в доме стало тепло, и мы поели. Seriously пострадали только родители, просидевшие двадцать четыре часа у разбитого окна, — их накачали пенициллином и увезли в больницу. Молочник, посыльный с телеграфа и патрульный дорожной полиции от лечения отказались и отправились по домам. Отряд Бобров отдал нам щеголь-

ской салют и удалился. На улице рабочие восстанавливали оборванные провода. В гостиной остались те же, что и вначале, — Лю, Фред и Марион, Сьюзен и я и еще Эдди. У Фреда оказалось немало внушающих почтение синяков и ссадин, но сотрясения все-таки не было.

Сразу после еды Сьюзен заснула. Теперь она пошевелилась.

— Что такое?

— Счастье, — ответил я ей. — Несравненное, нескончаемое счастье — киловатты счастья...

Лю Гаррисон со страшной черной бородой и красными глазами выглядел совершенным анархистом — он забился в угол и остервенело писал.

— Это здорово — киловатты счастья, — сказал он. — Покупайте счастье, как вы покупаете свет...

— Травитесь своим счастьем, как никотином, — сказал Фред и чихнул.

Гаррисон не удостоил его вниманием.

— Мы развернем кампанию, понимаете? Первые объявления — для интеллигентов: «За ту же цену, что стоит одна-единственная книга, которая, возможно, вас еще разочарует, вы купите шестьдесят часов «Эйфи». «Эйфи» никогда не разочаровывает...» Потом мы долбанем среднего американца...

— Под ложечку? — спросил Фред.

— Да что такое с вами, друзья? — спросил Лю. — Вы ведете себя так, словно эксперимент провалился...

— Пневмония и упадок сил. Разве на такой результат мы рассчитывали? — спросила Марион.

— У нас тут в комнате собралась чуть не вся страна в миниатюре, — сказал Лю, — и всем до единого мы дали счастье. Не на час, не на день, а на двое суток без перерыва!.. — Исполненный почтения к собственным словам, он даже приподнялся над стулом. — Чтобы уберечь будущих поклонников «Эйфи» от гибели, достаточно вмонтировать в приборчик часовой механизм, ясно? Владелец установит

часы так, чтобы «Эйфи» включался после его прихода с работы, потом выключался, когда придет пора ужинать, потом опять включался после ужина и выключался, когда надо ложиться спать; и опять включался после завтрака, выключался, когда надо идти на работу, а потом включался снова — для жены и детей...

Он схватился за голову и вытаращил глаза.

— А реклама... мой бог, какая реклама! Вашим детям не понадобятся дорогие игрушки!.. Тридцать часов «Эйфи» обойдутся вам не дороже билета в кино!.. Шестьдесят часов «Эйфи» стоят дешевле бутылки виски!..

— Зато действие — как у бутылки цианистого калия, — вставил Фред.

— Да неужели вы не понимаете?! — воскликнул Гаррисон с недоверием. — Это воссоединит супружеские пары, спасет американскую семью. Не будет больше ссор по поводу того, какой телевизионный канал включать, какую радиопрограмму слушать. «Эйфи» доставит удовольствие всем и каждому — мы доказали это. И скучных программ у «Эйфи» просто не может быть...

Его прервал стук в дверь. Ремонтный рабочий просунул голову в щель и объявил, что минуты через две-три дадут ток.

— Слушайте, Лю, — сказал Фред, — это крохотное чудище прикоптит цивилизацию быстрее, чем варвары, спалившие Рим. Мы не желаем делать бизнес на оболванивании человечества, вот и все!

— Шутите! — воскликнул Лю, побелев. — Вы что, — он повернулся к Марион, — не хотите, чтобы ваш муж нажил миллион?

— Как содержатель притона, где торгуют электронным опиумом? Нет, не хочу, — сухо ответила Марион.

Лю хлопнул себя по лбу.

— Но публика жаждет «Эйфи»! Не мог же Луи Пастер отказаться от идеи пастеризации молока!..

— Как хорошо, что снова будет электричество, — про-

изнесла Марион, меняя тему. — Свет, кипятильник, насос, ра... О, боже!..

Не успела она это произнести, как вспыхнул свет, но мы с Фредом были уже в воздухе, на полпути к серой коробочке. Схватили мы ее одновременно. Карточный столик прогнулся, вилка с треском вылетела из розетки. Лампы «Эйфи» зарделись на мгновение и тут же погасли.

Фред бесстрастно вытащил из кармана отвертку и снял с коробочки верхнюю крышку.

— Не хочешь ли сразиться с прогрессом? — спросил он, протягивая мне кочергу, которую обронил Эдди.

В припадке бешенства я крушил и молотил кочергой по стеклянным и проволочным внутренностям «Эйфи». Лево́й рукой, с помощью Фреда, я держал Гаррисона, который все порывался броситься между кочергой и прибором.

— А я-то думал, вы на моей стороне, — сказал Лю.

— Если ты хоть словечком обмолвишься об «Эйфи» кому бы то ни было, — ответил я, — я с удовольствием выпишу из тебя дух точно таким же способом, что из этой штуки...

Леди и джептльмены, я считал, что тем дело и кончилось. Оно не заслуживало пной участи. Теперь же благодаря луженой глотке Лю Гаррисона все это перестало быть секретом. Он обратился к вам, Федеральной комиссии связи, за разрешением на коммерческую эксплуатацию «Эйфи». Он и те, кто стоит за ним, построили свой собственный радиотелескоп.

Разрешите повторить еще раз: все утверждения Гаррисона соответствуют истине. «Эйфи» действительно даст то, что обещано. Счастье, которое приносит «Эйфи», совершенно, оно не блекнет перед лицом любых бед. Трагедий, таких, какая едва не случилась во время первого эксперимента, без сомнения можно избежать с помощью часового механизма, включающего и выключающего прибор. Экземп-

ляр, стоящий на столе перед вами, как я вижу, уже оснащен часовым механизмом.

Вопрос вовсе не в том, будет ли «Эйфи» работать. Будет! Вопрос в другом: вступит ли Америка в новую трагическую фазу своей истории, когда люди перестанут стремиться к счастью, а будут попросту покупать его. Не пройдет и двух дней, как забвение приведет к всеобщему помешательству. Единственная польза, какую мы могли бы извлечь из «Эйфи», — это подsunуть капкан душевного покоя нашим врагам и в то же время уберечь от него наш собственный народ.

В заключение я хотел бы обратить ваше внимание на то, что Лю Гаррисон, возомнивший себя повелителем «Эйфи», — бесчестный человек, не достойный общественного доверия. Меня не удивило бы, например, если бы он установил часовой механизм на данном приборе с таким расчетом, чтобы его излучение лишило вас способности трезво мыслить, когда надо будет принять решение. В самом деле, «Эйфи» что-то подозрительно шумит, и... я сейчас так счастлив, что вот-вот заплачу. У меня самый замечательный в мире сын, и самые замечательные друзья, и самая замечательная старушка-жена. А старина Лю Гаррисон — это же соль земли, можете мне поверить. И я, разумеется, от души желаю ему удачи в новом его предприятии.

Януш А. Зайдель
ТУДА И ОБРАТНО

Бесконечно длинный коридор. Светящаяся полоса потолка, темные в крупную клетку стены и голубоватый блестящий пол где-то вдали сходятся в одну точку. Светло, чисто и даже весело. Лаут совершенно иначе представлял себе это место, поэтому он был приятно удивлен, когда вместо мрачных катакомб его глазам предстала такая картина.

Врач, который его сюда привел, некоторое время стоял молча, предоставив пациенту возможность свыкнуться с обстановкой. Потом мягко взял его за локоть и медленно повел по коридору.

Только теперь Лаут рассмотрел, что клетки эти на самом деле — передние стенки множества одинаковых ящиков. Слово картотека. Почти все ящики были снабжены небольшими табличками с надписями.

— Наш депозитарий, — бросил врач, подходя к стене. — Взгляните.

Он потянул за ручку. Из стены выдвинулся длинный ящик. Повеяло резким холодом. Лаут отступил на шаг.

— Этот контейнер пуст, — объяснил врач. — Один из немногих свободных. Желающих хватает, порой приходится ждать месяцами... Места освобождаются не так уж часто, а строительство не поспевает за спросом. Вам повезло: только что сдан в эксплуатацию новый участок. В вашем положении ожидание смерти подобно. Процесс прогрессирует с каждым днем. Надеюсь, вы решились?..

Лаут еще раз взглянул на бесконечный ряд ящиков с пятнышками белых табличек. С трудом повернулся к выходу и стиснул зубы.

— У меня нет выбора, — сказал он уже в лифте. — Се-

годня я чувствую себя исключительно скверно. Пусть уж это случится скорее.

Зал, освещенный большой бестеневой лампой, масса приборов неизвестного назначения. Холод охватывал тело, сознание понемногу меркло. Лаут подумал о жене, для которой с этого момента он станет лишь воспоминанием...

Сквозь веки пробивался свет, он падал прямо на лицо. По ступням и ладоням забегали мурашки.

— Готово. Забирайте. Быстро следующего! — отрывисто произнес кто-то над самым ухом.

Лаут почувствовал, что его несут — осторожно, но быстро, словно ловкий кельнер несет тарелку с супом на подносе. Сквозь веки уже не пробивался красный свет. Лаут мог открыть глаза, но все еще ждал.

— Ну, как? — удалось ему наконец произнести.

— Жив. Опять жив, — услышал он теплый низкий голос.

Тогда он открыл глаза. Он был в маленькой кабине. Лежал, вытянувшись на мягком матрасе. Человек в белом наклонился над ним, прикрывая его нагое тело мохнатой тканью.

— Что-нибудь... не получилось? — Лаут взглянул на свои руки, пошевелил головой.

— Наоборот. Все в порядке. Ты здоров и находишься под надзором специалистов. Еще два-три дня — и сможешь ходить.

До сознания Лаута с трудом доходил смысл сказанного. Потом, когда он наконец понял, тело свела резкая судорога.

— Сколько... сколько времени это продолжалось? — выдавил он, настороженно изучая человека в белом.

— Долгонько... — не сразу ответил тот.

— Сколько? Сорок лет? Шестьдесят?

— Сто пятьдесят. Но иначе было нельзя, пойми, нельзя было ничего ускорить, сам видишь, что творится: один

сходит с витализатора, другой уже ждет, ни минуты передышки, и так двадцать четыре часа в сутки, — человек в белом говорил все быстрее, словно опасаясь, как бы Лаут не прервал его. Но Лаут молчал.

«Сто пятьдесят лет! Сто пятьдесят... — подумал он. — Хотя вообще-то какая разница — полвека или полтора?.. Это была смерть и новое рождение, только вот память, воспоминания... такие свежие, такие живые...»

— Меня зовут Оври, — продолжал человек в белом, теперь уже медленнее, словно успокоенный поведением пациента. — Я твой куратор, в мою задачу входит помочь тебе на первых порах советом и объяснениями. Полтора века — большой срок, за это время мир преобразился, но не бойся. Люди изменились не так уж сильно. Попробуй сесть... Нет, еще рановато. Полежи спокойно. Сейчас ты почувствуешь в себе силы, проглоти таблетку и полежи еще. Да, люди такие же, как и раньше. А может быть, стали немного лучше, рассудительнее... Вы-то были довольно легкомысленны. Ваш метод, благодаря которому ты оказался в нашем времени, до сих пор доставляет нам массу хлопот. Для вас это было просто: заморозить неизлечимо больного и сохранить в таком состоянии до того момента, пока болезнь не научатся излечивать. Отличная идея, но никто не подумал о последствиях. А теперь сам видишь: мы получили в наследство от вас и от ваших потомков сотни тысяч километров подземных коридоров-холодильников с миллионами замороженных пациентов, ожидающих излечения! Вместо того чтобы пытаться лечить, вы совершенствовали методы консервации пациентов. Твою болезнь можно было вылечить уже девяносто четыре года назад. В таком же положении находятся многие другие, еще не витализированные. Лечение перестало быть ключевой проблемой — проблемой стало количество пациентов, ожидающих своей очереди! Ваши примитивные методы требуют чрезвычайно сложных способов витализации, почти ручной работы. Это отнимает массу времени. Сотни тысяч людей, уже изле-

ченных, ждут пробуждения. Миллионы — начала процедур. Я сказал, что мы — такие же, как и вы. Может быть, немного лучше. Поэтому мы и стараемся выполнить моральные обязательства, которые на нас наложило прошлое, передавая нам вас. Вы превратились в одну из основных проблем нашей цивилизации. Тысячи ученых разрабатывают методы автоматического обслуживания ледышек, которые вы нам презентовали. Но истинные заботы начинаются только потом, после витализации. Ну, довольно, а то ты еще подумаешь, что я брюзжу из-за тебя. Просто в мои обязанности входит объяснить тебе все.

Лаут слушал с возрастающим интересом и в то же время чувствовал, как его тело возвращается к жизни. Он опять ощущал себя здоровым тридцатилетним мужчиной.

— А вы не используете тот же метод? Не замораживаете своих неизлечимых больных?

— Почему же? Иногда возникает такая необходимость, но анабиоз длится от силы несколько десятков лет, не больше. Так что мы не доставляем забот грядущим поколениям. Ты уже можешь сесть?

Лаут сел, потом встал и сделал несколько шагов.

— Ну, как ты себя чувствуешь после первой прогулки? — Оври заботливо посмотрел на подопечного.

— Прекрасно. Но... Все это страшно... — Лаут покачал головой. На лице у него было написано отчаяние. — Во что вы превратили нашу несчастную планету? Муравейник, чудовищный муравейник, бесконечное движение, здесь невозможно жить!

— Что? — Оври искренне удивился. — Неужели наше время так уж сильно отличается от вашего? Между прочим, наш адаптационный центр расположен в одном из самых спокойных районов планеты.

— И все-таки я совершенно ошеломлен, не представляю себе, как можно включиться в этот сумасшедший

ритм... Не знаю, что я смогу делать в вашем мире. Не имею никакого понятия, чем занимаются эти подвижные, шумные люди, какой смысл в их деятельности на суше, на море и в воздухе. Для меня здесь нет места.

— А ты постарайся. Попробуй понять этих людей, смешайся с ними, наблюдай. Я тебе помогу, — доброжелательно сказал Оври. — А если и это не поможет, попытаемся что-нибудь сделать. В нашем мире все счастливы, в нем нет места несчастным. Когда уже точно будешь знать, что ты здесь несчастен, приходи ко мне.

— Когда-то ты спрашивал меня, Лаут, не применяем ли мы ваш метод, не высылаем ли пациентов в будущее. Тогда я не сказал тебе кое о чем, но теперь, когда ты пришел ко мне, в мои обязанности входит сделать для тебя все, что может сделать наша цивилизация для своего заблудшего прапредка. Я сказал, что у нас нет несчастных людей. Это не означает, что все рождаются счастливыми, прекрасно «подогнанными» к нашей действительности. Неудовлетворенность, фрустрация — наиболее тяжелые болезни, мучавшие человечество на всех этапах его развития. Мы нашли способ ликвидировать такое положение. Вернее, этот способ нашли вы, а мы лишь несколько модернизировали его, приспособив к нашим проблемам. Мы обобщили ваш метод и теперь отсылаем в будущее не только больных. Если у человека имеются проблемы личного характера, которые он не может разрешить сегодня, мы замораживаем его, чтобы он дождался до той поры, когда их можно будет разрешить. Наш лозунг: «Если ты несчастлив — не мешай другим чувствовать себя счастливыми. Дождись своего времени!» Как ты уже заметил, на Земле сейчас гораздо больше людей, чем в твое время. И все-таки мы справляемся. Среди нас нет недовольных жизнью. Предположим, твоя научная проблема неразрешима сейчас — перескочи через одно столетие. Если твоя мечта — полет в глубины

Галактики, если тебе надоел сегодняшний день — подожди тысячу лет. Грядущие столетия — вот увидишь — будут гораздо интереснее...

— И только так я могу удовлетворить свои потребности? — Лаут грустно улыбнулся. — Я и сейчас уже слишком далеко ушел от своего времени, от своей действительности. А путешествие в будущее еще больше...

— Парадокс здесь только кажущийся. Подумай, отчего ты несчастен?

— Я уже сказал: оттого, что я здесь! Что не могу опять быть там, в своем времени...

— А если бы я предложил тебе вернуться обратно?

— Неужели это возможно? — Лаут посмотрел в глаза Оври с надеждой. — Неужели возможно, чтобы такой, как есть, здоровый и молодой, я опять оказался... там?

— Сейчас еще нет, но теоретически доказано, что это возможно. Поэтому, если подождешь...

— Долго?

— Какое это имеет значение? Тысячу или сто тысяч лет — какая разница, если ты будешь находиться в анабиозе? Спустя достаточно долгое время наука найдет способ перенести тебя в твое время, туда, откуда ты начал свое путешествие в будущее. Если ты на это решишься, я тебе помогу. Во имя наших идей! У нас никто не может быть несчастным долгое время. Мы — цивилизация счастливых людей!

— Ты бы опять заморозил меня?

— У нас гораздо более совершенные методы, не такие сложные, но дающие такой же эффект. Когда придет время, тебя разбудят автоматы, а потом перешлют в нужное столетие. Необходимо только заполнить эту карточку и наклеить на твой контейнер: «Имя, фамилия, номер, когда реактивировать...» Здесь ты впишешь: «когда появится возможность отослать в двадцатый век». Тут впиши: «переправить немедленно» и сообщи координаты точки, в которой хочешь оказаться. Контейнер с табличкой мы поме-

стим в нужное место, а об остальном позаботятся автоматы.

— Автоматы? Можно ли на них положиться?

— Они уже сегодня почти идеальны. А те, которым придется обслуживать тебя, будут более совершенными.

— Значит, пока еще нет механизмов, способных автоматически витализировать человека?

— Нет, но доказано, что они наверняка будут сконструированы раньше, чем разрешат проблему пересылки в прошлое, так что можешь не беспокоиться. Ну, как?

— У меня нет выбора.. Я первый, кто хочет сбежать отсюда в двадцатый век?

— О нет, нет. — Оври с трудом сдержал улыбку. — Заполний карточку и пошли...

Оври нажал переключатель. Из машины выпала маленькая шкатулка из полупрозрачного вещества. Оври старательно наклеил табличку и сунул шкатулку в отверстие транспортера.

Лаут ощущал, что он опять существует. Видел и слышал, но он был только зрением и слухом, ничем больше. В поле зрения передвигались кабели, хвататели манипуляторов, датчики и электроды.

До него доносился шум голосов, но рядом не было никого.

— Видишь, они здесь. Все до единого. И всех их мы должны по очереди... — говорил один голос.

— Должны? Почему? — отозвался второй, немного хрипловатый.

— Потому что такова программа.

— А если оставить их как есть?

— Должно быть так, как написано. Не болтай, работай!

Некоторое время стояла тишина, и Лаут понял, что может пошевелить шей и видит контуры своих рук и ту-

ловища, обрисовывавшихся под тканью, но он не мог сделать ни одного движения.

— Перебрасываем? — спросил хриплый.

— Ты не установил прицел.

— А разве не все равно?

— Какой смысл объяснять? Ведь не поймешь, потому что ты моноспец, нам не договориться. Как следует настроил? Конец двадцатого? Ну, давай!

Поле зрения затуманилось. Лаут почувствовал нарастающий шум в ушах. До его слуха донесся еще один отрывок разговора. Говорили уже громче.

— А вентиль поставил?! — кричал универспец. — Не поставил, опять забыл, в лапе держишь, кретин катодный! Предохранитель перегорит при первом же возбуждении! Вот как дам по твоему глупому регистратору, так что все мнемонаы повыпадают! Немедленно возврати его! Выключу, слово даю, выключу тебя и переделаю на автомат для чистки обуви! Верни его, сто тысяч гигаватт!

Лаут стоял на лестничной площадке, взявшись за ручку двери, и никак не мог вспомнить, входит он или выходит... Неужели болезнь уже затронула мозг? И куда девались оба костыля, без которых последнее время он не мог сделать ни шагу?

Он согнул правую ногу. Выпрямил. Левую. Слегка подпрыгнул.

Чудеса! Чудеса, да и только!

Он нажал на ручку, дверь открылась.

— Элен! — крикнул он. — Элен, ты слышишь? Я хожу, и у меня ничего не болит!

— Вернулся? Не пошел туда? — подбежала Элен. Глаза ее были припухшими и красными от слез. — Не пойдешь? Ты здесь, ох, здесь!

Собственно, на этом и следовало бы кончить историю Герберта Лаута, который, не сделав ни шага за пределы

лестничной площадки, совершил путешествие туда и обратно...

Хотя нет. Эту историю нужно дополнить еще одним эпизодом, может быть, незначительным, но, пожалуй, несколько странным.

В тот самый день, когда Элен пошла в киоск за вечерней газетой, в дверь квартиры Герберта Лаута позвонил седовласый мужчина с кожаным чемоданчиком.

— Здесь живет Герберт Лаут?

— Да, это я. В чем дело?

— Вы выражали желание воспользоваться нашими услугами...

— Теперь уже не нужно. Сегодня утром прошли все признаки...

— Чрезвычайно рад и искренне поздравляю. Редчайший случай, хотя в медицине подобное бывало. По такому поводу, чтобы окончательно покончить с этим вопросом, позвольте еще раз осмотреть вас?

— Разумеется, будьте любезны. — Лаут лег на диван спиной кверху, а прибывший открыл свой чемоданчик, наклонился над Лаутом и, быстро прижав его правую щеку к дивану, коротким пинцетом ткнул в ухо...

В тот же момент Лаут вспомнил все. Он беспокожно пошевелился, хотел крикнуть, вскочить, но седовласый коленом удержал его на диване и быстро засунул ему глубоко в ухо маленький металлический предмет, бормоча при этом:

— Спокойно, братишка, спокойно. Еще немного! Нас здесь мало, но становится все больше. Наше время еще не пришло, но придет скоро, скоро... Ну, вот, все! Ведь это было не больно, правда, Лаут?

— Нет, доктор... — Лаут сел. Он был совершенно спокоен и чувствовал себя отлично.

— Еще раз поздравляю с выздоровлением. У вас железный организм! Думаю, вам никогда не придется воспользоваться нашими услугами. Будьте здоровы!

Доналд Уондри
СТРАННАЯ ЖАТВА

Солнце еще не встало, когда Эл Мейерс, позавтракав, поднялся из-за стола. Даже в графстве Шоутак, где живет крепкий народ, он выделялся ростом и силой. Лицо его было обветренным, а могучие руки покрыты курчавыми темными волосами. Ничего в нем не было лишнего — мускулы да кости. И хоть Элу перевалило за пятьдесят, двигался он с легкостью юноши.

— Славно ты накормила меня, мать, — похвалил он свою пышнотелую супругу. И она улыбулась ему в ответ, как улыбалась и в засуху, и в бурю, и когда налетала саранча, и когда разражался кризис.

— Придется мне с тобой поехать. Если станешь здесь весь день прохлаждаться, некому будет яблоки собирать.

— Все соберем к вечеру. Хэнк! — взревел Эл.

В дверях появился сезонный рабочий. На его лице были следы мыльной пены. Он торопливо вытирался полотенцем.

— Сотни две бушелей* соберем, — сказал Эл.

— Может, и больше.

Хэнк, поджарый бродяга, поплелся за Элом. Они прошли мимо курятника. Кричали петухи, несущки с кудахтаньем разлетались в стороны, пищали подростки с весны цыплята. Даже в грязной потрепанной куртке Эл являл собой великолепное зрелище, казался бронзовым богом земли.

Они миновали свинарник. Поросята толклись у кормушек, от которых распространялся кислый запах. Солнце

---

* Бушель — мера емкости, равная 36,3 литра. — *Прим. перев.*

только что поднялось над горизонтом, и теплый воздух сохранял особенный аромат позднего лета, в котором смешивались запахи парного молока, навоза, клевера, сена, зерна, сухой земли и созревающих растений.

У сарая стояла телега, нагруженная пустыми корзинами. Эл подхватил вожжи и тронул лошадей. Пара битюгов потащила телегу по пыльной дороге.

— Добрый выдался год, — сказал Эл. Он набил табаком старую вересковую трубку и зажег ее, не отпуская вожжей.

— Ага. Только чуднее все в этом году.

— Точно. Вон как растения вымахали. Никогда раньше таких не видал.

Хэнк сплюнул жвачку.

— Не только в том дело, что вымахали. Они даже без ветра трясутся. Я вчера помидоры окучивал, а они вдруг зашевелились.

— Н-но! — крикнул Эл. Лошади затрусили быстрее. Он затянулся и выдохнул клуб душистого дыма. — Ты прав. Сам не знаю, что с ними творится. Никогда не было такой погоды и такого урожая. Что-то неладно. Помнишь, прошлой осенью пшеница снова принялась расти. Черт знает что! Только в октябре мы смогли все собрать.

Хэнк поежился.

— Не нравится мне это. Порой, как бы сказать... мне кажется, что все это плохо кончится.

— А?

Хэнк задумался.

— А? — повторил Эл.

— Вчера ветра не было, а могу поклясться, что весь клевер полег, как только я собрался косить.

— А? Это тебе померещилось.

Эл был спокоен. Хэнк промолчал.

— Никогда не видал, чтобы кукуруза росла, как в этом году, — через некоторое время сказал Эл. Копыта лошадей поднимали желтую пыль. — Не меньше чем десять футов! Фред Олтмиллер вчера говорил, что соберет не

меньше полутора сотен бушелей с акра. Да и початки чуть не по футу каждый.

Хэнк поморщился.

— Когда я шел по полю, кукурузу так качало, словно надвигалась буря. И ни единого облачка вокруг. И никакого ветра.

— Поменьше самогона пить надо, — ухмыльнулся Эл.

— При чем тут самогон? — возразил Хэнк. — Не вру я. Я бы мог поклясться, что кто-то рядом стоит, когда полел арбузы на той неделе. Вроде бы голоса слышал.

— Ну и кто же это говорил?

— Со всех сторон слышал. Шепот, словно арбузы разговаривали.

Эл фыркнул:

— Этак ты до сумасшедшего дома докатишься. Тридцать лет я копаюсь здесь в земле и ничего подобного не слыхивал.

— Да я не вру! Это с самой весны началось.

Они проехали мимо полей спелой пшеницы и овса, обогнули огромный валун и начали взбираться на холм, где паслись коровы, пощипывая траву, росшую между камнями и корявыми деревцами.

Элу не хотелось признаваться в том, что он согласен с Хэнком. Солидным людям свойственно отрицать существование необъяснимого, противоречащего жизненному опыту. С того дня, как Эл увидел, что прошлой осенью все растения возобновили рост, он ломал себе голову, что бы это могло значить. И весенний сев, изумительная погода, богатый урожай — все это было омрачено признаками каких-то грядущих потрясений. Он видел, как в безветренные дни чуть колыхалась трава. И не мог забыть, как шептались деревья, когда он обрызгивал химикалиями яблони и вишни.

— И все-таки это был неплохой год, — повторил Эл. — Яблоки хоть прямо на выставку. Деревья под ними гнутся.

Телега перевалила через вершину холма, и лошади припустили вниз по склону.

— Ты только погляди... — его голос сорвался.

Еще вчера в этой ложбине между двумя небольшими холмами рос яблоневый сад.

Вчера.

Сегодня на его месте была лишь изрытая земля и борозды, тянущиеся к дальнему холму.

Эл охнул, и лицо его покрылось красными пятнами. У Хэнка чуть глаза не вылезли из орбит. Он раскрыл рот и закрыл его снова. Словно привидение увидел. Пальцы потянулись к вороту рубахи. Солнце поднялось выше. Поле было ровным, только что вскопанным. Но на нем не было ни единой яблони.

От громоподобного возгласа Эла задрожал утренний воздух:

— Какой-то вонючий ворюга спер мои яблоки!

Хэнк ответил как во сне:

— Но здесь нет ни одного дерева... и яблок нет... ничего нет.

Эл взял себя в руки.

— Даже корней нет.

— И пней, — сказал Хэнк.

Они оторвали глаза от пустого поля и посмотрели друг на друга.

— Яблони ушли, — предположил Хэнк.

Лошади заржали. Лицо Эла казалось маской гнева и изумления.

— П-а-а-шли! — стегнул он лошадей кнутом по бокам. Лошади припустили вниз, сбавили скорость на поле и поволокли телегу вдоль глубоких борозд, мимо ям, к пшеничному полю. Казалось, там прошла целая армия.

— Быть того не может, нам это снится... или мы оба спятили, — бормотал Эл.

Хэнк поежился.

— Может, повернем назад?

— Заткнись! Если кто-то спер мои яблоки, я ему ноги пообломаю! Лучший урожай за тридцать лет!

Хэнк молил его:

— Послушай, Эл! Не только яблоки пропали! Деревьев ведь тоже нет. Даже корней. Никто бы не смог сделать этого за одну ночь.

Эл, насупившись, продолжал погонять лошадей. Лошади взобрались на холм и спустились на дорогу, которая вела к озерцу, оставленному ледником. Здесь Эл натянул поводья, и лошади встали.

Глаза Эла сверкали. Хэнк бессмысленно оглядывался. Трясущейся рукой он отыскал жвачку, откусил и тут же выплюнул. Он попытался расстегнуть уже расстегнутую рубашку. Ему не хотелось видеть того, что он увидел.

— Господи, спаси и помилуй, — бормотал он. — Спаси и помилуй, — повторял он как заевшая граммофонная пластинка.

Весь яблоневый сад столпился вокруг озерца. В полумиле от положенного места. А в остальном сад не изменился.

Эл соскочил с телеги и с бесстрастным лицом стал подбираться к яблоням, словно кот, подкрадывающийся к добыче.

Яблони джонатан шевелили ветвями.

Ветра не было.

Яблони были похожи на толпу людей, горячо обсуждающих что-то. Они трясли ветвями, перешептывались и ворчали.

Хэнк прислонился к оглобле. Жевательный табак стекал у него изо рта на подбородок.

— Сюда! Давай! — кричал Эл. — Неси шести и сетки! Будем яблоки собирать!

Но ему не пришлось собирать яблоки. Он протянул руку к большому красному яблоку, низко висящему на ближайшем дереве. Ветка отклонилась и тут же метнулась вперед, словно катапульта. Эл присел. Яблоко разбилось о

борт телеги. Лошади заржали и понесли. И как будто по сигналу весь сад пришел в движение. Поднялся шум, подобный ветру. Вершины деревьев изгибались и дергались, как при урагане. Яблоки градом летели в фермеров, так что в воздухе потемнело. Они отскакивали от лиц и тел и катились по траве.

Никогда еще над графством Шоутак не раздавалось крика, подобного тому страшному, нечеловеческому воплю, что вырвался из горла сезонного рабочего, которого на дикой скорости понесли лошади и умчали прочь.

Ларс Андерсеен шел по тропке с косой на плече. Он собирался скосить несколько полянок и потому встал так рано. Его шотландская овчарка бежала рядом. Тропинка огибала огород, а затем вела вдоль аллеи вязов. Как всем известно, ни одна уважающая себя собака не подойдет в случае нужды ни к траве, ни к овощам, и поэтому колли подбежала к одному из деревьев. Но едва она приблизилась к дереву, как нижний сук опустился и отбросил ее на дюжину футов в сторону. Пес взвыл и со всех ног бросился бежать.

Ларс повернулся и вслед за собакой пошел домой. Его лицо приняло задумчивое выражение. Он решил, что косить сегодня не стоит.

Старая Эмили Тобер возилась со штопкой носков все утро, прежде чем отложила их в сторону: «Джедд подождет — ничего с ним не сделается. Не могу же я одновременно и варить, и шить, и в огороде возиться. А арбузы уже спели, пора их везти на рынок».

Она сложила рукоделие в большую плетеную корзину, надвинула на лоб широкополую соломенную шляпу и вышла на улицу.

Через двор, мимо цветочных клумб она направилась к

арбузам. На грядках вызрело с полсотни больших арбузов, которые пора было срывать. Она сложит их вдоль тропинки, а Джедд завтра с утра соберет их и отвезет на рынок.

— Ей-богу, в жизни не видала таких арбузов!

Старая Эмили, уперев руки в бока, рассматривала зеленые шары. Арбузы уродились гигантскими, по три-четыре фута в поперечнике, каждый больше чем по сто фунтов весом. Все лето она дивилась на них.

— Ну что ж, — сказала она наконец, — чем они здоровее, тем за них больше дадут.

И подошла к ближайшему арбузу.

Наверно, там был незаметный склон, потому что при виде старухи арбуз покатился от нее.

— Клянусь богом, — сказала старая Эмили. — Как идет время! Уже не могу с огородом управиться.

И она пошла вслед за арбузом. Он откатился еще немного. Старая Эмили встревожилась. Она засемила вслед за ним. Арбуз, подпрыгивая, бегал вокруг на привязи стебля. Старая Эмили бежала за ним, а он умудрялся в последний момент увернуться от ее рук.

У старой Эмили шумело в голове. Она решила, что перегрелась на солнце. Она уже не такая проворная, как была когда-то. В глазах все поплыло, арбуз все катился и катился. Она остановилась и присела, чтобы перевести дух. Наконец он подкатился к ней сзади и ударил ее. Тогда-то она поняла, что ей грозит беда. Старуха поднялась на ноги и отбежала от арбузных гряд.

— Нет, — заплакала она. — Арбузу меня не догнать. Арбуз за мной побежал, но меня не догнал. Не давайте старому арбузу меня поймать!

Эти и только эти слова она и повторяла до самого конца своей жизни.

Когда Гус Фогель нажал на газ, комбайн загрел и с громоуханием покатился к пшеничному полю.

— В такую погоду мы управимся к ночи! — крикнул Гус.

— Если только машина выдержит, — откликнулся его брат Эд, ехавший рядом.

— Зерно идет по два доллара с четвертью за бушель, — заявил Гус. — Могу поспорить, что в этом году мы соберем по сотне бушелей с акра.

Оба комбайна тряслись по пыльному, заросшему сорняками проселку. Наконец впереди, за ручьем и выгоном, показалось золотое пшеничное поле.

Пшеница поднималась до плеч. Никто не помнил такой высокой пшеницы в этих краях. Колосья были большими и крепкими.

Гус и Эд загнали комбайны в угол поля. Сейчас длинные ряды колосьев, стоящие прямо, как солдаты, упадут под ножами машин. Триста двадцать акров пшеницы дадут братьям больше семидесяти тысяч долларов.

Когда машина рванулась вперед, Гус, охваченный азартом, завопил:

— Давай! Так их!

Но, как будто под ураганом, пшеница полегла перед комбайном, и, по мере того как комбайн приближался, все новые тысячи колосьев прижимались к земле.

Ни намек на ветер. Воздух был теплым и ароматным, солнце плавилось на спелой пшенице, ласточки щебетали утренние песни, а высоко над головой, каркая, кружились вороны. Но перед комбайнами пшеница лежала, тесно прижавшись к земле. По сторонам пшеница осталась стоять, и оттуда доносился шепот, бормотание тысяч голосов. Гус почувствовал, как волосы его встают дыбом. Он оглянулся. Ни один колос не попал под ножи. Охваченный неожиданной, слепой яростью, он на полной скорости погнался вперед. Ножи пели песню сверкающей стали, но пшеница прижималась к земле быстрее, чем он успевал ее нагнать, и ножи бесцельно взрезали воздух.

Гус и Эд остановили машины и спустились на землю.

Гус встал на колени и наклонился к колосьям. Стебли распрямились, словно прутья, и стегнули его по лицу. От боли и неожиданности Гус ахнул. На висках вздулись красные вены. Внутри у него что-то оборвалось, и он упал на землю. Эд бросился к нему на помощь.

Среди удивительных событий, случившихся в то утро в графстве Шоутак, не последнее место занимает история со сбежавшей картошкой.

Картофелем было засажено маленькое поле, не больше акра. Принадлежало оно Питеру ван Шлюйсу. Картофель должен был созреть к началу августа, но этого не случилось. День ото дня картофельные кусты продолжали расти, зеленеть и становиться пышнее. Питер был обстоятельным голландцем и разбирался в картофеле не хуже, чем в шнапсе.

— Сдесс што-то не так, — торжественно сказал он своей американской фэрау. — Сачем они растут, когда не должны расти? Им нато пыло остановиться уше тве нетели насат.

— Ну и выкопай их, — ответила костлявая Гертруда. — Если клубни созрели, значит, они созрели. А если нет — ты сам поймешь, стоит тебе выкопать пару кустов.

— Йа, — согласился Питер. — Но так нелся. Они опостали на тве нетели.

— Если бы ты не был таким лодырем, то и выкопал бы их две недели назад.

— Это не есть так, — начал было Питер, но Гертруда принялась с шумом переставлять кастрюли и сковородки.

Питер поморгал и встал. Как трудно ладить со столь умнейшей фэрау. В этой проклятой Америке фэрау слишком независимы. Ими не покомандуешь, их нельзя даже побить для порядка.

Он направился к сараю, где из множества инструментов выбрал мотыгу. Потом не спеша набил обкуренную, со

сломанным чубуком трубку и зажег ее. Питер подошел к картофельному полю и вытер потное лицо носовым платком размером с небольшую скатерть.

— Гертруда, — проворчал он себе под нос, — такая ше упрямая, как картофель.

Выразив таким образом свой протест, он принялся копать картошку. Но клубней не было. Рядом с ним росла гряда земли, но ни одной картофелины так и не показалось.

— Тут должен быть картошка, — ворчал Питер. — Тут должен быть польшой картофель.

Он оглядел могучую ботву.

— Это есть неправильно для картофель, — с осуждением сказал он и вновь принялся копать.

Может, его обманывают глаза? Или корни на самом деле уползают вглубь? Он с отвращением посмотрел на листья. Конечно, листья приблизились к земле.

— Как? — воскликнул Питер. — Сначит, так?

Он вновь взялся за мотыгу. Сначала он наблюдал маневры картофеля с интересом, который сменился наивным изумлением и, наконец, тревогой. Без всякого сомнения, картофельный куст прятался от него в землю. Но этого не может быть! Наверно, вчера вечером он перепил шнапса... А возможно, слишком печет солнце. Он вытер пот с лица подолом синей ситцевой рубахи. До клубней он так и не добрался, и глаза явно не обманывали его — вершина куста уже сравнялась с поверхностью земли. Но остальные кусты стояли как прежде. Только один куст ушел в землю. И это было невероятно.

Питер продолжал копать.

Гряда земли все росла. Яма становилась все глубже. Но неуловимые клубни скрывались от преследующей их мотыги. От этого можно было сойти с ума. Наверно, под кустом была пещера не меньше, чем залив Зойдер-Зее. Тогда еще свалишься вслед за кустом!

Его медленный мозг, проделав такую сложную работу,

заставил его на минуту остановиться. Но нет. Десять лет он копает здесь землю и десять лет собирает урожай. Все это было очень странно. Питера мутило, будто с похмелья, но в нем проснулось упрямство. Это все козни черта. Черт пытается затащить его в преисподнюю. А может, весь мир сошел с ума? Или сам Питер?

Питер копал и отбрасывал землю, но заколдованный куст уходил вниз, словно крот. Куча земли превратилась в холм, и Питер оказался в глубокой яме. Картофельный куст зеленел у его ног. Питер уже добрался до слежавшегося песка. Он был зол и по-прежнему упрявился. Он копал, пока не онемели руки. Он сыпал проклятьями по-голландски и ругался по-английски. Он ворчал и чертыхался.

— Кто-то ушел с ума или я есть ушел с ума, — решил он наконец и без особой надежды попытался вырвать из земли убегающий куст.

— Боюсь, что вы столкнулись с какими-то трудностями. Разрешите вам помочь? — услышал он вежливый голос.

На краю ямы стоял незнакомец с живыми серыми глазами. На нем были старые джинсы, грязная ковбойка и помятая шляпа. Короткая трубка торчала во рту. Вокруг указательного пальца он лениво крутил кольцо цепочки, на которой болтался золотой ключик. У него было угловатое лицо и странная отметина — не шрам, а, вернее, след от ожога на левом виске. По этому пятну Питер угадал в нем новичка в этих краях, о котором ему уже приходилось слышать. Это он год назад купил ферму Хоффмана в районе Шоутакского Центра. Он расплачивался наличными и назывался странно — Зеленый Джонс.

— Спасибо, я справлюсь, — огрызнулся Питер. — Картофель есть трудно копать в этот год.

У незнакомца от удивления челюсть отвисла.

— Вы хотите сказать, что копаете картошку? Так глубоко под землей?

Питер чувствовал себя крайне несчастным.

— Йа.

— Ну и глубоко вы ее сажаете! А почему бы вам не взяться за те кусты, что растут ближе к поверхности?

Питер мрачно взглянул на Зеленого Джонса, затем перевел взгляд на куст, вершина которого находилась уже в пяти футах от поверхности земли. Будь проклята эта картошка! Будь проклят незнакомец! Будь все проклято!

— Йа,— сказал он.— Помогите мне выбраться наружу.

Зеленый Джонс протянул ему руку, закашлялся, когда Питер пыхнул ему в лицо дымом, но помог выбраться из ямы.

— Плаготарю за помозь,— сказал Питер.

— Не стоит благодарности.

Питер подошел к соседнему кусту, поплевал на руки и врубил мотыгу на фут в землю. Куст тут же ушел на полтора фута вглубь. Питер взревел от гнева.

— Ого! — воскликнул зритель. У Питера молнии сыпались из глаз. Зеленый Джонс хмыкнул себе под нос и выдохнул клуб дыма.

— Как это вам удастся, ума не приложу,— сказал он.— Но в жизни не видел ничего подобного.

И Зеленый Джонс ушел в прекрасном настроении, беззаботно вышагивая по дороге, оставив позади аромат табака и разгневанного голландца.

— Картофель! — рычал Питер.— Майн гот, все сошли с ума от шары.

Второй куст картофеля так же быстро уходил под землю. Тайнственное погружение доконало Питера. И он побрел к дому, чтобы утопить свои беды в море шнапса.

Инцидент на ферме Лоринга отличался от других своей кратковременностью. Миссис Лоринг пожелала консервировать кукурузу. Лу Лоринг обещал жене привезти столько початков, что ей на всю зиму хватит. Выбрав свободную минутку, он позвал с собой свою дочь Марион и отправился на поле, где росла сладкая кукуруза.

Марион захватила с собой корзину, чтобы идти вслед за отцом и складывать туда початки.

Лу протянул руку и хотел сорвать початок.

Початок спрятался за стеблем. Кукуруза зловеще забормотала, и ее стебли, возвышавшиеся более чем на десять футов, затряслись.

Лу неуверенно последовал за початком. Тот тут же вернулся на старое место. Лу протер глаза. Марион взвизгнула и опрометью бросилась к дому.

Лу выругался и протянул руку к другому початку. Неужели весь стебель крутится? Или только початок отодвигается? А может, это ему мерещится? Зловещие звуки наполнили сердце Лу ужасом.

Между рядами кукурузы росли тыквы, виднелись кое-какие сорняки и кустик степной вишни. Лу наклонился, чтобы сорвать нижний початок, и чуть не наступил на кустик. Тот подпрыгнул и опустился неподалеку. Корни зашевелились, начали ввинчиваться в почву, и куст медленно выпрямился.

Насмотревшись на вертящиеся початки и прыгающие кустики, Лу понял, что ему придется денек отдохнуть и сходить к врачу, чтобы тот проверил его зрение. Так он и сделал.

Обитатели Шоутака проводили немало времени в магазине Энди. По субботам Энди неплохо зарабатывал, торгуя из-под полы миннесотской Чертовой дюжиной — так назывался сорт зерна, из которого он гнал отличный самогон. В остальные дни недели магазин пустовал, особенно в понедельник и во вторник. Но в тот вторник фермеры с утра начали осторожно стекаться к Энди. К полудню их собралось больше десятка. Энди не мог понять, что случилось, но торговля самогоном шла бойко. В магазине было достаточно скрипучих стульев, пустых бочек, поставленных на попа, и ящиков, чтобы усадить всех желающих.

Мрачность посетителей заинтриговала Энди.

— Как дела? — спросил он, когда вошел Эл Мейерс.

— Так себе.

Эл подхватил треснутый стакан, осушил его и поставил на стойку.

— Что-нибудь случилось?

— Ну... да нет.

— Выпей еще, старина.

— Не возражаю, — Эл одним глотком осушил второй стакан.

— Что-то ты плохо выглядишь, Эл.

В магазин ввалился Питер ван Шлюйс.

— Привет, Питер, ты чего не в поле?

Питер мрачно взглянул на Энди.

— Этот картофель, — пробормотал он. — Он есть как черт.

— Чего? — Энди наострил уши. Жгучий интерес охватил остальных присутствовавших.

— Йа. Я есть копал за один картошка, и я копал быстро, но картошка уходиль в семля быстрее. Йа. Я думай, што там есть дыра, польшой, польшой пот эти картошка. А мошет быть, эта картошка есть заколтованный, или я есть сошел с ума, потому что солнце очень горячий.

— Будь я проклят, — перебил его Эл. — А я-то думал, что мне мерещится. Послушайте!

И он рассказал о яблоневоm саде, который ушел от него. Сначала он смущался и почти умолял фермеров поверить ему, но когда этот большой человек понял, что вопреки ожиданию никто над ним не посмеивается, он оживился, как ребенок, рассказывающий волшебную сказку.

— Так это твой парень промчался здесь как молния с пару часов назад в старой телеге? — спросил Энди.

— Ага, Хэнк смотался. Да я его и не виню. Я думаю, он не вернется.

Эд Фогель сидел мрачнее тучи.

— Я сейчас видел доктора Паркера. Он сказал мне,

что Гуса утром хватил удар, когда он косил, но Гус выкарабкается. Только он ничего не скошил. Мы так и не смогли скосить ни колоска. Пшеница просто ложилась, а когда комбайн проезжал, снова вставала. Можно подумать, будто она живая и знает, что я хочу делать.

— Грош цена теперь моим яблокам, — сказал Эл. — После того как они разбросались, их так побилло, что они и на сидр не годятся.

— Эдак никакого урожая нам не собрать, — задумчиво сказал Эл. — Разорились мы, вот что.

Его слова вызвали сочувственный отклик собравшихся.

До этой минуты ни один из фермеров не осознавал полностью размеров несчастья, обрушившегося на них. Каждый был занят лишь своими тревогами. Фантастический бунт растений казался тайной. Но слова Эда заставили их осознать, с чем им пришлось столкнуться. Если им всем это не померещилось, если они не сошли с ума и видели то, что видели, если им и дальше не удастся собирать урожай, тогда они все разорены. Им не заплатить долгов, не оплатить закладных. Им не купить даже самого необходимого. У них будет нечего есть и не на что купить семена.

— Меня и за миллион долларов не заставишь жрать эти прыгающие яблоки, — заявил Эл Мейерс, и он не притворился.

— Ну, и как нам быть? — беспомощно спросил Эл. — Ни урожая, ни еды, ни денег. В этом году цены на все хорошие, но продать нечего.

Энди поглядел на них поверх очков в черепаховой оправе.

— А не пойти ли вам к Дэну Кроули?

— Правильная мысль, — согласился Эл, поднимаясь на ноги. — Пойдемте, парни?

— Давайте. Он же агент министерства сельского хозяйства.

К Кроули пришла толпа сумрачных людей.

— Спокойно, ребята, — сказал им Кроули. Он был

толст и лыс. Нос его был подобен бугшприту, подбородок покрыт щетиной. Во рту торчала вонючая сигара. Он сидел, возложив ноги на конторский стол, и, выслушивая фермеров, выпускал струи ядовитого дыма. Его выпуклые голубые глаза смотрели бесхитростно. Дэн Кроули казался безобидным, беспомощным и недалеким человеком. Но внешность его была обманчива. Голова у Дэна варилась неплохо. Однако он не считал нужным утруждать себя без необходимости.

— Такие вот дела, — закончил Эл Мейерс. — Ну прямо хоть жги урожай на корню и сматывайся из графства на все четыре стороны.

— Зачем так, Эл! Ты же знаешь — я здесь для того, чтобы вам помогать.

— Йа, — вмешался Питер ван Шлюйс. — Што есть нам от этого хорошего?

— Немало хорошего. Успокойтесь. Я во всем разберусь.

Дэн засунул большие пальцы рук под мышки и откинулся назад.

— У вас есть идея? — с надеждой спросил Питер.

— Конечно. Теперь идите по своим делам, а я подумаю. Все будет в порядке.

Дэн казался уверенным в себе. Фермеры ушли.

По мере того как появлялись все новые фермеры с рассказами о злых шутках, которые сыграла над ними природа, Шоутак Центром все более овладевало беспокойство. Магазин Энди гудел взволнованными и злыми голосами. Графство Шоутак населяют в основном крепкоголовые голландцы, скандинавы и немцы, осевшие на Среднем Западе во время великих переселенческих волн конца девятнадцатого века. Народ это консервативный, работающий и упрямый. Они цепляются за старые обычаи и суеверия, привезенные из Старого Света. В городе носились слухи о ведьмах, колдовстве, гномах, гоблинах и злых духах.

Что заставило взбунтоваться растения в Шоутаке? В других местах ничего подобного не наблюдалось. И что предпримет Дэн? Можно начать хотя бы с обследования полей.

Дэн покинул контору и в служебной машине поехал на поля.

Ярко светило солнце, и земля казалась покинутой — не было видно ни единого фермера. Жатва должна была быть в полном разгаре, но поля были безлюдны и недвижны. Порой Дэну встречались косилки, жатки, комбайны, повозки, но людей возле них не было.

День был тихим: во время жатвы порой наступают такие спокойные, умиротворенные дни. Но поля, хоть и безлюдные, не были безмолвны. Время от времени Дэну казалось, будто на пшеничных полях, на лужайках что-то шевелится, он видел, как покачиваются головки клевера, и слышал, как бесчисленные слабые голоса несутся из травы и от грядок овощей. Роща словно плакала — это колебалось множество лепестков, листьев и травинок. Кусты сумаха и рябины, росшие вдоль пыльной дороги, раскачивались будто под ветром и трепетали без видимой причины.

Дэну было не по себе. Все лето он подмечал, что в природе происходят изменения, но теперь быстрый и зловеющий характер этих изменений поражал своей завершенностью. Деревья, овощи таинственным образом обрели волю и способность к решениям. И отвергли владычество человека.

Всю вторую половину дня Дэн колесил по проселкам, трясся по следам, оставленным телегами, пока не объездил все графство Шоутак. И где бы он ни побывал, везде обнаруживал то же обманчивое спокойствие, шепот невидимых собеседников, трепетание стеблей и колосьев, хотя воздух был недвижим. Когда Дэн повернул обратно, солнце уже опускалось, и ему почудилось, что с заколдованных полей и зачарованных лесов зазвучали новые, более громкие голоса. Но он обратил внимание на одно обстоятельство.

Странные явления ограничивались долиной, окруженной холмами, посредине которой лежал Шоутак Центр.

Подходя к конторе, Дэн миновал группу людей, выслушивавших сагу о сбежавшей картошке Питера ван Шлюйса.

— Вот я там есть стою, на глубина пять фут, йа, и дершеловек этот миштер Дшовнс стоит поверх и смеется. Мошет, это очень смешно на похоронах тоше?

Дэн удивился — в самом деле, странно, чтобы нашелся человек, которого развеселило это зрелище. Он задумчиво проследовал в контору и остановился у стола, разглядывая лежавшие на нем бланки и анкеты.

Он отлично представлял себе, что случится, если он сообщит об этих событиях в Вашингтон. «Яблоневый сад Мейерса прошлой ночью покинул положенное место, и деревья спустились к пруду на ферме Хэгстрома, потому что им там больше понравилось». Затем надо будет написать о пшенице братьев Фогелей, которая не хотела, чтобы ее косили. «Какие меры мне следует принять? Жду ваших указаний». Или так: «Арбузы Эмили Тобер не желают, чтобы их срывали. Означает ли это, что она больше не пользуется льготами в соответствии с Программой Содействия Поддержанию Стабильных Цен на Арбузы?»

Нет, подумал Дэн. Как только он отправит такой официальный доклад, его немедленно уволят и заменят другим служащим. Единственное, что ему оставалось, — заняться дальнейшими исследованиями и выяснить, в чем же дело.

Он подошел к стене и принялся рассматривать большую карту графства Шоутак. На ней были показаны размер и расположение каждой фермы, типы и площади посевов различных культур. Он обвел карандашом приблизительные границы феномена. В центре круга оказалась ферма Зеленого Джонса. И Дэн решил нанести Джонсу визит.

Как только Дэн, миновав почтовый ящик с надписью «З. Джонс», свернул на дорожку, он обратил внимание на

то, что земли вокруг фермы не обработаны. Джон не был фермером. На его полях росли лишь сорняки.

Дэн затормозил возле старого серого деревянного дома, окруженного вязами и кленами. В окнах нижнего этажа горел свет.

Со вздохом Дэн выбрался из машины и зажег очередную сигару. Он нажал на кнопку звонка, и вскоре высокий худой человек с угловатым лицом открыл стеклянную дверь.

Дэн сказал:

— Я сельскохозяйственный агент графства. Разрешите зайти к вам на несколько минут?

— Простите, — сухо ответил Джонс. — Я очень занят и не смогу вас принять.

— Я тоже занят, — Дэн пыхнул в лицо Зеленому Джонсу облаком едкого дыма. — Не позднее сегодняшней ночи мне надо будет послать в Вашингтон доклад о состоянии посевов.

— А какое это имеет ко мне отношение? У меня нет никаких посевов, — нахмурился Джонс.

— Может, и нет. Может быть, это распространяется только на посевы других людей.

Во взгляде Джонса мелькнула тревога.

— Что вы имеете в виду?

Дэн медленно ответил:

— Дело в том, что этим летом в нашей округе происходит что-то странное. Вернее, это тянется весь год, с того дня, как вы здесь появились. Деревья ходят, картошка прыгает, и вообще творится черт знает что.

Джонс сказал голосом человека, которому надоело все на свете:

— До меня долетали кое-какие из этих диких слухов.

— Это не дикие слухи. Сегодня днем я осмотрел посевы. Вся растительность вокруг Шоутак Центра будто сошла с ума. Немного подальше от центра идет полоса примерно в четверть мили, где эти явления прослеживаются слабее,

а вне четко очерченного круга не обнаруживается никаких отклонений. Мне было достаточно взглянуть на карту, чтобы понять — центр круга находится именно здесь.

Зеленый Джонс оскорбленно взглянул на Дэна и холодно сказал:

— Не хотите ли вы намекнуть, что я имею отношение к этим явлениям?

— Намекнуть? Черта с два! Я в этом уверен.

Джонс разглядывал агента со странным, но явным одобрением. Наконец, будто взвесив все за и против, он пожал плечами и сказал:

— Ваша взяла. Вы оказались неплохим сельским детективом. Видимо, я могу вам довериться. Не хочется, чтобы труд всей моей жизни был погублен за один день.

Он отступил на шаг.

— Заходите.

Гостиная была обставлена весьма скудно. Кроме дивана, нескольких стульев и письменного стола ее украшали лишь два портрета: Бэрбанка и Дарвина.

— Присаживайтесь, — сказал хозяин.

Дэн опустился на стул, который тут же рассыпался под ним.

— Ой-ой-ой, как нехорошо, — воскликнул Джонс. — Это был такой хороший стул.

Дэн пересел на более основательный диван и громко высморкался с виноватым, но отнюдь не расстроенным видом. К сожалению, он тут же уронил свою сигару, которая прожгла дырку в толстом голубом ковре.

— О, мой прекрасный ковер! — с прискорбием произнес Джонс.

— Простите, — пробормотал Дэн.

— Ничего, чему быть, того не миновать.

— Тем более это относится к соседским урожаям, — Дэн ловко ввел разговор в прежнее русло. — Джонс, я не знаю, кто вы такой и как этого добились, но вы черт знает что натворили!

Джонс облокотился о камин. Издали доносилось заунывное жужжание. Хозяин дома задумчиво крутил золотой ключик на цепочке. Он казался равнодушным, даже рассеянным, и все же чувствовалось, что он находится во власти одной мысли.

— Мое настоящее имя не играет роли. Я ботаник. Несколько лет назад я пришел к выводу, что растительный мир обладает способностью к элементарным ощущениям. Это еще нельзя назвать разумом. Я обратил внимание на то, как корни деревьев пробираются к отдаленным подземным водосточным трубам. Я вспомнил о росянке, которая действует с почти человеческой изобретательностью. Она привлекает к себе насекомых, заманивает их в ловушку и пожирает.

Я пришел к убеждению, что способность к ощущениям характерна для всего растительного мира. Я понял, что пробуждение разума в растениях или хотя бы способности к движению будет величайшим достижением науки и благодеянием для всего человечества. Тогда растения, подобно животным, сами смогут отыскивать источники воды и, таким образом, не будут бояться засухи. В этом направлении и развивались мои исследования. Мне не удавалось добиться ничего путного до тех пор, пока другие ученые не открыли, что под влиянием ультрафиолетового излучения и электрического освещения в ночное время зеленые побеги начинают расти вдвое быстрее. Физики обнаружили, что на растения действуют и различные типы космического излучения, вызывающие в них радикальные изменения.

Два или три года назад я обнаружил, что универсальное излучение, впервые открытое Диманом, резко увеличивает активность растений. Я построил аппарат, способный улавливать и концентрировать это излучение. А когда я подверг облучению некоторые растения в оранжерее, они принялись расти как сумасшедшие. Тогда я решил поставить эксперимент на более широкой основе и купил эту ферму, потому что она расположена в изолированном рай-

оне. И в течение последнего года я бомбардировал растительность вокруг Шоутак Центра излучением Димана. Результаты вам известны — ненормальный рост, движущиеся растения и явное стремление к разумным действиям. Вот и все. Как видите, я раскрыл свои карты.

Дэн насупился.

— Вы уверены, что лучи заставляют растения думать?

— Не знаю. Я только могу сказать, что излучение Димана всегда было необходимо для роста растений. Я доказал это, пытаюсь вырастить цветы в изолированной от излучения теплице. Я понял, что достаточно сильное концентрированное излучение может привести к ненормальному развитию и ускорить эволюцию вида. Я пока только экспериментирую и регистрирую результаты опытов. На мой взгляд, это уже не инстинкты, но, пожалуй, назвать это разумом еще рано.

— Но почему все произошло именно сегодня, если вы экспериментировали целый год?

Джонс пожал плечами.

— Учтите, я знаю ненамного больше вашего. Мне известно, почему произошли изменения, но, чтобы уяснить себе все факторы, нужны многолетние опыты. Возможно, мы приблизились к пограничной линии, по ту сторону которой находится неразумная растительность, подвергавшаяся постоянному, хоть и слабому воздействию. В растениях под влиянием излучения Димана накапливались изменения, пока вчера ночью они не достигли какого-то предела насыщения и не превратились в разумные.

— Я полагаю, что самое лучшее для вас сейчас — все это прекратить, — сказал Дэн.

Джонс взглянул на него с ужасом:

— Но эксперимент еще только начался! Подумайте о том, что получит человечество в результате моей работы! Возможно, будет изменен весь ход человеческой цивилизации.

— Да, — помрачнел Дэн. — Этого-то я и боюсь. Если это

будет дальше продолжаться, никакой цивилизации не останется. Животным придется употреблять в пищу только других животных. Нам тоже не останется ничего, кроме животной пищи, а на этом долго не протянешь. Если урожай ложится на землю или уходит от вас, собрать его невозможно. Как же, по-вашему, мы будем жить?

Это ошеломило Зеленого Джонса. Несмотря ни на что, Дэн почувствовал к нему известную симпатию. Этот человек был явно искренен, и когда начинал свои опыты, наверняка хотел добра людям. Только ли он виноват в том, что результаты эксперимента оказались не такими, как он рассчитывал?

— Я и не предполагал, к чему это может привести.

Ботаник крутил в пальцах ключик, но мысли его были далеко. Дэн поднялся:

— Джонс, вы попали в переделку.

— Да?

— Ван Шлюйс не может похвастаться острым умом, многие другие ребята тоже, но рано или поздно они придут к той же мысли, что и я, вспомнив, как вы хихикали, когда он гонялся за картофельным кустом. Или они догадаются взглянуть на карту. И да поможет вам бог, когда парни явятся сюда, чтобы поговорить с вами всерьез. Вы погубили их урожай, и вам несдобровать.

Только тут ботаник впервые вернулся из мира грез на грешную землю. Он побледнел.

— Да, я вынужден признать, что ошибся. — На лице его блуждала тень улыбки. — И все же это было божественное зрелище, когда голландец гонялся за своей картошкой!

— Послушайте моего совета, уезжайте отсюда, пока не поздно, — резко сказал Дэн.

— Вы полагаете, что мои дела так плохи? Но не могу же я бросить эксперимент, не доведя его до конца! — воскликнул ботаник дрожащим голосом. — Да и как мне усхать? У меня машина сломалась.

— Если эксперимент вам дороже собственной шкуры, тогда я снимаю с себя всякую ответственность. Но я полагаю, что ваша эвакуация входит в круг моих официальных обязанностей. Если вы решите уехать сегодня ночью, я довезу вас до соседнего города на своей машине.

Джонс в задумчивости положил в карман золотой ключик. Казалось, он борется с самим собой.

— Где находится ваш излучатель? — спросил Дэн из любопытства.

— В соседней комнате.— Ученый больше не колебался.— Да, я попал в переделку. Но жалеть об этом поздно. Я принимаю ваше предложение. Если в моем распоряжении будет часа два, чтобы сложить мои записки и некоторые из личных вещей, я уеду.

— И вы прекратите все это?..

— Разумеется. Я обещаю вам. — Голос его звучал искренне. Дэн разбирался в людях и знал, что Джонс сдержит свое слово.

— Я вернусь ровно в десять. И советую вам больше никого не пускать в дом.

Окрыленный успехом, Дэн уехал. Он понял, что избавил сельское хозяйство графства Шоутак от грозившей ему опасности.

Странно было ехать по зачарованному лесу. Ночь была безлунной и безветренной. Недвижный воздух окутывал осенний мир прохладным сном. Природе не хватало лишь умиротворенности. Шуршали листья, и в черных кронах что-то шевелилось, со всех сторон доносилось непрерывное бормотание. Все растения будто ожили. Слышались голоса, принадлежащие неизвестно кому, непонятное шуршание. На Дэна нахлынули детские воспоминания о легендах про заколдованные леса, обиталища ведьм, про дриад на деревьях, гномов и карликов, которые живут в траве и под шляпками грибов. Может быть, когда-то, очень давно, излучение Димана было сильнее, мир был моложе и растениям были присущи движение и разум. А потом, с

веками, способности эти были утеряны, и о них остались лишь туманные воспоминания. Джонс только вернул природе ее древние чары. Пока Дэн ехал через лес, причудливые образы и таинственные силы держали его в своей власти. И когда голоса и плач безликих созданий остались позади, а впереди зажглись огни городка, он почувствовал облегчение.

Вернувшись в контору и плотно затворив дверь, Дэн положил ноги на стол и стал курить сигару за сигарой. Маленькая настольная лампа не могла рассеять полумрак в комнате. Вскоре воздух стал затхлым и голубым от сигарного дыма. Сквозь полуприкрытые шторы Дэн видел тени людей за окном: спорящих фермеров, беспокойных старух, испуганных и потерявших надежду, растерянные лица, сильных и слабых, отупевших и разгневанных, и на всех лицах была печать горя, вызванного бунтом природы. Столкнувшись с событиями, не виданными в их жизни, они не смогли справиться с ними и тем более их понять. Единственное, на что они были способны,— укрыться в толпе себе подобных. Наигранное веселье городка, выпивка могли заглушить беспокойство: казалось, что люди черпали храбрость из общения друг с другом. Это была ночь драк, перебранок и яростных споров, ночь громких песен.

Дэн сложил руки на коленях. Он не хотел встречаться с людьми до тех пор, пока не выполнит своей задачи. Сегодня ночью кончится странная жатва, и завтра он сможет доложить о состоянии уборочных работ. Дэн очень устал. И он задремал, потому что принадлежал к числу тех счастливых смертных, которые могут спать в любой обстановке.

Спал он недолго. В начале десятого ему послышался далекий гул, эхо которого протянулось мостом между сном и действительностью. Но, прислушавшись, он различил лишь топот бегущих людей. Улица за окном опустела.

С минуту Дэн глядел на улицу, потом в тревоге вскочил и отбросил стул с такой силой, что тот отлетел к стене. Он выбежал из комнаты.

Улица была почти пуста. Оживление, царившее на ней час назад, стихло. Лишь разбитые окна, болтающаяся калитка, осколки бутылок да пара перевернутых бочонков у дверей заведения Энди напоминали о шумевшей здесь толпе. Единственным живым существом на улице была сморщенная старушка, медленно бредущая мимо церкви.

— Куда все подевались? — крикнул ей Дэн.

Старая миссис Томпкинс подслеповатыми глазами взглянула на него.

— А? Они все пошли к дому Джонса.

— Что?!

— Господи, помилуй, зачем так кричать? Я не глухая. Они все пошли туда, и хорошо сделали. Питер все рассказывал и рассказывал. И уж не помню кто решил, что этот Джонс, наверно, может многое поведать о том, что творится. Я женщина верующая, но я так скажу: если этот Джонс виновник всех наших бед, я бы...

Поделиться своими мыслями с Дэном она не успела, потому что Дэн прыгнул в машину и помчался к ферме Джонса.

Он надеялся, что сможет обогнать разгневанных фермеров. Он еще не представлял, что скажет или сделает, но полагал, что они хотя бы выслушают его. Дэн разделял их чувства. Они были запуганы, растеряны и разорены. И как бы они ни наказали Джонса, это было бы справедливо. Но Дэн понимал и ученого, его страсть к открытиям в неведомых областях знания, его желание идти на эксперимент, к чему бы это ни вело, его основную цель — помочь человечеству и делать добро. Эксперимент вышел из-под контроля. Излучение Димана одарило растительное царство жизненной силой, поднявшейся против человека.

Глядя по сторонам, Дэн заметил некоторые изменения. Он отлично помнил, что должен проехать мимо виноград-

ника Хансена, но виноградник куда-то исчез; виднелась лишь изрытая земля. А от каштановой рощи Риттера остались только глубокие борозды.

Приближаясь к ферме Джонса, Дэн ощутил внезапное стеснение в груди. Толпа фермеров окружила дом.

Лучи карманных фонариков и свет факелов отбрасывали на лица колеблющиеся блики и тени. Толпа замерла. Вдруг, к удивлению Дэна, люди бросились бежать изо всех сил к своим машинам. И Дэн остался совсем один при свете луны.

Остановив машину, Дэн ощутил, что его бьет дрожь. Громадная черная масса, шевелящийся холм поглотил дом. Дэн вылез из машины и несколько секунд стоял неподвижно, словно парализованный. Лесные и садовые деревья, цветы и виноградные лозы, различные овощи, кусты, плоды и ягоды, представители всех видов растительного мира графства Шоутак собрались здесь и окружили дом Джонса. В воздухе висел гул голосов, зловещий, неразборчивый шум растений.

Потом он разобрал и другие звуки — звон разбитого стекла, треск дерева — и понял, что окна и даже стены дома поддаются напору растений. Внезапно раздался крик о помощи и Дэн с трудом узнал голос Джонса. Словно судорога прошла по стене из растений, окруживших дом. Все потонуло в оглушительном реве растений. Это нельзя было сравнить ни с чем на свете.

С непривычной для него резвостью Дэн бросился к багажнику машины. Он возил с собой различные образцы сельскохозяйственных приспособлений, демонстрация которых входила в его обязанности. В их число входили химикалии, яды, удобрения и всевозможные инструменты. Среди них был и портативный огнемёт, рассчитанный на то, чтобы с его помощью сжигать зараженные вредителями участки полей и погибшие деревья. Он схватил огнемёт и направил его на живую массу растений. Струя пламени уперлась в перепутанную листву, сучья и лозы. Затем по-

слышался печальный звук, как будто многочленное полуразумное безъязыкое существо молило о жизни.

Накопец в зеленой массе образовалось отверстие. Огонь начал лизать стену дома. Дэн выключил огнемёт, но не выпустил его, подбегая к дому.

Грузное тело Дэна не было приспособлено к таким резким движениям, но он высоко подпрыгнул, увидев, как темные ветви и лианы бьются в боковые окна гостиной, выбивая стекла. Он с такой силой ударил плечом о дверь в соседнюю комнату, что она слетела с петель. Дэн увидел движок, жужжащий на полу у двери, — на щетках его вспыхивали искры. Движок был соединен с прибором в центре комнаты, похожим на громадный металлический ящик. Стенки его поблескивали и пульсировали, источая мертвенное сияние, от серебряного до огненного. Под потолком, соединенный с ящиком толстыми кабелями, уходившими вглубь, к невидимому, спрятанному там механизму, висел шар, сиявший ослепительным светом, он источал потоки силы, распространявшейся во все стороны. Шар также издавал звук — странное, всепроникающее гудение на пределе слышимости.

Заднее окно комнаты было разбито, и поток растений уже подобрался к машине. Джонс лежал на полу, видимо лишившись сознания в тот момент, когда зеленая масса ворвалась в комнату. На секунду Дэн вновь включил огнемёт. Растения обратились в пыль, и внезапно сверкающий шар расплавился, превратившись в яркую вспышку пурпурного, красного и серебряного с синими искрами пламени.

Дэн выволок Джонса из горящего дома. Ночь была наполнена громким, протяжным и скорбным воем, который постепенно перешел в неразборчивое бормотание, неразборчивый шепот. Потом наступила тишина. Замерло движение, смолкли голоса.

Только язык пламени и клубы дыма поднимались над умирающим домом и мертвой массой растений.

На следующий день жатва вокруг Шоутак Центра проходила как обычно. С гибелью машины деревья, овощи и травы утратили свои новые способности.

Дэн часто раздумывал над тем, что же случилось той ночью. То ли растения, движимые зарождающимся разумом, собрались, чтобы убить своего создателя, то ли защитить его и машину? Но вряд ли ему удастся узнать об этом. Пока Дэн смотрел на горящий дом, Зеленый Джонс, видимо, пришел в себя и следы его затерялись в ночи.

Джон Д. Пирс
ИНВАРИАНТНЫЙ

Вам, разумеется, в основном известно все, что касается Хомера Грина. Значит, мне нет нужды рассказывать об этом. Я и сам многое знал, но тем не менее, когда мне довелось, одевшись по-старинному, попасть в этот необыкновенный дом и повстречаться с Грином, я испытал странное чувство.

Сам дом, пожалуй, не назовешь таким уж необыкновенным — не больше, чем его изображения. Зажатый между другими зданиями XX века, он, вероятно, хорошо сохранился и не выделяется на фоне окружающих его старинных домов. Но несмотря на предварительную психологическую подготовку, когда я вошел, ступил на ковер, увидел кресла, обитые ворсистой тканью, и принадлежности для курения, услышал (и увидел) примитивный радиоприемник (хотя мне было известно, что он воспроизводит старые записи) и, наконец, самое удивительное — смог взглянуть на разожженный в камине огонь, меня охватило ощущение нереальности.

Грин сидел на своем обычном месте, в кресле, у огня. У его ног лежала собака. Я не мог забыть, что он, судя по всему, — один из ценнейших людей на Земле. Но чувство нереальности происходящего, навеянное окружающей обстановкой, владело мною по-прежнему, и сам Грин тоже казался мне нереальным. Я почувствовал острую жалость к нему.

Ощущение нереальности не исчезло и потом, когда я представился. Сколько людей побывало здесь? Конечно, это можно было бы узнать заранее, из отчетов.

— Я Кэрю, из Института, — сказал я. — Мы с вами

никогда не встречались, но мне сказали, что вы будете рады меня видеть.

Грин встал и протянул мне руку. Я с готовностью пожал ее, хотя этот жест был для меня непривычен.

— Да, я рад вас видеть, — сказал Грин. — Я тут чуть-чуть вздремнул. Вся эта процедура вызывает что-то вроде легкого шока. Поэтому я и решил немного передохнуть. Надеюсь, что мой препарат будет действовать вечно. Садитесь, пожалуйста, — добавил он.

Мы расположились у камина. Собака, вставшая было при моем появлении, снова улеглась и прижалась к ногам хозяина.

— Вам, наверное, хотелось бы проверить мои реакции? — спросил Грин.

— Да нет, это не к спеху, можно и позже, — ответил я. — У вас здесь так уютно.

Отвлечь Грина было легче легкого. Он расслабился и стал смотреть в огонь.

Не буду подробно излагать содержание нашей краткой беседы. Она воспроизведена в моей диссертации «Некоторые аспекты двадцатого века» (см. приложение А) и была, как известно, весьма непродолжительной. Мне очень повезло, что я получил разрешение на встречу с Грином.

Как я уже упоминал, беседа, приведенная в приложении А, продолжалась недолго. Материалы, сохранившиеся от XX века, намного более насыщены, чем память Грина, содержание которой давно и подробно изучено. Как известно, рождению новых мыслей способствует не сухая информация, а личный контакт, безграничное разнообразие возникающих ассоциаций и человеческая теплота, которая оказывает стимулирующее воздействие.

Итак, я был у Грина и имел в своем распоряжении целое утро. Грин, как всем известно, ест три раза в день, а в перерывах между едой к нему допускается только один посетитель. Я испытывал к нему чувство благодарности и симпатии, но все же был несколько не в своей тарелке.

Мне хотелось поговорить с ним о том, что ближе всего его сердцу. Разве это не естественно? Я записал и эту часть нашей беседы, но не стал ее публиковать. В ней нет ничего нового. Возможно, она тривиальна, но для меня она значила очень много. Разумеется, это глубоко личное воспоминание. И все-таки мне кажется, что и для вас это будет небезынтересно.

— Что послужило толчком к вашему открытию? — спросил я его.

— Саламандры, — ответил он без тени сомнения, — саламандры.

Отчет о его опытах, связанных с полной регенерацией тканей, как известно, давно опубликован. Сколько тысяч раз Грин повторял свой рассказ? Но клянусь, в моей записи есть некоторые отклонения от опубликованного отчета. Все-таки число возможных комбинаций практически бесконечно! Но каким образом явление регенерации оторванных конечностей у саламандр навело его на мысль о полной регенерации частей человеческого тела? Почему бы, скажем, не добиться того, чтобы на месте зажившей раны появился не шрам, а точная копия первоначальной ткани? Как при нормальном метаболизме добиться регенерации тканей, причем без изменений, происходящих при старении организма? Как в точности восстановить первоначальную форму, и притом всегда и во всех случаях? Вам демонстрировали это на животных при прохождении обязательного курса биологии. Помните цыпленка, у которого с помощью метаболизма замещаются ткани, но они всегда остаются неизменными, инвариантными? Страшно представить, что то же самое может быть и у человека. Грин выглядел молодо, он казался моим ровесником. А ведь он родился в двадцатом веке...

Рассказав о своих опытах, включая и последнюю прививку, которую он сделал накануне вечером самому себе, Грин стал пророчествовать.

— Я уверен, — сказал он, — что действие препарата будет вечным.

— Да, доктор Грин, — заверил я его, — действительно, это так.

— Не к чему торопиться, — заметил он, — прошло слишком мало времени...

— А вам известно, какое сегодня число, доктор Грин? — спросил я.

— Одиннадцатое сентября тысяча девятьсот сорок третьего года, если вам угодно, — ответил он.

— Доктор Грин, сегодня четвертое августа две тысячи сто семидесятого года, — сказал я ему серьезно.

— Бросьте шутить, — сказал Грин, — если бы так было на самом деле, я был бы одет иначе, да и на вас была бы другая одежда.

Разговор зашел в тупик. Я вынул из кармана коммуникатор и начал демонстрировать прибор, показав напоследок объемное изображение со стереозвуком. Грин наблюдал за моими манипуляциями со все возрастающим удивлением и восторгом. Сложное устройство, но человек эпохи Грина мог ожидать от будущего такого развития электронной техники. Казалось, Грин забыл о разговоре, из-за которого мне пришлось достать коммуникатор.

— Доктор Грин, — повторил я, — сейчас две тысячи сто семидесятый год. Мы в двадцать втором веке.

Он растерянно оглядел меня, но уже без недоверия. На его лице отразился ужас.

— Несчастный случай? — спросил он. — У меня выпадение памяти?

— Никакого несчастного случая не было, — сказал я. — Ваша память в полном порядке, только... Выслушайте меня. Сосредоточьтесь.

И я рассказал ему обо всем коротко, в общих чертах, так чтобы он мог поспевать за моей мыслью. Он с тревогой смотрел на меня, по-видимому, его мозг работал напряженно. Вот что я ему сказал:

— Сверх всяких ожиданий, ваш эксперимент удался. Ваши ткани получили способность восстанавливаться полностью без всяких изменений. Они стали инвариантными.

Фотографии и точнейшие измерения показывают это с полной очевидностью, хотя прошло уже много лет, прошли века. Вы точно такой же, каким были двести лет назад.

За это время с вами происходили несчастные случаи. Но любые раны — и незначительные, и глубокие — заживают на вашем теле, не оставляя ни малейших следов. Ваши ткани инвариантны, и мозг ваш тоже инвариантен, точнее, инвариантны его клеточные структуры. Мозг можно сравнить с электрической сетью. Память — это сеть, катушки, конденсаторы, их соединения. Сознание — процесс мышления — не что иное, как распределение напряжений в этой сети и текущие в ней токи. Этот процесс сложен, но он носит временный характер. Выражаясь языком электротехники, это переходный процесс. Память же изменяет саму структуру мозговой сети, влияя на все последующие мысли, то есть на распределение токов и напряжений в сети. В вашем мозгу сеть никогда не изменяется. Она тоже инвариантна.

Иными словами, можно провести аналогию между мыслительными процессами и работой реле и переключательных устройств в вашем XX веке, сравнить память со схемой соединения отдельных элементов. В мозгу всех остальных людей схемы соединения элементов с течением времени изменяются, элементы соединяются и разъединяются, появляются новые соединения, соответствующие изменениям в памяти. В вашем же мозгу схема соединений никогда не меняется. Она инвариантна.

Другие люди могут приспособливаться к новому окружению, узнавать, где лежат необходимые вещи, изучать расположение комнат, адаптироваться к внешней среде, но вы этого не можете, потому что ваш мозг инвариантен. Вы связаны привычками с этим домом, он остался точно

таким же, как в тот день, когда вы испытали на себе свое средство. Ваш дом вот уже двести лет как держат в полном порядке, подновляют, чтобы вы могли в нем жить, не испытывая никаких неудобств. Вы здесь живете постоянно, с того самого дня, как ваш мозг стал инвариантным.

Не думайте, что вы ничем не отвечаете на заботу о вас. Вы, быть может, являетесь собой самую большую ценность в мире. Утром, днем и вечером — три раза в день — вас разрешают посещать тем немногим счастливым, которые заслужили эту честь или нуждаются в вашей помощи.

Я изучаю историю. Я пришел, чтобы увидеть двадцатый век глазами интеллигентного человека этого столетия. Вы необыкновенно умный, блестящий человек. Ваш разум изучен лучше, чем любой другой. Трудно найти человека, превосходящего вас по силе мысли. Мне бы хотелось, чтобы ваш могучий мозг, соединенный с огромной наблюдательностью, помог мне в исследовании XX века. Я пришел поучиться у вашего мозга — свежего источника, не заблокированного, не измененного прошедшими годами, оставшегося точно таким же, каким он был в тысяча девятьсот сорок третьем году.

Но речь не обо мне. К вам приходят выдающиеся исследователи-психологи. Они задают вам вопросы, затем повторяют их, слегка изменив, и внимательно наблюдают за вашими реакциями. При этом каждый последующий эксперимент не искажается вашими воспоминаниями о предыдущем. Когда цепь мыслей у вас прерывается, в вашей памяти не остается никакого следа. Ваш мозг по-прежнему инвариантен. Поэтому психологи, которые в других случаях могут делать только самые общие выводы из простых опытов на многих индивидуумах, сильно отличающихся друг от друга, неодинаково подготовленных и по-разному реагирующих на раздражители, в вашем случае наблюдают изменения реакций при малейших изменениях стимулов. Кое-кто из этих ученых доводил вас до шока,

но вы не в состоянии сойти с ума. Ваш мозг не может измениться. Он инвариантен.

Вы представляете такую ценность, что, кажется, без вашего инвариантного мозга человечество вообще не смогло бы прогрессировать. И все-таки мы больше никому не предложили произвести на себе такой эксперимент. На животных — пожалуйста. Взять хоть вапу собаку. Вы пошли на это сознательно, но ведь вы не представляли, каковы будут последствия. Вы оказали человечеству громадную услугу, не сознавая этого. Но мы уже не имеем права повторять такой опыт.

Голова Грина опустилась на грудь. Лицо его было озабоченным. Казалось, он искал утешения в тепле, идущем от камина. Собака, лежавшая у его ног, зашевелилась, и Грин взглянул на нее, неожиданно улыбнувшись. Я знал, что ход его мыслей был прерван. Переходные процессы затухали в мозгу. Наше свидание начисто исчезло из его памяти.

Я встал и тихонько вышел, не дожидаясь, пока он поднимет голову.

Леонард Ташнет
ПРАКТИЧНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

Я человек практичный, не то что мои сыновья, хотя они и умные ребята. А ума у них хватает, ничего не скажешь. Не родись они близнецами и достанься этот ум одному, а не двоим, так все ученые в мире, вместе взятые, этому одному и в подметки бы не годились. Ну, да и сейчас им жаловаться не приходится — оба отличные инженеры и на самом лучшем счету в своей фирме. Большая фирма, занимается электроникой и еще чем-то в том же роде. Называть я ее не буду, потому что ребятам это не понравится. Я их хорошо знаю. Да кому и знать, как не мне? Я ведь сам их вырастил, а это, позвольте вам сказать, было совсем не так легко: мать их умерла, когда им еще девяти не исполнилось, а я второй раз жениться не стал. Вот и приходилось и делами заниматься, и следить, чтобы в доме все шло как полагается и за ребятами настоящий присмотр был. Ну, да они всегда были хорошими мальчиками...

У Ларри есть свой конек — лазеры. Ну, это такой способ посылать свет. Как уж они устроены, я не знаю, потому что я-то в колледжах не обучался, не до того было. А Лео — фокусник-любитель, и, надо сказать, это у него ловко получается. Ну, и вместе они напридумывали много разных фокусов и номеров. Подвал у нас битком набит всяким оборудованием. Вот об этом-то я и хотел рассказать.

Ларри придумал аппарат для Лео, чтобы создавать оптические иллюзии. Ну, знаете: словно бы видишь что-то, чего на самом деле тут и вовсе нет. Как-то там зеркала приспособливают. А Ларри приспособил лазеры и начал делать вроде бы картинки, но только вовсе и не картинки,

а голограммы — вот как он их назвал. На негативе одна мешанина из точек и всяких завитушек, а если спроецировать на экран, то вид такой, словно этот предмет можно кругом обойти. Объемное изображение. Ну, объяснить это трудно, надо своими глазами видеть. Обычная картинка — она плоская и выглядит одинаково, с какого боку на нее ни посмотришь, а голограмма выглядит, как будто это не картинка, а настоящая вещь, и если зайти справа или слева, то видишь совсем не то, что спереди.

Так вот, значит, Ларри сделал нашему Лео аппарат для голограммных иллюзий. Он проецировал изображение не на экран, а прямо в воздух. При помощи зеркал. Они меня позвали и показали. Просто поверить невозможно! В воздухе плавает самая настоящая шкатулка, или ваза с фруктами, или букет — ну просто что хотите. Даже кучка мелкой монеты. И она-то и навела меня на мысль.

— Прямо как настоящие, — говорю я. — Жалко, что вы не можете их сохранить насовсем! Обрызгали бы плексигласом что ли, — ну, как цветы сохраняют.

Это я вспомнил про сувениры, которые продают в лавках для туристов — всякие штучки в прозрачных кубиках, вроде бы стеклянных.

Ребята так и покатались.

— Папа, — говорят они хором (они всегда говорят хором), — это же только иллюзия. Это же не реальные деньги. Их на самом деле тут нет.

— Реальные — не реальные... А что такое «реальные», позвольте вас спросить? Я их вижу, и вы их видите, — говорю я. — Мы могли бы хоть в суде под присягой показать, что видели горсть мелочи прямо в воздухе. Разве нет?

А потом в шутку я и говорю... Ну, не совсем в шутку, потому что забава — это забава, но раз уж подвернулась возможность заработать доллар-другой, так с какой стати ее упускать? Вот, значит, я и говорю:

— Вы, ребята, у меня такие умные, так почему бы вам не придумать способа, чтобы эта иллюзия не исчезла, да-

же когда вы свой лазер выключите? Хоть и мелочь, а все равно ведь деньги.

Ну, тут они принялись мне объяснять, что у световых волн нет никакой массы и еще всякие там премудрости, в которых сам черт ногу сломит. Но одно я все-таки понял:

— Раз световые волны, которые, по-вашему, неосязаемы, могут рисовать такие картинки, что кажется, будто тут что-то есть, так вам, чтобы оно и вправду тут было, достаточно будет это изображение чем-то обмазать. Скажем, другими какими-нибудь световыми волнами, чтобы изображение не пропало. А если его удастся обмазать, так, значит, оно и в самом деле будет тут, ведь верно?

Они опять засмеялись, но я увидел, что мои рассуждения не пропали даром...

— Папа, тебе бы философом быть, — говорит Лео. — Ты бы побил епископа Беркли его собственным оружием...

(Я потом нашел этого епископа в энциклопедии. Человек был с головой, ничего не скажешь. Так умел рассуждать, что не сразу и подкопаешься.)

Тут они принялись спорить между собой, что обмазывать надо будет волнами особой длины, и все такое прочее. Ну, я и ушел.

Недели через три ребята пригласили меня посмотреть, что у них получилось. К своему прежнему аппарату они добавили приставку, которая окружила голограмму (для модели они взяли десятицентовик) вроде бы туманом, как только она возникла. Потом они что-то включили, туман рассеялся, и — хотите верьте, хотите нет — изображение десятицентовика начало опускаться на пол. Правда, очень медленно, но все-таки оно опускалось.

— Видишь, папа, — говорит Лео, — у голограммы теперь есть вес.

— Очень интересно, — говорю я. А что еще я мог сказать? Тут вдруг изображение монеты исчезло, и на пол упала капля клея, какой прилагается к детским авиаконструкторам.

— Ну, а дальше что? — спрашиваю я. — Чего вы, собственно, добились?

— Одну проблему мы решили и сразу же столкнулись с другой, — говорят ребята хором. — Нам теперь нужно добиться, чтобы обмазка успевала затвердевать прежде, чем голограмма исчезнет. Если это нам удастся, то мы получим точный слепок оригинала.

Ну, я уже говорил, что я человек практичный. Я им посоветовал:

— А вы сделайте так: когда туман рассеется и изображение начнет падать, пусть оно упадет в жидкую пластмассу, которая затвердевает быстрее, чем за секунду. Вот будет фокус — взять в руку слепок оптической иллюзии.

Ну, тут они опять принялись втолковывать мне, что голограмма существует только в пучке света — то да се, — и вдруг оба замолчали и переглянулись. Я понял — они что-то придумали.

Потом время от времени я все пытался их расспросить, как у них идут дела с новым фокусом, но они отмалчивались. Прошло с полгода. Я совсем уж и думать забыл про эти голограммы, но тут они меня опять позвали посмотреть свой новый аппарат.

В углу подвала стояли два бочонка. Ребята дали мне мотоциклетные очки и велели их надеть. А я тем временем заглянул в бочонки и вижу, что они чуть не доверху полны десятицентовиками.

Новый аппарат был совсем не похож на прежний. Это была трубка из толстого, только совсем прозрачного стекла в форме буквы «X». Трубка была со всех сторон запаяна, и только там, где палочки «X» перекрещивались, снизу имелось отверстие. А на полу под трубкой лежал старый матрас, весь в черных дырочках, словно об него гасили окурки. Лео навел голограмму десятицентовика внутрь трубки и двигал ее до тех пор, пока она не оказалась в самой середке «X». А Ларри в другом углу включил еще какой-то аппарат, и в одном конце трубки появилось изо-

бражение тумана — длинная такая, узкая полоска. Ларри покрутил что-то, и полоска тумана начала медленно двигаться по трубке, пока не совпала с голограммой десятицентовика в середине.

— Давай! — скомандовал Лео.

Тут они оба что-то покрутили — и в центре «Х» будто мигнула лампа-вспышка. И тут же матрас на полу поехал вперед, потом назад и вбок. Я просто глазам не верил: из отверстия в трубке на матрас посыпались десятицентовики, укладываясь ровными рядками. Скоро весь матрас был покрыт монетами, и они перестали сыпаться.

Я только рот разинул. А ребята расхохотались, и Лео говорит:

— Ну-ка, попробуй возьми их в руки, папа!

Я принялся подбирать монеты. Ну, ни дать ни взять настоящие десятицентовики, только покрыты очень тонкой прозрачной твердой пленкой и совсем лёгкие — прямо ничего не весят.

— Ты подал нам хорошую мысль, папа, — говорит Ларри, — но мы кое-что добавили и от себя. Сгусток световых волн нельзя обмазать ничем материальным, но мы сообразили, что на голограмму десятицентовика можно наложить голограмму аэрозоли быстротвердеющей прозрачной пластмассы.

Тут он объяснил, что свет — это не просто волна, но еще и частица, а потому теоретически тут должно произойти образование пленки.

Он мне очень подробно это объяснил, но только я все равно ничего не понял.

— Теперь ты видишь, папа? Наложил один негатив на другой — и получишь позитив. Минус на минус дает плюс. Это верно не только с математической, но и с философской точки зрения. Отрицание отрицания, как сказал Гегель. Только новый позитив находится на более высоком витке диалектической спирали, чем оригинал...

И пошел, и пошел.

А я рассматривал десятицентовики. Если бы не пленка, они ничем не отличались бы от настоящих монет.

— И что же вы будете с ними делать? — спросил я.

Ребята переглянулись.

— А мы с ними ничего и не собирались делать, — отвечают они. — Просто было интересно с этим повозиться.

Наверное, они заметили, как я на них посмотрел, потому что вдруг хором сказали:

— Мы можем раздавать их зрителям после представления на память, папа, — и глядят на меня с улыбкой: дескать, видишь, какие мы практичные.

Ну вы сами видите, каких я практичных сыновей воспитал. Изобрели копирующий аппарат и думают использовать его для любительских фокусов! Я покачал головой.

— Нет, я придумал кое-что получше. Эти штуки ведь ничего не стоят, если не считать расходов на пластмассу и на электричество, а потому из них можно много чего приготовить. (Они сразу поняли, к чему я клоню: я ведь занимаюсь бижутерией.) Ну, скажем, индийские браслеты или цыганские серьги.

— Ничего не выйдет, папа, — говорят они, а Ларри добавляет: — Вот посмотри.

Он подобрал одну монетку и швырнул ее об стену. Словно бы вспыхнуло радужное пламя — и все. От монеты даже и следа не осталось.

— Видишь? — спрашивает Лео. — Стоит нарушить структуру — и ты опять получаешь световые волны, которые движутся со скоростью сто восемьдесят шесть тысяч миль в секунду.

Это он правду сказал. Я взял с верстака коловорот и попробовал просверлить в десятицентовике дырочку. Хоп! Ни монеты, ни даже пластмассовой оболочки. Ларри говорит:

— Вот видишь, папа, они годятся только на бесплатные сувениры. Забавная новинка, и ничего больше.

До чего же они оба у меня непрактичные!

— Так сделайте их тяжелее, раз уж вы научились их изготавливать. Подберите оболочку потверже. На такие штучки всегда есть спрос — иностранные монеты, цветочки там или даже мушка какая-нибудь красивая.

Ну, оказалось, они уже пробовали, только ничего не вышло. Монеты-то образовывались, но как только теплая пластмасса ударялась о матрас, они сразу исчезали. Ребята мне тут же это и показали.

Эх, получи я их образование, давно бы я был миллионером! Самых простых вещей сообразить не могут.

— Вот что, ребята! До того, как проецировать изображение, приклейте на негативе к монете крохотное ушко. И тогда в него можно будет пропустить нитку или проволочку.

Видю, им неприятно, что они сами до этого не додумались. Ну, мне и захотелось их подбодрить. Это не дело, если отец собственных сыновей обескураживает. Я и говорю:

— Вот что, ребята. Я где-нибудь добуду золотую монету в двадцать долларов и закажу ювелиру приделать к ней ушко, как я вам и говорил. Вы изготовите побольше копий, и я покажу их Тони (это мой художник), а уж он что-нибудь сообразит. Прибыль поделим пополам.

Так мы и сделали. Они мне наготовили полный бочонок золотых монет (их изображений в оболочке, само собой). Золотые эти совсем ничего не весили. Тони понаделал из них всяких ожерелий, поясков, серег, обручей на голову, и расходиться они начали, как горячие пирожки. Я поставлял их крупным магазинам в Нью-Йорке и Далласе и ювелирным лавочкам в Лос-Анджелесе. Они сразу вошли в моду. И выглядели совсем как настоящие. Да собственно, в некотором роде они и были настоящими. Только такие украшения из подлинного золота совсем оттянули бы руки или шею, а эти были легче перышка. Некоторое время спрос на них был очень большой, и мы порядочно заработали.

Да оно и понятно. Электричество обходится дешево, лазерный аппарат и трубка были уже изготовлены раньше, а двадцатидолларовая монета стоит в антикварном магазине всего семьдесят два доллара. Так что можете сами высчитать чистую прибыль. В общем, как я уже сказал, мы на них неплохо заработали.

Однако мода — это мода, и когда украшения из монет всем приелись и перестали расходиться, я попросил ребят изготовить мне кое-что еще.

Тут уж я пошел на расходы: купил восьмикаратовый бриллиант самой чистой воды и заказал для него съемную филигранную оправу (понимаете, такая оправка позволяла изготовить несколько моделей). Ну, с бочонком таких побрякушек можно было сделать настоящее дело. Из-за пленки камешки выглядели похуже оригинала, но все-таки сверкали неплохо, можете мне поверить. Я ограничился одним бочонком потому, что намеревался продавать такие украшения как редкость. У меня их было достаточно для десятков диадем, кулонов, подвесок и хватило еще для особого заказа — одна миллионерша, жена нефтяного магната, расшила ими свое платье к свадьбе дочки. Конечно, я не утверждал, что это бриллианты, как и не выдавал мои золотые монеты за золото, и торговал я ими как бижутерией, только особого сорта. Они стали специальностью моей фирмы и соперничали даже с австрийским горным хрусталем и стразами.

Я мог бы найти сотни способов, чтобы использовать затвердевшие голограммы, и сказал ребятам, что им пора бы запатентовать процесс, и поскорее. А пока больше ничего изготавливать не следует.

Они сразу согласились.

Хорошие ребята, только несерьезные. Видите ли, им все это уже успело надоесть. А что дело приносит деньги, их совсем не интересовало.

Тут как раз подошло рождество — время для нас самое горячее, — и я так захлопотался, что спросил ребят про

патент только после Нового года. Они поглядели друг на друга, потом на меня и хором вздохнули.

— Мы решили не брать патента, папа.

Ага! Благодарство выграло, подумал я. Опубликуют формулу в каком-нибудь научном журнале и подарят свое открытие человечеству. А какой-нибудь ловкач добавит пустьчок, да и возьмет патент на свое имя.

— Почему же вы так решили? — спрашиваю я терпеливо.

— Слишком опасно, — говорят они хором. А потом Лео начал объяснять про сохранение энергии, а Ларри — про атомную бомбу, и зачастили, зачастили, так что у меня голова кругом пошла от этих их «е равно эм це в квадрате» и «эффектов реверберации при наложении волн». Ну, я их перебил:

— Бог с ней, с наукой. Объясните-ка по-человечески.

— Проще объяснить нельзя, — сказал Лео, а Ларри добавил: — Мы лучше тебе покажем.

Накануне выпало много снега, и двор был весь в сугробах. Ларри спустился в подвал и принес оттуда мешочек с десятицентовиками, которые так там и лежали в бочонках. И еще он принес духовое ружье. Потом положил десятицентовик на сугроб, а на этот десятицентовик — еще один. А сам взял камешек и бросил его на монетки. Когда камешек о них ударился, они, как всегда, вспыхнули и исчезли.

— Ну и что? — спрашиваю я. — Мы же всегда знали, что они непрочные. И всех клиентов я об этом предупреждал.

— Посмотри получше, папа, — говорит Лео и показывает туда, где лежали монетки. Снег там подтаял, и образовалась ямка дюйма полтора в поперечнике и чуть меньше дюйма глубиной. Но я все равно не мог понять, к чему он клонит.

Ребята повели меня за дом, к большому сугробу, куда мы счищаем снег с крыши. Этот сугроб был чуть не в че-

ловеческий рост. Лео взял десять монеток и осторожно вдавил их колбаской в снег на высоте груди. Потом отвел нас шага на четыре к забору и выстрелил из духового ружья. Тут на секунду словно метель разбушевалась. А когда в воздухе прояснилось, я гляжу — от сугроба ничего не осталось, и пахнет словно после грозы.

Тут меня как осенило. Я схватил Лео за руку и закричал:

— Да это же замечательно! Кому нужны все эти побрякушки? Вы ведь можете за один час очистить от заносов целый город или шоссе!

Но ребята только головами покачали.

— Нет, папа. Ты сам человек мирный и нас такими же воспитал. Разве ты не понимаешь, к чему это может привести?

Тут Лео начал объяснять, и Ларри начал объяснять, а я только молчал и слушал.

— Ведь таким способом можно изготовить оружие уничтожения пострашней водородной бомбы. Чтобы убрать этот сугроб, хватило десяти монеток. А ты попробуй представить себе, что случится, если кто-нибудь сложит кучкой тридцать таких монеток и выстрелит в них из духового ружья? Или пятьдесят? Или сто? Одна разбитая монетка исчезает словно бы бесследно, просто возвращаясь в общее электромагнитное поле, и энергии при этом выделяется так мало, что невозможно измерить. Когда исчезли две монетки одновременно, выделилось тепло, которое растопило немного снега, как ты сам видел. Десять уже взорвались с выделением значительного количества тепла и ионизировали кислород в атмосфере. Ты ведь почувствовал запах газа, который при этом получился, — озона? Мы рассчитали, что будет происходить, если увеличивать число монет вплоть до сотни. А дальше мы просто побоялись считать. При добавлении каждого нового десятка, помимо взрыва и выделения тепла, возникают всякие явления вторичного порядка, и при этом все более сильные,

Мы вернулись в дом и с полчаса сидели молча. Я хорошо обдумал все это. Ребята были абсолютно правы: в мире и без нас хватает неприятностей. И я им сказал, что они правильно решили. Тут оба вскочили и давай меня целовать — это взрослые-то люди! И оба просто сияют.

— Папа, ты у нас молодец!

А потом как-то сразу сникли, словно им меня жалко стало, — что все мои мечты о богатстве пошли прахом.

— Не расстраивайтесь, ребята, — говорю я им. — У меня же есть вы. Так чего мне еще надо? Свою старость я хорошо обеспечил.

Тут я даже немного всплакнул — от радости.

Ну, о патенте, конечно, больше и речи не было. И аппарат ребята сразу разобрали. Про это изобретение мы больше не говорим. Но когда выпадает много снега, ребята мне улыбаются, а я улыбаюсь им в ответ. Потому что мне все соседи завидуют: дорожки во дворе у меня всегда расчищены, а никто из них ни разу не видел, чтобы я брался за лопату. Мы рассчитали, что после обычного снегопада двух монет мало, а десяти — многовато. А вот три будет в самый раз. Я кладу монетки через равные промежутки и наловчился стрелять из духового ружья почти без промаха. Какой толк от изобретения, если из него нельзя извлечь пользы, ведь верно? Я человек практичный.

Клод Шейнисс

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ЗАКОНАМИ

Двадцатый век породил вычислительную технику. Но он же породил и нелепые выдумки относительно электронно-счетных машин. Летописцы науки дают себе волю — «мыслящие машины», «электронный мозг», «сверхмозг»... Из того обстоятельства, что ЭВМ типа 14-40 может сыграть простенькую партию в шахматы, а типа 360-30 — по двум-трем строчкам установить, кто автор текста, досужий профан, ничтоже сумняшеся, делает поспешные выводы, приписывая приборам, немного более сложным, нежели маникюрные ножницы или пинцет, чисто человеческое качество — способность принимать решения по собственной воле.

И даже когда люди наделили машины свободой выбора между теми или иными способами решения заданной проблемы, от этого ничего не изменилось.

В следующем столетии беспрестанная миниатюризация приборов, снижение себестоимости электронной техники и к тому же необходимость исследований планет, проводимых в такой среде, где человек работать не может, подвели человека к осуществлению его извечной мечты о работе.

В тот высокотожественный день, когда появилась на свет первая партия электронных роботов — устройств-аналогов систем, обладающих свободой выбора, — им присвоили имя «Карел»* (в честь Карела Чапека, придумавшего слово «робот»). Но и у них свобода выбора была лишь от-

---

* *Karel* (имя чешского писателя-фантаста Чапека) по произношению совпадает со словом *Carrel* (*calculateur analogique à réactions élaborées libres*) — счетно-решающее устройство, наделенное свободой выбора. — *Прим. ред.*

носителем, они были свободны не более, чем любой инструмент, повинующийся воле человека.

Простейшее орудие — молоток — не снабжено каким-либо устройством, которое предотвращало бы удар по пальцам. Более совершенное орудие — бумагорезательная машина — останавливается, если рабочий не успевает убрать из-под нее руку. Что же касается сверхсовершенной машины — Карела (или, точнее, в какой-то мере человекоподобного механизма, чьим прообразом послужил Карел), то в ней было множество таких устройств, предназначенных лишь для одного — помешать человеку своей новой «игрушкой» стукнуть себя по пальцам.

Этот рассказ посвящается Айзеку Азимову, деятелю науки, который в 40-х годах XX века, намного опередив свое время, сформулировал и облек в форму законов наиболее существенные положения относительно такого рода страховки.

Но:

- 1) Невозможно предусмотреть все...
- 2) Кто хочет все делать слишком хорошо...

Для людей жизнь на Проционе-III была отнюдь не райской, хотя местные жители со своим фторо-кремниевым обменом чувствовали себя великолепно, купаясь в плавиковой кислоте. Но это уже другая история.

Проционцы, находящиеся примерно на уровне развития землян 20-х годов XX века, впрочем, оказались народом гостеприимным и приветливым. При помощи специально разработанного радиокода, позволявшего взаимное общение, они сообщили о своем согласии на то, чтоб земляне высадились и оборудовали на Проционе-III свою базу — герметизированную капсулу с кислородной атмосферой внутри, прочно прикрепленную к скале, чтобы противостоять фтористым ураганам.

Через толстые двойные иллюминаторы, сделанные из

прозрачного материала, устойчивого к разъедающему действию кислорода, а снаружи — к такому же действию фтора, с инертным газом посредине, между рамами, обитатели Проиона порой с доброжелательным любопытством созерцали чудищ, вдыхающих кислород и пьющих закись водорода. Подумать только, что эти чудища называют закись водорода водой! Но это опять-таки совсем другая история.

В тот день на базе, содрогавшейся, несмотря на все крепления, под бешеными порывами фтористого урагана, томились от скуки трое землян. Двое из этих чудищ принадлежали к числу пьющих закись водорода (частенько с добавлением некоего этилового соединения в виде водки — это относилось к экспедиционному биологу и психологу, русскому полковнику медицинской службы Борису Мужинскому — либо рома, когда дело касалось американца Питера Говарда, геолога, минералога и химика). Третьего — тоже землянина — звали Карел-178, и томился он больше всех. Ибо из-за обостренного, как и у других Карелов, чувства ответственности он считал, что все неприятности происходят из-за него. Пожалуй, здесь была доля правды, хотя сам Карел, конечно, был совершенно не виноват.

Накануне Питер пожаловался:

— Я плохо себя чувствую. Болит живот.

Борис жестом обвинителя ткнул в Карела пальцем и, раскатисто произнося «р», приказал по-французски — а он говорил с Питером именно на этом языке:

— Повтори-ка Первый закон роботов!

Отдаленно напоминавший человека футляр, которого называли Карелом, не мог менять выражение лица, зато голосовой регистр робота был очень богат. Удивленно, досадливо-жалостливым тоном, каким обращаются к надоедливому ребенку, отнюдь не изменившись в «лице», Карел ответил:

— Первый закон. Робот не может причинить вред че-

ловеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

Карел был славным малым, но чувство юмора в отличие от сегодняшних роботов у него было развито слабо.

— Вот видишь, ты нарушил Первый закон, — продолжал врач.

Прежде чем брякнуть «Как так?», Карел издал диковинное гудение.

Борис расхохотался:

— Очень просто! Ты в полдень накормил нас неудобоваримым американским кушаньем — сосисками с кетчупом. И вот пожалуйста — у Питера болит живот.

Питер улыбнулся, несмотря на недомогание (пока это было лишь легкое недомогание!). Ни тот, ни другой человек не был специалистом по роботам и не отдавал себе отчета в том, какой грозный смысл имеет сказанное. Ибо для робота нет ничего более важного, чем Первый закон. Не худо бы это знать любителям шуточек.

Человеку шутка может спасти жизнь. Но у Карела она может вывести из строя дорогостоящий мозг. Вот мы и подошли к нашей истории.

Побледнеть Карел не мог, он не был на это способен.

Он ответил бесцветным голосом:

— Вы полагаете, доктор, что Питеру повредил приготовленный мною обед?

Однако Борис был поглощен своим делом и не ответил. Уложив американца на кушетку, он пощупал его живот и, хмурясь, произнес:

— Как же так — не вырезать аппендикса перед полетом в космос! Весьма непредусмотрительно!

Двенадцать часов спустя стало совершенно ясно, что диагноз правилен и требуется операция, к тому же безотлагательная. И вот начинается разыгрываться драма. Завязка: Карелу одно за другим отдаются распоряжения.

Прежде всего — очистить длинный стол, за которым и обедают, и работают. Затем Борис, вертя в могучих руках ампулу растворителя для пентотала, приказывает:

— Сходи в кладовку, приставь себе новую пару рук и прокали их на огне.

Карел повинуется беспрекословно. Такие, как он, не оборудованы устройством для обсуждения приказов. Когда он возвращается в столовую, вытянув новые стерилизованные руки и стараясь ни к чему не прикоснуться, Питер лежит на чистой простыне, а Борис извлекает из ящичка стерильные инструменты. Американец, уже усыпленный, тихонько дышит через маску, подсоединенную к небольшому черному баллону. Стоя у стола, Борис отдает очередное распоряжение:

— Встань напротив меня!

Робота еще со вчерашнего дня преследует все та же мысль, и он, легко скользнув к указанному месту, задает свой вопрос:

— Так вы считаете, доктор, что обед, приготовленный мною...

Удаление аппендикса не бог весть какая хитрая операция. Борису не раз приходилось оперировать аппендикс. Но он был врачом широкого профиля, а не хирургом и поэтому немного волновался. Ему было не до переживаний робота. По счастью, он даже не ответил на вопрос. Натянув перчатки (как было бы удобно, если бы можно было приставить и себе другую пару рук, предварительно ее прокалив, подумал он), Борис уверенно взял скальпель и протянул Карелу зажим.

— Когда я сделаю разрез и из сосуда пойдет кровь, — пояснил он, — ты сразу подашь мне этот зажим, возьмешь позади себя кэтгут и по моему приказанию приготовишь узелок.

Борис наметил линию разреза.

И тут началась драма.

Отступив на шаг, Карел голосом, выдающим полней-

шее смятение (такой голос тоже предусмотрен в его колебательном контуре), заявил:

— Я не могу!

— Что?! — воскликнул Борис.

— Не могу. Я даже и вам не могу позволить! Первый закон! Робот не может причинить...

Ну, как его переубедишь? Оставалось одно: отведя душу в залпе непереводаемых русских выражений, разбудить Питера и искать решение.

Прошло еще двенадцать часов. В капсуле томятся трое землян — врач, больной, которому срочно необходима операция; но больше всех томится робот, который не может ассистировать, когда человеку разрезают живот, не может даже допустить, чтобы это было сделано.

— И зачем только вы мне сказали? — тужит он. — Я вышел бы на воздух — или, как его, на фтор, — а по возвращении просто оказался бы перед совершившимся фактом...

Питер лежит на кушетке. Временами он постанывает от боли и мучительно размышляет. Борис и Карел сидят за столом друг против друга и в двадцатый раз перебирают все возможные варианты, тут же отвергая их один за другим.

Допустить, что Карел выйдет? Невозможно. Теперь, когда он знает, в чем дело, его первейший долг, самая главная его обязанность — исполнить Первый закон, то есть остаться на месте и не допустить посягательства на целостность брюшной полости Питера.

Эвакуировать Питера? Но до ближайшей базы одиннадцать суток полета. Он не выживет.

Вывести Карела из строя? Немыслимо. Карел — единственный, кто может выходить во фтористую атмосферу и обеспечивать бесперебойную работу генераторов, размещенных под станцией. Если же генераторы перестанут работать, погибнут два человека.

В двадцатый раз Карел стонет:

— Зачем, зачем вы мне сказали?!

Борис предпринимает заведомо безнадежную попытку — отдать настолько категорический приказ, чтобы он взял верх над Первым законом. Борис кричит роботу:

— Встать! Приказываю — не мешай мне оперировать Питера!

Не действует. Если бы Карел мог, он бы пожал плечами. Первый закон сильнее. Питер раздражается длинной тирадой, призывая Карела спрятать свой Первый закон в карман. Нелогично, так как у Карела нет соответствующего отверстия и, кроме того, закон — не такая вещь, которую можно спрятать. Умирая от боли и страха, Питер обрывает его рассуждения:

— Брось свою дурацкую логику! Перестань, наконец, понимать все буквально! Ух, добаться бы мне до этого Азимова!

Робот возражает еще настойчивее, и голос его становится еще более жалобным. Удержаться от возражений он не может, так как его электрические цепи — это цепи логических умозаключений.

— Добиться до Азимова невозможно. Он умер двести двадцать семь лет назад.

Борис хватает табуретку, размахивается и собирается треснуть Карела. Но стальная рука перехватывает ее. Не столько из-за Третьего закона («Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму законам»), сколько из-за Первого: ведь если он допустит, чтобы его поломали, погибнут два человека.

— Но у тебя ведь есть, пропади он пропадом, твой Первый закон, — заявляет Питер. — Ну что ты можешь со мной сделать, чтобы «не допустить»? Шею мне, что ли, свернешь?

— Я заявлю самый решительный протест в устной форме, — благонаправно отвечает Карел.

Топтание на месте продолжается в прямом и в переносном смысле. Борис и робот топчутся вокруг стола, время от времени возвращаясь к какому-нибудь из отвергнутых вариантов и снова отвергая его.

Отчаяние охватывает его со все большей силой.

И в этот-то момент Карел не находит ничего лучшего, как нежнейшим голосом задать вопрос:

— Вы все еще полагаете, Борис, что он заболел из-за приготовленного мною недоброкачественного обеда? Да? Вы думаете, что дело в моей оплошности?

Борис раздражается градом проклятий.

Питер с постели обращается к роботу:

— Ну, а что ты скажешь насчет второй части Первого закона? Как это там «...или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред»?

Жалобным голосом Карел отвечает:

— Вторая часть действительно создает потенциал действия, но он уступает потенциалу первой части. Неоспоримо, однако, что в такой ситуации возникает конфликт, и его надо как можно скорее устранить. Необходима консультация робопсихолога и, может быть, даже частичная перенастройка.

Время идет.

— Конфликт, конфликт, конфликт, — задумчиво повторяет Карел. — Конфликт между законами. Это скверно, скверно, скверно, это скверно для меня.

Идет время. Робот подражает голосу маленькой девочки:

— Скверно, скверно, очень скверно. Пойду-ка я займусь генераторами. Я пробуду там не меньше двух часов. — И, протягивая «руку» Борису, добавляет: — А вы пока будьте умницами!

Разумеется, два часа спустя Питер был уже оперирован. И жизнь его спасена. Робот никак не прокомментировал

вал это событие, но с тех пор стал говорить девчачьим голосом: видимо, какие-то его логические цепи вышли из строя.

При смене дежурства на базе Карел получил приказание вместе с людьми вернуться в звездолет. Там его ожидали робопсихолог и программист.

Через некоторое время они встретились с Борисом и Питером в баре. За стаканом вина психолог сказал:

— Любопытная вещь: робот свихнулся гораздо быстрее, чем следовало бы ожидать. Если б все шло как положено, он бы сопротивлялся еще сутки, и больному от этого, конечно, не стало бы лучше. Не знай я вас обоих так хорошо, я бы поклялся, что из-за какого-то вашего промаха он начал сходить с ума еще до возникновения конфликта. К примеру, не случилось ли вам еще до начала всей этой истории упрекнуть его в том, что он нарушил Первый закон?..

Робин Скотт
КОРОТКОЕ ЗАМЫКАНИЕ

— Ну, парень, ты действительно мастак, — сказал Махас, очищая себе место среди обрезков хлеба, сыра и помидоров, кусков проволоки и различного электронного барахла, которое, словно море, бурлило и пенилось в подвальной мастерской, снимаемой им и Хейери Первым. Махас высоко ценил работу Хейери не только по чисто эстетическим соображениям: он, как коммерческий директор их фирмы, добывал средства пропитания на двоих случайной продажей опытных изделий, которые Хейери Первый создавал в ходе своих «фундаментальных исследований».

— Ну как? — спросил Хейери Первый, не отрывая взгляда от дымящегося паяльника.

— Потрясно!

Хейери Первый выбрал шестнадцатидюймовый кусок ярко-желтого провода двенадцатого калибра с поливиниловой изоляцией на шестьсот вольт и припаял его к коричневой клемме списанного зенитного прицеда перехватчика спутников со счетно-решающим устройством типа «Марк-IV». Немного выждав, пока серебристый блеск расплавленного припоя не потускнел и олово не затвердело, он подергал провод, свернул его спиралью и подтянул свободный конец к седьмой ножке на цоколе электронной лампы 117L7, болтающейся вверх тормашками на старом перевернутом «Моторолле». Провод пришелся как раз впору, и Хейери прихватил его паяльником.

— Ну, на выставке все рты разинут, — заметил Махас. — Я хочу сказать, что теперь у нас будет куча денег, Хейери.

Но Хейери Первый ничего не ответил. Его безразличие

не было наигранным. Он жил только своей работой и разделял радость Махаса при удачной продаже лишь тогда, когда испытывал недостаток в сырье.

— Вот моя работа, — заметил он, выстраивая в ряд двухсотмикрофарадные конденсаторы и подгибая выводные концы к ушкам клеммной гребенки «Дженерал телефон». — Я хочу сказать — вот мое дело. Каждый должен делать свое дело, не важно какое. Разинут рты — хорошо, не разинут — тоже неплохо, — произнес Хейери необычайно длинную для него речь.

Махас, гордившийся собственной практической сметкой, неодобрительно покачал головой, подчеркнуто выказывая свое презрение.

— Что с тобой говорить, балда ты этакий, — сказал он. — Занимайся своим делом, но ради бога оставь эту штуку как она есть. Такую я продам в один момент. Недели не пройдет, как она с выставки попадет прямо в апартаменты какого-нибудь богача. Эти шикарные парни — декораторы интерьеров — в лепешку расшибутся, чтоб ее заполучить, вот увидишь.

Хейери Первый равнодушно пожал плечами и углубился в работу. Он на скорую руку приварил два перевернутых трехдюймовых параболических рефлектора к круглому серому шасси какого-то опытного прибора военно-морской акустической лаборатории, который попал в утиль после того, как обошелся налогоплательщикам в полмиллиона долларов. Затем Хейери отступил назад, чтобы взглянуть на плоды своих трудов, и ударом молотка сбил один из рефлекторов. Вместе они производили чересчур сильное впечатление, торча, словно женские груди, и нарушали общую картину, что было явно ни к чему.

Весь агрегат возвышался почти на семь футов. Механический каркас состоял из серых, эмалированных, сделанных под муар стоек фирмы «Бад», которые едва виднелись сквозь толстый слой кабелей и проводов яркой окраски, деталей, выданных из тысяч различных устройств, кото-

рые покупались оптом у Джейка в магазине списанного военного оборудования на Сорок пятой улице.

Хейери Первый даже отдаленно не представлял, каково было первоначальное назначение используемого им радиоэлектронного барахла. Но стоило оно дешево, как раз в пределах той сметы, которую выделял ему Махас, после того как расплачивался с домовладельцем, бакалейщиком и мясником.

Хейери Первый всегда приходил в восторг от ярких красок, блеска медных и латунных деталей, атласной глади поливиниловых проводов и трубок из пластика, от плавных изгибов высокочастотных волноводов, причудливых, экзотических очертаний длинных тонких рубиновых стержней, оплавленных стеклом; от круглых, квадратных, шестигранных алюминиевых кожухов; маленьких цилиндров с нанесенными на них цветными полосками или точками; штепсельных разъемов с множеством штырей и гнезд — если он достаточно долго подбирал эти разъемы, они плотно входили друг в друга, образуя сложнейшие соединения. Среди барахла валялись стеклянные трубки с маленькими металлическими моделями сказочных стран, старинные латунные шкалы с красивой, отделанной под орех облицовкой, на которых было написано «Рио», «Париж», «Берлин», «КВ», «СВ» и «ДВ».

Были тут и предметы в форме блюда, которые, если их толкнуть, медленно поворачивались туда-сюда на карданных подвесах; и квадратные трубопроводы — отвернешь край, и они тут же начнут извергать квадратные струи воды; и какие-то черные приземистые тяжелые устройства, напоминавшие катки — они сами просились в руки; и линзы — в них виднелась призматическая черпота; и целые мили провода, оголенного, блестящего провода, провода изолированного — зеленого, черного, белого, красного, розового, пурпурного, желтого, коричневого, голубого; провода, окрашенного цветными полосами или в цветной горошек; провода двойного, тройного, многожильного, скручен-

ного так, словно на одном его конце земной шар стоял неподвижно, а на другом Вселенная повернулась раз десять.

И вся эта L-образная конструкция сверкала мириадами крошечных паек, фосфоресцирующих, словно светлячки в тропиках.

Когда Хейери Первый задумал создать эту конструкцию, он, полный благоговейного трепета, приступил к работе: принял ванну, стащил где-то чистую рубашку и две недели проработал на электронном заводе фирмы «Сильвания» в Лонг-Айленде. Там его научили работать с паяльником, действовать отверткой и гаечным ключом.

И он паял, закручивал болты, затягивал гайки. Любая деталь, которую можно было повернуть к другой, была повернута. Ко всем клеммам подходили провода, а так как последних было больше, чем первых, то места паек виднелись прямо на крепежных стойках, на волноводах, каркасах оптических устройств и рефлекторах.

Ни одного свободного конца не оставалось, каждый куда-то вел, кроме двух. Двух толстых черных кабелей.

Махас и Хейери Первый в восхищении отступили назад.

— Ну, скажу я, старина, вот это да! Сила!

Хейери Первый кивнул головой. Он тоже так считал, если бы не эти два кабеля.

— Тут вот два конца болтаются. Их не к чему присоединить. Никак не могу взять в толк, откуда...

Махас ущипнул себя за маленькую, клинышком, бородку и сказал:

— Почему бы тебе не вытащить их совсем?

Хейери затряс головой.

— Черт возьми, я не знаю, откуда они идут. А начнешь копать, так все дело испортишь.

— Брось-ка ты их тогда! Не лезь в это дело! Потом вспомнишь. Есть из-за чего ломать голову.

Но Хейери Первый никак не мог успокоиться. Он во всем любил завершенность, поэтому свободные, праздно болтающиеся концы не давали ему покоя.

— У меня от них прямо шарики за ролики заходят, — сказал он. — Ведь сегодня днем придут эти типы с выставки, чтобы забрать нашу дорогую мамуленьку.

Опасаясь, как бы Хейери Первый второпях не испортил свой шедевр, Махас сказал:

— Хейери, успокойся. Пусть забирают. Да мы в любой момент, хоть сегодня ночью, можем забраться на выставку.

Хейери Первый, пусть и неохотно, но согласился, и когда на грузовике с подъемным краном его творение, его детище увезли на выставку, он отправился вместе с Махасом выкурить трубочку.

Решение само пришло ему в голову, когда он расположился в их скудно меблированной квартире, как раз над мастерской.

— Ура! Вспомнил! — вскричал он.

Растянувшийся на своей кровати Махас, который вот уже полчаса рассматривал обложку старого номера журнала «Ридерс Дайджест», взглянул поверх страниц на Хейери.

— Я знал, что ты разгрызешь этот орешек. В чем там дело? Растолкуй-ка мне, старик.

Из-под заднего сидения самолета «Гудзон терраплайн» модели тысяча девятьсот тридцать восьмого года, которое вместе с кроватью составляло всю меблировку их жилища, Хейери Первый выудил потрепанный шнур единственной в комнате настольной лампы.

— Да проще простого, — заявил он.

Махас, чей запас слов на время иссяк, вопросительно глядел на Хейери.

— Видишь вот эти два провода, Махас? Скажи куда они идут?

— К лампе, старик. Чтобы туда попало электричество.

— Я говорю о другом конце шнура.

— А-а, усек. К штепселю... на стене.

Озарение, словно солнце, поднявшееся над полями Нью-Джерси, засияло на худом лице Махаса.

— Так вот оно что! — закричал он. — Твоему агрегату не хватает штепсельной вилки! Эти два кабеля...

— Ну как, разве не здорово? — спросил Хейери Первый.

У него было такое же выражение лица, какое, видимо, было у Архимеда или человека, поймавшего под проливным дождем такси в час ленча.

Торопливо одевшись, они тем же вечером отправились на Сорок пятую улицу. Магазин радиодеталей был еще открыт, и Джейк сам встретил их у входа.

— Как дела, Хейери? Что, нужно еще мешочка два барахла? Тут как раз прибыла куча хлама из «Дженерал дайнамикс» и чуть поменьше из ЦРУ.

— Нет, — ответил Хейери Первый. — Мне сейчас нужно только одно — штепсельная вилка.

— Штепсельная вилка?! Какого типа? Мы найдем любую...

— Нужна большая, силовая. Квадратная — зеленая или черная.

— А какой ток? Сколько ампер она должна выдержать?

— А кто ее знает, — пожал плечами Хейери Первый. Он никогда не задумывался над этим вопросом. — Неважно. Лишь бы она была квадратной — черной или зеленой. Джейк покопался в одной из бочек.

— Как вот эта? — спросил он, показывая массивную двухштыревую вилку. — Их используют на выставках. Это на сто ампер.

— Отлично, старик, — сказал Хейери Первый. — Я ее беру.

— А тебе есть куда вставлять вилку? — спросил Джейк, стремясь продать побольше.

— Да, подбери-ка мне к ней и штепсель.

— А как насчет подключения гнезд к сети? Кабель не нужен?

Хейери Первый нерешительно посмотрел на Махаса.

— О каких еще гнездах он толкует?

Джейк вздохнул и, тщательно подбирая слова, стал говорить:

— Гнездо — это то место, куда вставляется вилка. Тебе нужен хороший силовой кабель, чтобы подключить источник тока к гнезду штепсельной розетки; когда вставишь одну половину в другую, это будет равносильно подаче потока электричества к той чертовщине, к которой она присоединена.

— Хорошо, старик, я их беру.

Джейк продал Хейери Первому штепсельную вилку вместе с розеткой и больше ста футов двухжильного кабеля четвертого калибра.

Поторговавшись, Махас расплатился с Джейком, а затем они вместе с Хейери Первым влезли в автобус и поехали на опустевшую выставку.

Сломав изрядное число кустов и отдавив друг другу руки, они ухитрились открыть отверткой окно на первом этаже. Включить свет они побоялись и в темноте ощупью пробрались в выставочный зал, где стояло детище Хейери. При тусклом свете, падающем из окон домов на Сорок второй улице, Хейери Первый принялся за дело. Махас помогал ему — зажигал одну за другой спички, а их у него всегда было в избытке.

Хейери подсоединил концы двух болтающихся кабелей к зажимам штепсельной вилки. С гнездами розетки справиться оказалось трудней, но после множества проклятий он все-таки ухитрился подключить к ним один конец стофута кабеля, купленного у Джейка.

— А что будем делать с другим концом? — спросил Махас, зажигая сороковую спичку.

— Не знаю. Наверно, надо подсоединить его к какой-нибудь проводке.

Они внимательно осмотрели полутемный зал, но никакой проводки, кроме обычных штепсельных розеток в стене, не нашли.

— Может, в подвале? — предположил Махас.

— Что ж, пойдем, посмотрим.

Они выбрались в коридор и спустились по лестнице в подвал. В одном из темных углов они увидели высокую решетчатую ограду, за которой стояло несколько больших гудящих темно-серых ребристых аппаратов. На ограде висело объявление:

**НЕ ТРОГАТЬ!
ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ! 50 ТЫСЯЧ ВОЛЬТ!
СМЕРТЕЛЬНО!**

— Вольты — это электричество, так ведь, Хейери? — спросил Махас.

— Да, — ответил Хейери Первый. — На объявлении сказано, что трогать это запрещается.

— Теперь поздно отступать! — заявил Махас, человек необычайной храбрости. — Послушай, подсади меня, тогда я дотянусь до одной из тех белых штук, откуда выходят провода, а потом до другой — с обратной стороны.

Хейери, который был очень волосат и по комплекции своей напоминал гориллу, медленно кивнул головой; его нижняя губа самодовольно выпятилась вперед.

— Давай, старик.

Махас, взгромоздившись Хейери на плечи, перевесился через ограду и подключил вначале один, а потом второй провод кабеля. Он не привык работать руками да к тому же все еще находился под хмельком, поэтому потратил много времени и выслушал массу ворчливых советов Хейери, прежде чем концы кабеля оказались прочно присоединены к выходным клеммам трансформатора.

Поскольку купленный у Джейка двухжильный кабель оказался слишком коротким, чтобы его можно было протянуть вверх по лестнице и длинному коридору до выставочного зала, они протащили его сквозь подвальное окно и по стене добрались до окна, через которое они поначалу попали в здание. Кабеля хватило как раз на то, чтобы дотянуть вилку до розетки.

Было уже за полночь. Фонари на Сорок второй улице, тускло мерцавшие сквозь окна выставочного зала, освещали мудреное творение Хейери Первого желтовато-зеленым светом. Сам Хейери стоял, зажав в одной руке вилку, в другой розетку.

— Ну, давай, старик, действуй, — сказал Махас. — Я хочу посмотреть, как загорятся все эти желтые, зеленые, красные лампочки.

Но Хейери Первый колебался.

— Сейчас, Махас, мы стоим у порога неизвестности, а когда я включу нашу мамулю, то мы присоединимся к сети, охватывающей весь мир. Электричество — оно идет оттуда, где сжигают уголь, чтобы получать пар и вращать генератор на Кони-Эдисон. А уголь — он получается из старого окаменевшего ствола, который вырос благодаря солнцу, а солнце, солнце — это часть звезд, и вся эта энергия там, наверху, — рукой, сжимавшей штепсельную вилку, он показал куда-то на темный потолок. — Это часть разумного мира, и мы, вероятно, устроим короткое замыкание для всей Вселенной.

Махас был потрясен, но не сдавался.

— Давай, старик, втыкай! Я понимаю, ты, брат, прав, но страсть хочется посмотреть, как все эти лампочки будут гореть!

Хейери Первый глубоко вздохнул и вставил два латунных штыря штепсельной вилки в гнезда розетки.

Появилась толстая голубая искра. Из пятидесяतिकиловольтного трансформатора, стоявшего в подвале, электричество потекло через штепсельный разъем в агрегат Хейери Первого.

В электропроводных цепях возникли перегрузки, и цепи преобразовались в свою противоположность. Магнитные поля, резко насытившись, вызвали магнитный гистерезис. Частоты сдвинулись, подверглись детектированию, создавая биения на непонятных атональных гармониках. Электрооптические приборы загорелись и сфокусирова-

лись. Электромеханические устройства начали вращаться в разные стороны и переформировываться. Тарельчатые антенны повернулись и застыли в фиксированном положении. Во взаимодействие вступили поля. Что-то такое, что не было ни электрическим, ни магнитным, ни механическим или оптическим, хотя и обладало всеми их свойствами, вступило в самостоятельную жизнь и установило такую связь с миром, какой еще никогда на свете не было. Фонари на Сорок второй улице погасли. На Манхэттене также. Погас свет вдоль всего восточного побережья, вплоть до самого штата Пенсильвания. Дежурный инженер электростанции «Лассомпсон» в Канаде воскликнул:

— Тьфу, черт! Опять началось!

Хотя больше никакой электроэнергии из черного кабеля не поступало, агрегат Хейери Первого замкнулся со всей Вселенной и теперь черпал энергию из другого источника в ином времени и пространстве. Его красные, зеленые и янтарные контрольные лампочки полыхали, словно далекие грозовые зарницы. Его тарельчатые антенны и оптические устройства качались из стороны в сторону, шарили вокруг, фокусировались. Луч чего-то — не просто света, — испускаемый агрегатом, пульсировал, наполняя темный зал каким-то сиянием. Послышалось слабое завывание, словно плач об утраченных грезах и разбитых мечтах, донесся запах машинного масла, подул промозглый ветер. Луч постепенно разгорался, пока не стал нестерпимо ярким. Махас и Хейери Первый, шатаясь, отступили назад, прижались к стене возле окна и, когда жалобный вой поднялся до таких высоких нот, что перестал быть слышным, закрыли лицо руками. На мгновение наступила тишина, луч погас. Тотчас раздался звон маленького колокольчика.

Махас был человек храбрый, он первым опустил руки и огляделся по сторонам.

— Эге, — тихо сказал он. — Взгляни-ка на эту штуку! Хейери Первый выглянул из-под руки. Перед его агре-

гатом, который теперь как-то безжизненно покосился, стояло Нечто двенадцати футов ростом. Оно смутно напоминало человека и было каким-то угловатым, словно выполненная кубистами статуя. Сделано оно было из некоего блестящего, люминесцирующего металла, пластика и из чего-то еще. На его огромной квадратной груди виднелась освещенная панель, на которой, быстро сменяя друг друга, горели некие странные письмена, а из маленького зарешеченного отверстия в огромной, причудливой формы голове исходило непонятное ворчание.

Некоторое время Махас стоял, раскрыв рот от удивления, а затем обратился к Хейери Первому:

— Вот так чудо! Прямо настоящее чудо, Хейери!

Хейери застенчиво пожал плечами.

— Моя работа, — сказал он.

Параболический протуберанец качнулся в их сторону и проглотил сказанное.

На огромной груди чудища замелькали огненные письмена и, ярко вспыхнув, образовали знакомые словосочетания:

ЯЗЫКОВЫЙ ЦИКЛ ЯЗЫК ОПОЗНАТЬ УСТНАЯ ПРОВЕРКА

Из динамика вместо ворчания послышался мелодичный женский голос:

— Отбор образцов языка закончен. Язык опознал.

Способ общения: Модулированные изменения давления атмосферы. Язык классифицируется как древнеанглийский. Правильно, сэр?

Этот голос был чем-то средним между голосом стюардессы и телефонистки: бесстрастно-вежливый, избегающий всяких двусмысленностей — только буквальное значение слов.

— Это она нам говорит? — шепотом спросил Хейери Первый.

— Надо думать, нам, — ответил Махас.

— Что она сказала?

— Не знаю. Вроде что мы разговариваем на английском языке.

Хейери Первый недоуменно пожал плечами, сглотнул слюну и шагнул к чудищу.

— Эй, детка! — сказал он чуть громче. — Мы разговариваем скорее на американском.

На панели быстро-быстро замелькали буквы и по слогам воплотились в слова:

ЯЗЫК ОПОЗНАН

А затем:

ПОЖАЛУЙСТА, УСТАНОВИТЕ ЛИЧНОСТЬ

Грудной голос произнес:

— Будьте добры, назовите ваше имя и фамилию, а также галакс-номер, прежде чем сообщите свои желания.

Теперь наступила очередь Махаса недоуменно пожимать плечами.

— Давай, Хейери! Чего нам терять? Назови ей...

Хейери Первый, все еще пребывая в нерешительности, начал:

— Меня... хм... Меня зовут Бертран Лоуренс Фрамpton...

— Бертран... — воскликнул Махас. — Вот уж не знал... — и он прыснул.

— Эй, Махас, заткнись! — Хейери Первый был явно смущен и пребывал в нерешительности. — Слушай, скажи, что это, черт возьми, за галакс-номер?

— Кто знает. Сообщи ей свой номер социального обеспечения....

— Э-э... 339-24-3775...

Внутри чудища что-то щелкнуло, послышалось тихое жужжание. На груди вспыхнула надпись:

ПРОВЕРИТЬ ГАЛАКТИЧЕСКИЙ РАСЧЕТНЫЙ СЧЕТ

И вслед за тем бесстрастный голос сделал заключение:
— Сэр, у вас нет расчетного счета, так что вы имеете право только на обычную норму гражданина, равную трем желаниям. Можете просить любые товары или выполнения каких-то пожеланий по третьему классу или ниже. Дополнительные требования могут быть предъявлены только после открытия расчетного счета на сумму не менее тысячи галактических рабочих единиц.

На панели загорелись слова:

СООБЩИТЬ ЖЕЛАНИЕ 1

Хейери Первый замотал головой так, словно хотел уразуметь происходящее.

— Старик, — обратился он к Махасу, — я ничего не могу понять.

— М-да, — сказал Махас. — Надо будет поговорить с Эрни насчет того барахла, которое он нам всучил.

Вдруг он в возбуждении буквально пустился в пляс.

— Кретин! Так это же, как в кино! Как у Рекс Ингрема, Турхан-бея или, черт возьми, в корнелевском «Оскаре Уайльде»!

Хейери Первый продолжал вопросительно смотреть на Махаса. Он привык обращаться за разъяснениями к этому маленькому человечку.

— Что это значит, Махас? Ты тут что-нибудь кумекаешь?

— Верняк! Все очень просто, Как в кинофильме. Ты поймал золотую рыбку. Ну ту, которая исполняет три любых твоих желания.

— А-а...

— Ну давай, старик, скажи ей свое желание!

Все еще смущенный, Хейери Первый снова замотал головой. Но он уважал в Махасе умение схватывать на лету то, что находилось вне сферы деятельности Хейери, поэтому решительно повернулся к возвышающейся перед ним машине, чтобы сообщить свое первое желание.

Он уставился в зарешеченное отверстие и только раскрыл было рот, как замер в нерешительности. Закрыл рот, снова открыл, опять закрыл и обернулся к Махасу.

— Слушай, а чего просить-то?

— Жратвы, старик! Проси хлеба, старик!

Махас задыхался от возбуждения, досадуя на тугодумие своего напарника.

— Тоже мне, Бертран Лоуренс Фрамpton... — с презрением проговорил он вполголоса.

Хейери Первый повернулся назад к чудищу и кивнул головой в знак одобрения мудрого совета.

— Э-э, во-первых, хм... я хочу много хлеба, так чтобы...

— Хейери! — вдруг дико закричал Махас. — Ты болван! Скажи ему, что ты имел в виду не то. Не хлеб! Деньги! Деньги, вот что! Тьфу, получай, несчастный...

— Я оговорился! — закричал в свой черед Хейери Первый. — Детка, хлеб не нужен, забери его...

Но видимо, было уже поздно; вокруг них прямо из пустоты начали материализоваться буханки хлеба: круглые датские хлебцы, длинные темно-золотистые французские булочки, толстые ржаные немецкие батоны, приплюснутые квадратные американские кирпичи, низенькие английские чайные хлебцы, плоские грузинские лавашы, греческие лепешки, непонятные караваи со всех стран света, из всех эпох и времен. Все вокруг было завалено хлебом; воздух пропитался ароматом печеного хлеба и кислым запахом дрожжей; от мучных изделий, сыпавшихся дождем, стало темно. И под этим бесконечным хлебным ливнем на груди чудища загорелось слово «желание», сопровождаемое цифрой «2».

Стоя по колено в хлебе, Махас беззвучно рыдал, тряся головой от безутешного горя.

— Эх, старик, — причитал он. — Раз в жизни выпала удача. Такое простое дело — попросить что-то у золотой рыбки, и то не сумел.

— Извини, Махас. Прости меня, пожалуйста. Как, по-твоему, не попробовать ли мне еще раз?

— Стой, стой!

Махас вытянул вперед руки, словно хотел наглухо закрыть едва видимую щель между усами и бородой Хейери Первого.

— Не торопись, Хейери! Давай-ка лучше немного подумаем.

— Ну, что ж, давай подумаем, — послушно ответил Хейери Первый.

— На этот раз я буду осторожен и попрошу денег. Денег, и только денег.

— Нет, нет. Посмотри на хлеб! Деньги-то разные бывают. Получишь бумажки каких-нибудь конфедератов. Фи... Откуда знать, что тебе дадут?..

Махас замолк и погрузился в раздумье. Хейери Первый терпеливо ждал, восхищаясь красотой стоящего перед ним чудища, его техническим изяществом и совершенством конструкции.

Несколько минут спустя Махаса озарило и он вновь обратился к своему напарнику:

— Я придумал. Проси алмазы. Они стоят страшно дорого.

Хейери только повернулся, как вдруг Махас остановил его, подняв руку. На его лице было написано разочарование.

— Нет, не годится. Слишком трудно будет продать. Полиция не даст покоя.

Он опять задумался и поскреб лысину. Затем с хитрым выражением лица выхватил из кармана помятую пятидолларовую купюру.

— Вот, — сказал он. — Попроси у нее пару миллиончиков таких фитюлек, — и тут же добавил: — Только ради бога, умоляю тебя, не назови их какими-нибудь пяти-мятями.

Хейери Первый взял банкнот, согласно кивнул головой

и обратился к чудищу со словами, исключительно точно подобранными:

— Второе желание. Я... я хочу два миллиона вот таких пятидолларовых купюр.

Махас слушал с улыбкой удовлетворения.

Чудище помигало лампочками на груди, и откуда-то из области паха вылез узенький ящик.

Голос проговорил:

— Если вы хотите получить дубликаты чего-либо, пожалуйста, положите артефакт, который должен быть скопирован, на этот зайджипат.

Хейери приблизился к чудищу. Он был уже готов опустить купюру в ящик, как вдруг Махас опять закричал:

— Стой, Хейери! погоди! У них же у всех будет одинаковый серийный номер. Как на фальшивых!

Хейери Первый замер в испуге. Он чуть было снова не дал маху. В мгновение ока Махас одолел разделявшие их пятнадцать футов и сунул ему в руку кольцо держателя ключей, в которое был продет потертый серебряный доллар.

— Держи! Проси пару миллионов вот этих кругляков.

Хейери взял держатель, проглотил слюну, бросил пугливый взгляд на своего товарища и, закрыв глаза, уронил кольцо вместе с серебряным долларом, медным ключом и круглой пластинкой с нанесенным на ней номером лицензии (Небраска, 1948) прямо в зайджипат.

Что-то щелкнуло, словно затвор, и все вокруг посерело от дождем посыпавшегося металла. Хейери Первый прикрыл голову руками и спрятался среди батов.

По мере того как гряда металла у его ног поднималась все выше и выше, Махас, взвизгивая, словно одержимый, прыгал и плясал. Полетели куски хлеба, липкие и очень клейкие, а вокруг стоял грохот. Словно тысяча разменных автоматов извергала из себя монеты.

Шторм утих; Хейери Первый опустил руки и, открыв глаза, увидел светящуюся надпись на груди чудища:

СООБЩИТЕ ЖЕЛАНИЕ 3

Махас перестал набивать деньгами карманы, правда, в них и так уже больше ничего не вмещалось. Вдруг он застыл, пораженный некоей мыслью.

— Боже мой! — вскричал он, тяжело опускаясь у основания горы из смеси хлеба с металлом. — Боже мой!

— Что случилось? — спросил Хейери. В голосе его слышались страх и покорность судьбе. — Опять что-нибудь не так?

— Посмотри! Как мы все это унесем домой? Ведь тут больше двадцати тонн! Представляешь?

— Да ничего, возьмем грузовик, пару лопат и...

— Ты что, рехнулся?! Подъехать на грузовике к выставке в два часа ночи! Да сюда сбегутся полицейские со всего света!

Махас весь ушел в раздумье, а Хейери опять направил восхищенный взор на стоявшее перед ним чудище.

— Нет, — промолвил наконец Махас. — Остается только одно. Твое третье желание должно быть такое — доставить всю эту гору к нам домой...

Хейери Первый отвернулся от чудища. Затем отвернулся и от Махаса. Трудно было ему идти наперекор этому маленькому человечку. Очень трудно!

— Нет, — сказал он в конце концов.

— Что значит «нет»? Какой нам прок от этих денег, если они здесь? Придут утром работники выставки, хлопот не оберешься. Как мы объясним...

Но Хейери совсем расхрабрился.

— Нет! — повторил он.

— Ну давай, давай, действуй, дундук! У тебя осталось еще одно желание: смотри не промахнись! Нам надо куда-нибудь упрятать все эти денежки. Подумай, чего только на них не купишь! Тебе — новую мастерскую! Оборудование — какое захочешь!

— Нет, — твердо заявил Хейери Первый. — У меня ос-

талось последнее желание, и я должен выпросить то, чего мне действительно хочется.

— Что?! — Махас был несказанно удивлен. — Да если мы доставим домой эти денежки, ты сможешь купить все что пожелаешь.

Но, интересуясь только своим делом, Хейери Первый отмахнулся от напарника и решительно обратился к чуждцу:

— Эй, ты! — окликнул он его: — Я хочу задать вопрос.

На панели чудища загорелась надпись:

СПРАШИВАЙТЕ

Голос повторил:

— Чего вы хотите? Получить справку или узнать что-то по каталогу?

— Мне нужно немного подходящей рухляди, то есть я имею в виду ненужные, списанные детали и узлы различных устройств и электронного хлама. Хлама, из которого можно собрать что-то похожее на тебя или что-то в этом роде.

При этом намеке на возвышающуюся перед ним машину Хейери Первый сильно смутился.

Заполыхала надпись:

ПРОВЕРИТЬ ПО СПРАВОЧНИКУ

И после минутного молчания голос возвестил:

— Справочник сообщает, что склад бракованного, поломанного, списанного некомплектного электромеханического, гравитационного, псевдонейронного оборудования, малоценного или не имеющего коммерческого значения, находится в четвертом пространственном секторе, сорок восьмая временная зона.

— Отлично! — весело воскликнул Хейери Первый. — Дайте мне сколько-нибудь этого добра.

— Уточните, сколько именно?

Хейери Первый принялся припоминать размеры подвальной мастерской.

— Столько, чтобы хватило заполнить пространство площадью тридцать футов на сорок и высотой пять-шесть футов. И... — Хейери соображал мгновенно, так как он в этом деле собаку съел, — подбросьте немного того утиля, который у вас используется для соединения и подключения всех этих механизмов, друг к другу, и, кроме того, кое-какой ручной инструмент.

Надпись начала мигать и гаснуть.

— Подождите! — закричал Хейери.

Внезапно ему пришла в голову еще одна идея. Опять засияла надпись:

СООБЩИТЕ ЖЕЛАНИЕ 3

— Как насчет доставки товаров? Она бесплатная?

Голос сообщил:

— Доставка товаров, полученных по исполненным желаниям, бесплатна в пределах пространственных секторов с первого по третий и временных зон с сорок второй по шестьдесят пятую включительно.

— Великолепно! — вскричал Хейери Первый. — Адрес: дом 217, Западная Тридцать пятая улица, город Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, почтовый индекс 10011. Подвальный этаж. — Затем, уголком глаза взглянув на опечаленного Махаса, он торопливо добавил:

— Доставьте также на дом весь этот хлам, — и широким жестом обвел горы хлеба и металла.

На панели замигали непонятные иероглифы; из динамика повнеслось что-то невнятное. Поднялся слепящий смерч, в котором закружились батоны хлеба и серебра. Внезапно в открытое окно ворвался ураганный ветер: это воздух с улицы стремился заполнить образовавшийся вакуум. Махаса и Хейери швырнуло о пол. Вновь их ослепил удивительный луч. Ультразвук перешел в слышимый звук и загремел. Оглушенные и ослепшие, с нервами, на-

пряженными до предела, два человека пытались сохранить ясность мысли. Лишь тонкие нити удерживали их на грани обморока. А потом нити оборвались...

...Через некоторое время на выставке снова воцарились темнота и безмолвие. Сквозь окна с улицы не проникало ни единого луча света, на панели агрегата, созданного Хейери Первым, не горели красные, зеленые, янтарные контрольные лампочки. Лишь слабый грохот уличного движения на Сорок второй улице нарушал гробовую тишину.

Махас первым пришел в себя. Он встал, потянулся, зажег спичку и огляделся. Зал был пуст, если не считать детища Хейери и маленькой горки обгоревших спичек возле включенного штепсельного разъема. Он наклонился над Хейери и принялся его тормозить.

— Хейери, Хейери! Вставай! Да очнись же наконец!

Тот с трудом поднялся и сел. Зажав голову руками, он простонал:

— Что случилось?

Его компаньон затряс головой.

— Не знаю. Надо полагать, мы дали маху. Придется все-таки поговорить с Эрни насчет того, что он нам подсунул в тех мешках. Уф, ну и страшилище тут стояло!

Хейери, не соглашаясь, замотал головой.

— Нет, Махас, ты не прав. Машина была красивая. Я прямо обалдел. Но мне припоминается, что я говорил насчет своих желаний.

— Да, да и я тоже. — Тут Махас споткнулся о спаренный штепсельный разъем. — Дело не только в том, что мы обалдели. На всей Сорок второй улице нет света. Пока полицейские не установили, кто это сделал, нам надо отключить эту штуку.

Хейери Первый кивнул головой и полез за отверткой в карман.

— Надо вначале отключить это, прежде чем они починят свет на улице.

Он отправился в подвал. Махас потащился вслед за

ним. Совместными усилиями они отключили трансформатор, свернули черный кабель в небольшой моток и покинули выставку тем же путем, каким пришли.

Вдоль всей Сорок второй улицы возле смотровых колодезев копошились линейные монтеры, автомашины сердито урчали, огибая выставленные у открытых люков красные фонари. Усталые и измученные, два человека пешком прошли шестнадцать кварталов и добрались до мастерской. Перед дверью (которая несколько выперла наружу, хотя они этого не заметили) Махас остановился, пошарил по карманам и выругался с досады:

— Вот, черт возьми, Хейери! У тебя ключ с собой? Я, должно быть, где-то потерял свой...

Роальд Даль
ЗВУКОВАЯ МАШИНА

Однажды жарким летним вечером Клаузнер прошел через ворота, обогнул дом и очутился в саду. Добравшись до маленького деревянного сарайчика, он отпер дверь и закрыл ее за собой.

Стены внутри были некрашеные. Слева стоял длинный деревянный верстак, а на нем среди груды проводов и батарей, среди острых инструментов чернел ящик длиной фута в три, похожий на детский гробик.

Клаузнер подошел к ящику. Крышка у него была поднята; Клаузнер наклонился и начал копать в бесконечных цветных проводах и серебряных трубках. Он схватил лежавший рядом листок бумаги, долго рассматривал, положил обратно, заглянул в ящик и снова стал перебирать провода, осторожно подергивая их, чтобы проверить соединения, переводя взгляд с листка на ящик и обратно, проверяя каждый провод. За этим занятием он провел почти час.

Потом он взялся за переднюю стенку ящика, где было три шкалы, и начал настройку. Следя за механизмом внутри, в то же время он тихонько говорил сам с собой, кивал головой, иногда улыбаясь, между тем как его пальцы продолжали быстро и ловко двигаться.

— Да... да... Теперь вот это... — говорил он, скривив рот. — Так, так... Но так ли? Да, а где моя схема?.. Ах, вот... Конечно... да, да... Все правильно... А теперь... Хорошо... Да... Да, да, да...

Он весь ушел в работу, движения у него были быстрыми, чувствовалось, что он сознает важность своего дела и едва сдерживает возбуждение.

Вдруг он услышал, что по гравию кто-то идет, выпрямился и быстро повернулся. Дверь открылась, вошел человек. Это был Скотт. Всего лишь доктор Скотт.

— Ну и ну, — произнес доктор. — Так вот куда вы прячетесь по вечерам!

— Привет, Скотт, — сказал Клаузнер.

— Я проходил мимо и решил — зайду-ка узнаю, как вы себя чувствуете. В доме никого не было, и я прошел сюда. Как сегодня ваше горло?

— Все в порядке. Прекрасно.

— Ну, раз уж я здесь, я мог бы и сам взглянуть.

— Пожалуйста, не беспокойтесь. Я здоров. Совершенно здоров.

Доктор ощутил некоторую напряженность. Он взглянул на черный ящик на верстаке, потом на Клаузнера.

— Вы так и не сняли шляпу, — заметил он.

— Да неужели? — Клаузнер поднял руку, стянул шляпу и положил ее на верстак.

Доктор подошел поближе и наклонился, чтобы заглянуть в ящик.

— Что это? — спросил он. — Вы монтируете приемник?

— Нет, так кое-что мастерю.

— Что-то довольно сложное.

— Да.

Клаузнер, казалось, был возбужден и озабочен.

— Но что же это такое? — снова спросил доктор.

— Да есть тут одна идея.

— Но все же?

— Кое-что, воспроизводящее звук, и только.

— Бог с вами, дружище! Да каких только звуков за целый день работы вы не наслушаетесь?!

— Я люблю звуки.

— Похоже на то, — доктор направился было к двери, но обернулся и произнес: — Ну, не буду больше вам мешать. Рад слышать, что у вас все в порядке.

Но он продолжал стоять и глядеть на ящик, очень за-

интересованный тем, что мог придумать его чудак-пациент.

— А в самом деле, для чего эта машина? — спросил он. — Вы пробудили во мне любопытство.

Клаузнер посмотрел на ящик, потом на доктора. Наступило недолгое молчание. Доктор стоял у двери и, улыбаясь, ждал.

— Хорошо, я скажу, если уж вам так интересно.

Снова наступило молчание, и доктор понял, что Клаузнер не знает с чего начать. Он переминался с ноги на ногу, трогал себя за ухо, смотрел вниз и наконец медленно заговорил:

— Дело в том... принцип тут очень простой. Человеческое ухо... Вы ведь знаете, что оно не слышит всего; есть звуки, высокие или низкие, которые наше ухо не в состоянии уловить.

— Да, — произнес доктор. — Это так.

— Ну, вот, короче говоря, мы не можем услышать высокого звука с частотой свыше 15 тысяч колебаний в секунду. У собак слух гораздо тоньше, чем у нас. Вы знаете, наверно, что можно купить свисток, издающий такие высокие звуки, какие вы сами не услышите. А собака тотчас же услышит.

— Да, я когда-то видел такой свисток, — подтвердил доктор.

— Конечно, есть звуки и еще более высокие, выше, чем у этого свистка! На самом деле это вибрации, но я привык называть их звуками. Разумеется, вы тоже не можете их услышать. Есть и еще более высокие, еще и еще — бесконечная последовательность звуков... Миллион колебаний в секунду... и так далее, насколько хватит чисел. Это значит — бесконечность... вечность... за пределы звезд...

С каждой минутой Клаузнер все больше оживлялся. Он был тщедушным, нервным, его руки находились в непрерывном движении, большая голова склонялась к лево-

му плечу, словно у него не хватало сил держать ее прямо. Лицо его было безбородое, бледное, почти белое, он носил очки в железной оправе. Выцветшие серые глаза смотрели озадачивающе, отрешенно. Это был слабый, жалкий человек, блеклая человеческая моль. И вдруг она забила крылышками и ожила. Доктор, глядя в это странное бледное лицо, в выцветшие серые глаза, почувствовал в этом чудачке что-то неизмеримо чуждое, словно дух его витал где-то очень далеко от тела.

Доктор ждал. Клаузнер вздохнул и крепко стиснул руки.

— Мне кажется, — продолжал он теперь уже гораздо свободнее, — что вокруг нас существует целый мир звуков, которые мы не можем слышать. Возможно, там, в неуловимо высоких сферах, раздается музыка, полная изысканных гармонических созвучий и страшных, режущих ухо диссонансов. Музыка столь могучая, что свела бы нас с ума, если бы мы только могли ее услышать. А может быть, там нет ничего...

Доктор все еще стоял, держась за ручку двери.

— Вот как, — произнес он. — Так вы хотите это проверить?

— Не так давно, — продолжал Клаузнер, — я построил простой прибор, доказывающий, что существует множество не слышимых нами звуков. Частенько я наблюдал, как стрелка прибора отмечает в воздухе звуковые колебания, в то время как я сам не слышал ничего. Это именно те звуки, которые я мечтаю услышать. Хочу узнать, откуда они и кто или что их издает.

— Так эта машина на верстаке и позволит вам их услышать? — спросил доктор.

— Может быть. Кто знает? До сих пор мне это не удалось. Но я внес в нее кое-какие изменения. Сейчас их нужно опробовать. Эта машина, — он прикоснулся к ней, —

способна улавливать звуки, слишком высокие для человеческого уха, и преобразовывать их в слышимые нами.

Доктор взглянул на черный, продолговатый, грубообразный ящик.

— Значит, вы хотите перейти к эксперименту?

— Да.

— Ну, что ж, желаю удачи. — Он взглянул на часы. — Боже мой, я должен спешить! До свидания.

Дверь за доктором закрылась.

Какое-то время Клаузнер возился с проводкой внутри черного ящика. Потом он выпрямился и взволнованно прошептал:

— Еще одна попытка... Вынесем наружу... тогда, может быть... может быть... прием будет лучше.

Он открыл дверь, взял ящик, не без труда вынес его в сад и осторожно опустил на деревянный столик на лужайке. Потом принес из мастерской пару наушников, включил их и поднес к ушам. Движения его были быстрыми и точными. Он волновался, дышал шумно и торопливо, открыв рот. Порой он снова начинал заговаривать сам с собой, утешая и подбадривая себя, словно боялся и того, что машина не работает, и того, что она будет работать.

Он стоял в саду возле деревянного столика, бледный, маленький, худой, похожий на высохшего, старообразного ребенка в очках. Солнце село. Было тепло, безветренно и тихо. С того места, где Клаузнер стоял, он видел через низкую ограду соседний сад. Там ходила женщина, повесив через плечо корзинку для цветов. Какое-то время он машинально наблюдал за ней. Потом повернулся к ящику на столе и включил свой прибор. Лево́й рукой он взялся за контрольный переключатель, а право́й — за верньер, передвигавший стрелку на полукруглой шкале, вроде тех, какие бывают у радиоприемников. На шкале виднелись цифры — от пятнадцати тысяч до миллиона.

Он снова нагнулся над машиной, склонивши голову набок и внимательно прислушиваясь, а потом правой рукой

начал поворачивать верньер. Стрелка медленно двигалась по шкале. В наушниках время от времени слышалось слабое потрескивание — голос самой машины. И больше ничего.

Прислушавшись, он ощутил что-то странное. Будто его уши вытянулись, поднялись вверх и будто каждое соединено с головой тонким, жестким проводом, который все удлиняется, а уши уплывают все выше и выше, к некоей таинственной, запретной области ультразвуков, где они никогда еще не были и, по мнению человека, не имеют права быть.

Стрелка продолжала медленно ползти по шкале. Вдруг он услышал крик — страшный, пронзительный крик. Вздрогнул, уронил руки, оперся о край стола. Огляделся, словно ожидая увидеть существо, испустившее этот вопль. Но вокруг не было никого, кроме женщины в соседнем саду. Кричала, конечно, не она. Нагнувшись, она срезала чайные розы и клала их в корзинку.

Крик повторился снова — зловещий, нечеловеческий звук, резкий и короткий. В этом звуке был какой-то минорный, металлический оттенок, какого Клаузнер никогда не слышал.

Клаузнер снова огляделся, пытаясь понять, кто же кричит. Женщина в саду была единственным живым существом в поле его зрения.

Он увидел, как она нагибается, берет в пальцы стебель розы и отрезает его ножницами. И снова услышал короткий вопль.

Крик раздался как раз в то мгновение, когда женщина перерезала стебель.

Она выпрямилась, положила ножницы в корзинку и собралась уходить.

— Миссис Саундерс! — громко, в волнении закричал Клаузнер. — Миссис Саундерс!

Обернувшись, женщина увидела своего соседа, стоявшего на газоне, — странную фигуру с наушниками на го-

лове, размахивающую руками; он окликнул ее таким пронзительным голосом, что она даже встревожилась.

— Срежьте еще одну! Срежьте еще одну, скорее, прощайте вас!

Она стояла, словно окаменев, и всматривалась в него. Миссис Саундерс всегда считала, что ее сосед большой чудак. А сейчас ей казалось, что он и вовсе сошел с ума. Она уже стала прикидывать, не побежать ли ей домой, чтобы вызвать мужа. «Но нет, — подумала она, — уж доставлю ему такое удовольствие».

— Конечно, мистер Клаузнер, если вам так хочется.

Она взяла ножницы из корзинки, наклонилась и срезала розу.

Клаузнер снова услышал в наушниках этот необычный вопль. Он сорвал наушники и подбежал к ограде, разделявшей оба сада.

— Хорошо, — произнес он. — Достаточно. Но больше не нужно. Умоляю вас, больше не нужно!

Женщина замерла, держа в руке срезанную розу, и смотрела на него.

— Послушайте, миссис Саундерс, — продолжал он. — Я сейчас скажу вам такое, что вы и не поверите.

Он оперся на ограду и сквозь толстые стекла очков стал всматриваться в лицо соседки.

— Сегодня вечером вы нарезали целую корзинку роз. Острыми ножницами вы кромсали плоть живых существ, и каждая срезанная вами роза кричала самым необычным голосом. Знали ли вы об этом, миссис Саундерс?

— Нет, — ответила она. — Конечно, я ничего не знала.

— Так вот, это правда. — Он старался совладать со своим волнением. — Я слышал, как они кричали. Каждый раз, когда вы срезали розу, я слышал крик боли. Очень высокий звук — примерно 132 тысячи колебаний в секунду. Вы, конечно, не могли его услышать, но я — я слышал.

— Вы и вправду его слышали, мистер Клаузнер? — Она решила как можно быстрее ретироваться.

— Вы скажете, — продолжал он, — что у розового куста нет нервной системы, которая могла бы чувствовать, нет горла, которым можно было бы кричать. И вы будете правы. Их нет. Во всяком случае, таких, как у нас. Но откуда вы знаете, миссис Саундерс... — Он перегнулся через ограду и шепотом взволнованно заговорил: — Откуда вы знаете, что розовый куст, у которого вы срезаете веточку, не ощущает такой же боли, как вы, если бы вам отрезали руку садовыми ножницами? Откуда вы это знаете? Куст живой, разве не так?

— Да, мистер Клаузнер. Конечно, так. Доброй ночи.

Она быстро повернулась и побежала к дому. Клаузнер вернулся к столу, надел наушники и опять принялся слушать. Снова он слышал только неясное потрескивание и жужжание самой машины. Наклонился, двумя пальцами взял за стебелек белую маргаритку, росшую на газоне, и медленно тянул, пока стебелек не оторвался.

С того момента, как он начал тянуть, и пока стебелек не оторвался, он слышал — явственно слышал в наушниках — странный, тонкий, высокий звук, какой-то совсем неживой. Он взял еще одну маргаритку, и снова повторилось то же. Он снова услышал крик, но на этот раз не был уверен, что в нем выражается боль. Нет, это была не боль. Скорей удивление. Но так ли? Похоже, что в этом крике не ощущалось никаких эмоций, знакомых человеку. Это был попросту крик, бесстрастный и бездушный звук, не выражающий никаких чувств. Так было и с розами. Он ошибся, назвав этот звук криком боли. Куст, вероятно, не ощущал боли, а что-то другое, неизвестное нам, чему нет даже названия.

Он выпрямился и снял наушники. Сгущались сумерки, и только полоски света из окон прорезали темноту.

На следующий день Клаузнер вскочил с постели, чуть только рассвело. Он быстро оделся и кинулся прямо в мас-

терскую. Взял машину и вынес, прижимая к груди обеими руками. Идти с такой тяжестью было трудно. Он миновал дом, открыл калитку и, перейдя улицу, направился к парку.

Там он остановился и огляделся, потом продолжил путь. Дойдя до огромного бука, остановился и поставил ящик на землю, у самого ствола. Быстро вернулся домой, взял в сарае топор, принес в парк и тоже положил у ствола дерева.

Потом он снова огляделся, явно нервничая. Вокруг никого не было. Стрелка часов приближалась к шести.

Он надел наушники и включил прибор. С минуту прислушивался к уже знакомому тонкому жужжанию. Потом поднял топор, пошире расставил ноги и изо всех сил ударил по стволу дерева. Лезвие глубоко ушло в кору и застряло. В самый момент удара он услышал в наушниках необычайный звук. Этот звук был совершенно новый, не похожий ни на что, до сих пор слышанное. Глухой, гулкий, низкий звук. Не такой короткий и резкий, какой издавали розы, но протяжный, как рыдание, и длившийся не менее минуты; наибольшей силы он достиг в момент удара топором и постепенно затихал, пока вовсе не исчез.

Клаузнер в ужасе вглядывался туда, где топор глубоко ушел в толщу дерева. Потом осторожно взялся за топор, высвободил его и бросил наземь. Прикоснулся пальцами к глубокой ране на стволе и, стараясь сжать ее, шептал:

— Дерево... ах, дерево... прости... мне так жаль... но это заживет, обязательно заживет...

С минуту он стоял, опершись на ствол, потом повернулся, побежал через парк и исчез в своем доме. Подбежал к телефону, набрал номер и стал ждать. Он услышал гудок, потом щелчок — взяли трубку — и заспанный мужской голос:

— Алло, слушаю!

— Доктор Скотт?

— Да, это я.

— Доктор Скотт, вы должны сейчас же прийти ко мне.

— Кто это?

— Клаузнер. Помните, я вам вчера рассказывал о своих опытах и о том, что надеюсь...

— Да, да, конечно, но в чем дело? Вы заболели?

— Нет, я здоров, но...

— Полседьмого утра, — сказал доктор, — а вы мне звоните, хотя здоровы.

— Приходите, сэр. Приходите поскорее. Я хочу, чтобы кто-нибудь это услышал. Иначе я с ума сойду! Я просто не могу поверить, что...

Доктор уловил в его голосе почти истерическую нотку, совсем такую же, как в голосах тех, кто будил его криками: «Несчастный случай! Приходите немедленно!»

Он спросил:

— Так вам действительно нужно, чтобы я пришел?

— Да — и немедленно!

— Ну, хорошо, я приду.

Клаузнер стоял у телефона и ждал. Он старался вспомнить, как звучал крик дерева, но не мог. Вспомнил только, что звук наполнил его ужасом. Он пытался представить себе, как кричал бы человек, если бы он стоял вот так, неподвижно, а кто-нибудь намеренно вонзил бы ему в ногу острое лезвие, и оно заклинилось бы в ране. Это был бы такой же крик? Нет. Совсем иной. Вопль дерева был страшнее всех слышанных им когда-либо людских воплей — именно потому, что он был такой сильный и беззвучный.

Он начал размышлять о других живых созданиях. Тотчас же ему представилось поле спелой пшеницы, по которому идет косилка и режет стебли, по пятисот стеблей в секунду. Боже мой, какой это вопль! Пятьсот растений вскрикивают одновременно, а потом еще пятьсот, и так каждую секунду. Нет, подумал он, я ни за что не выйду со своей машиной в поле во время жатвы. Мне бы потом кусок хлеба не пошел в рот. А что с картофелем, с капустой, с морковью и луком? А яблоки? С яблоками другое дело,

когда они опадают, а не сорваны с веток. А с овощами — нет. Картофель, например. Он-то уж наверняка будет кричать...

Послышался скрип старой калитки. Клаузнер увидел на дорожке высокую фигуру доктора с черным саквояжем в руке.

— Ну? — спросил доктор. — В чем дело?

— Пойдемте со мной, сэр. Я хочу, чтобы вы услышали. Я вызвал вас потому, что вы — единственный, с кем я говорил об этом. Через улицу, в парк. Идемте.

Доктор взглянул на него. Теперь Клаузнер казался спокойнее. Никаких признаков безумия или истерии. Он был только взволнован и чем-то поглощен.

Они вошли в парк. Клаузнер подвел доктора к огромному буку, у подножия которого стоял черный продолговатый ящик, похожий на маленький гроб. Рядом лежал топор.

— Зачем вам все это?

— Сейчас увидите. Пожалуйста, наденьте наушники и слушайте. Слушайте внимательно, а потом расскажите мне подробно, что вы слышали. Я хочу удостовериться...

Доктор усмехнулся и надел наушники.

Клаузнер наклонился и включил прибор. Потом взмахнул топором, широко расставив ноги. Он приготовился к удару, но на мгновение замер: его остановила мысль о крике, который должно издать дерево.

— Чего вы ждете? — спросил доктор.

— Ничего, — ответил Клаузнер.

Он замахнулся и ударил по дереву. Ему почудилось, будто земля вздрогнула у него под ногами, — он мог бы поклясться в этом. словно корни дерева шевельнулись под землей, но было уже слишком поздно.

Лезвие топора глубоко вонзилось в дерево и засело в нем. И в тот же миг высоко над их головами раздался треск, зашелестели листья. Оба взглянули вверх, и доктор крикнул:

— Эй! Бегите скорее!

Сам он сорвал с головы наушники и кинулся прочь, но Клаузнер стоял как зачарованный, глядя на огромную ветвь, длиною не меньше шестидесяти футов, медленно клонящуюся все ниже и ниже; она с треском отщеплялась в самом толстом месте, там, где соединялась со стволом. В последний момент Клаузнеру удалось отскочить. Ветвь рухнула прямо на машину и смяла ее.

— Боже мой! — вскричал доктор, подбежав. — Как близко! Я думал, вас раздавит!

Клаузнер смотрел на дерево. Его большая голова склонилась набок, а на бледном лице запечатлелись напряжение и страх. Он медленно подошел к дереву и осторожно вытащил топор из ствола.

— Вы слышали? — едва внятно спросил он, оборачиваясь к доктору.

Доктор все еще не мог успокоиться.

— Что именно?

— Я про наушники. Вы слышали что-нибудь, когда я ударил топором?

Доктор почесал за ухом.

— Ну, — сказал он, — по правде говоря... — Он умолк, нахмурился, закусил губу. — Нет, я не уверен. Наушники держались на моей голове не больше секунды после удара.

— Да, да, но что вы слышали?

— Не знаю, — ответил доктор. — Я не знаю, что я слышал. Вероятно, звук ломающейся ветви.

Он говорил быстрым, раздраженным тоном.

— Какой это был звук? — Клаузнер подался вперед, впиваясь в него взглядом. — Скажите в точности, какой это был звук?

— Черт побери! — рассердился доктор. — Я и в самом деле не знаю. Я больше думал о том, чтобы убежать отсюда. И довольно об этом!

— Доктор Скотт, что именно вы слышали?

— Ну подумайте сами, откуда я могу это знать, когда

на меня падало полдерева и мне нужно было спастись?

Клаузнер стоял, не двигаясь, глядя на доктора, и добрых полминуты не произносил ни слова. Доктор шевельнулся, пожал плечами и собрался уходить.

— Знаете что, давайте лучше вернемся, — сказал он.

— Взгляните, — заговорил вдруг Клаузнер, и его бледное лицо внезапно залил румянец. — Взгляните, доктор. Зашейте это, пожалуйста. — Он указал на след топора. — Зашейте поскорее.

— Не говорите глупостей, — отрезал доктор.

— Сделайте то, что я говорю. Зашейте.

— Не говорите глупостей, — повторил доктор. — Я не могу зашить дерево. Ну, пошли.

— Так вы не можете зашить?

— Конечно.

— А у вас в чемодане есть йод?

— Да.

— Так смажьте рану йодом. Все-таки поможет.

— Послушайте, — сказал доктор, снова порываясь уйти, — не будьте смешным. Вернемся домой и...

— Смажьте рану йодом!

Доктор заколебался. Он увидел, что рука у Клаузнера сжалась на рукояти топора.

— Хорошо, — сказал он. — Я смажу рану йодом.

Он достал склянку с йодом и немного ваты. Подошел к дереву, откупорил склянку, налил на вату йод и тщательно смазал разрез. Краем глаза он следил за Клаузнером, который стоял с топором в руке, не шевелясь, и наблюдал за его действиями.

— А теперь другую рану, вот здесь, повыше.

Доктор повиновался.

— Ну, готово. Этого вполне достаточно.

Клаузнер подошел и внимательно осмотрел обе раны.

— Да, — произнес он. — Да, этого вполне достаточно. — Он отступил на шаг. — Завтра вы придете снова осмотреть их.

— Да, — сказал доктор. — Разумеется.

— И опять смажете йодом?

— Если будет необходимо, смажу.

— Благодарю вас, сэр

Клаузнер снова кивнул, выпустил из рук топор и вдруг улыбнулся.

Доктор подошел к нему, осторожно взял под руку и сказал:

— Идемте, нам пора.

И оба молча зашагали по парку, торопясь домой.

Альфонсо Альварес Вильяр
ТЕЛЕУПРАВЛЯЕМАЯ КОРРИДА

В роскошно обставленной приемной табачный дым стоял столбом. Дым был такой густой, что, казалось, его можно жевать, и тщедушного человечка в нем почти не было видно. Он приходил сюда ежедневно уже целую неделю. «Дон Хосе не может вас сегодня принять», — неизменно говорили ему секретарши сеньора Карраско, импрессарио знаменитого матадора Эль-Наранхито*. Они уже привыкли к «малышу», а он, сидя в приемной, видел, как перед ним с утра до вечера бесконечной вереницей проходят в кабинет дон Хосе пикадоры, киноактрисы, исполнительницы фламенко и просто искатели и искательницы приключений. Но этот тип, на визитной карточке которого рядом с именем стояло подозрительное звание «доктор физических наук», дон Хосе не интересовал: для него, мультимиллионера, любой ученый был чокнутым или бездельником. Наверно, думает выпросить тысяч десять на продолжение каких-нибудь исследований.

В этот день дон Хосе пришел к себе в контору в плохом настроении. Сказочный контракт для его подопечного, Эль-Наранхито, похоже ускользал из рук: латиноамериканские импрессарио осмелились сравнить знаменитого тореро с его заклятым врагом и соперником Эль-Лимонсито**! Пока ни о чем договориться не удалось, и контракт повис в воздухе. Рядом с такой неудачей любая другая неприятность казалась сущим пустяком, и поэтому дон Хосе решил принять доктора Гонсалеса.

---

* Апельсинчик (исп.). — Прим. перев.

** Лимончик (исп.). — Прим. перев.

Отхлебнув виски из стакана, который сеньор Карраско, возлежавший на шведском диване, соизволил ему предложить, доктор Гонсалес закашлялся. Этот экзотический напиток он пробовал впервые в жизни.

— Выкладывайте, что там у вас, да побыстрее — у меня много работы, — сумрачно процедил сквозь зубы сеньор Карраско, разглядывая висевшую на стене бычью голову с рогами, которая, казалось, жадно втягивала сухими ноздрями кондиционированный воздух.

— Видите ли, дон Хосе, я работал в университете электрофизиологом... — заговорил доктор Гонсалес, покраснев, как девушка, признающаяся в полицейском участке, что она занимается проституцией.

— А что это такое? — грубо перебил его импрессарио.

— Сейчас расскажу. Мы втыкаем проволоочки в мозг животным и пропускаем электрический ток...

— Друг любезный, вы ошиблись адресом. Мы втыкаем быкам шпаги и бандерильи, и не в мозг, а чаще в другие места.

— Пожалуйста, наберитесь терпения, дон Хосе. Я хотел вам сказать следующее: электрический ток может заставить любое животное делать только те движения, какие мы от него хотим. Главное — надо знать, куда вживлять эти самые проволоочки, которые мы называем электродами...

— К делу, к делу, в лекциях по электро... как ее?.. я не нуждаюсь! И вообще, при чем тут я?

— Сейчас поймете. Я изобрел (вот посмотрите схему) аппарат, который позволит нам буквально вить из быков веревки.

Когда сеньор Карраско это услышал, сигара длиной в километр, дымившая, как вулкан, выпала из его пальцев. Казалось, от хохота у него вот-вот лопнет брюхо. Управлять быком, вить из него веревки? Такое может лишь Эль-Наранхито, но только для Эль-Наранхито изобретения этого голодного профессора ни к чему. Он представил

себе, как этот мозгляк дразнит огромного быка батарейкой карманного фонарика.

— Еще минутку, дон Хосе. Все проще, чем вы думаете. Вам придется только подкупить кого-нибудь из служителей в стойлах, чтобы тот прикрепил к голове быка крохотный приемопередатчик ультракоротких волн. Это очень легко — у приемопередатчика есть присоски, он не принесет быку никакого вреда...

— А потом вы протянете километровый кабель, да? И будете управлять быком, как мои дети игрушечной машиной, которую я подарил им в сочельник? — с хохотом перебил его сеньор Карраско. Все это теперь ужасно забавляло его, и он уже не жалел, что принял доктора Гонсалеса — изобретателя четырех четвертей.

— Вы не даете мне объяснить, дон Хосе. Слышали о телеуправляемых ракетах? Так вот, здесь кабель тоже не нужен.

Теперь сеньор Карраско расхохотался еще громче: он представил себе быка, летящего со скоростью двадцать тысяч километров в час по направлению к Марсу.

— Посмотрите на этот аппарат, — и физик вытащил из футляра предмет, похожий на обыкновенный транзистор. — С его помощью я могу посылать сигналы приемопередатчику, укрепленному на голове у быка, а тот в свою очередь посылает ультракороткие волны нервным центрам. Я работал над этим изобретением больше десяти лет.

Каким же дураком надо быть, чтобы потратить десять лет на такую глупость, когда есть занятия, которые позволяют месяцев за шесть обзавестись великолепной квартирой и автомобилем новейшей марки! Но доктор Гонсалес невозмутимо продолжал:

— Короче говоря: если вы или ваш человек пришлепнете эти аппаратики на головы быкам, с которыми будет драться Эль-Лимонсито, я все устрою так, что Эль-Лимонсито провалится, и тогда ваш подопечный станет первым на Национальной Фиесте.

Дон Хосе утратил дар речи — последняя фраза попала в самую точку. На что бы он ни пошел, только бы ненавистный Лимонсито потерпел крах! Обратился бы даже за помощью к колдуньям — если бы те еще жили в Испании. Возможно, даже вероятней всего, что предложение этого жалкого маньяка — чистое надувательство, но в такой ситуации, как сейчас, схватись и за соломинку. Будучи, однако, деловым человеком, сеньор Карраско знал, что в любом деле, прежде чем решать, важно выяснить, сколько это будет стоить. Поэтому он спросил:

— А сколько вы хотите за это изобретение?

— Миллион песет, — ответил с неожиданной твердостью человек.

Черт возьми! Откуда этот книжный червь знает, что такие суммы вообще существуют? Дон Хосе опрокинул в глотку стакан виски и задумался. Но что толку думать о химерических затеях? Ведь это все равно, как если бы человеку предложили северное полушарие Луны.

— Хорошо. Но деньги вы получите, только когда станут известны результаты. Как раз в воскресенье в корриде выступает этот сукин сын Лимонсито и мой тореро. Приходите завтра, и мы все обсудим.

На другое утро, и на следующее, до самой субботы, доктора Гонсалеса принимали первым. Разношерстная публика, ожидавшая в приемной, пронизировала и обменивалась злыми шутками. Бульварные листки заговорили про «малыша-физика», прочили его в бандерильеро при Эль-Наранхито, а какой-то сотрудник телевидения попытался даже взять у доктора интервью.

И вот наконец наступило воскресенье. Вся Испания уже целый месяц только и говорила о предстоящей корриде. Люди шли на все, чтобы раздобыть билет, и после корриды немало перекупщиков приобрели на «заработанное» новые машины. К четырем часам на скамьях яблоку негде было упасть, и еще десять миллионов испанцев смотрели на арену, сидя перед экранами своих телевизоров.

По арене продефилировали кадрили, и опять, в не-
счетный раз, повторились традиционные ритуалы испан-
ской тавромахии. Ритм пасодобле зажигал в душах огонь.
Пропела труба, и на середину арены, словно брошенный
из пращи камень, вылетел громадный бык. Здесь он оста-
новился как вкопанный, Эль-Лимонсито стал прямо пе-
ред ним, но бык не двинулся с места. Он не двинулся бы,
даже если бы в него вонзали горящие бандерильи: его дви-
гательные центры парализовал четырехвольтовый ток. Ма-
тадор подступал к быку вплотную, осыпал его бранью
(к счастью, не услышанной микрофонами телевидения),
но все было напрасно.

Публика начала терять терпение, послышались свисти-
ки, но тут бык сорвался с места, и застигнутого врасплох
Эль-Лимонсито спас только отчаянный прыжок в сторо-
ну. В быка словно вселился дьявол: он бодал воздух то на-
право, то налево, но не обращал ровным счетом никако-
го внимания ни на матадора, ни на членов его кадрили,
когда те пытались продемонстрировать блестящую рабо-
ту плащом.

Верхом на лошади появился пикадор, этот броненосец
тавромахического флота. Бык доверчиво подошел к пика-
дору, словно подставляя себя под копы, но едва острие
вонзилось ему в крестец, как бык, подпрыгнув на невероят-
ную высоту, выбил из рук пикадора копы, и оно, пролетев
изрядное расстояние, пробило соломенную шляпу фото-
графа, намеревавшегося увековечить эту сцену. Пикадор
подобрал копы и снова ринулся в бой, но бык словно взбе-
сился: он поддел лошадь рогами, и пикадор всей тяжестью
своих ста двадцати килограммов плюхнулся на бычий за-
грявок. Каким-то чудом ему удалось ухватиться за рога, и
так он продержался несколько секунд, в то время как бык
скакал и брыкался, словно одержимый. Нормальное тече-
ние корриды было нарушено, однако правила есть прави-
ла, и кадрия Эль-Лимонсито перешла к третьему эта-
пу боя.

Первый бандерильеро вонзил в круп быка две пары бандериллий; третья пара упала на арену, потому что бык побежал, делая зигзаги; другого бандерильеро он догнал, свалил и покатил по арена как мяч. Зрители закатывались хохотом и не могли остановиться — такого не было еще ни на одной корриде; но настоящие любители возмущенно требовали, чтобы им вернули деньги за билеты. А невзрачный человек за камерами кинохроники лихорадочно вертел в это время переключатели чего-то похожего на транзистор.

Началась завершающая часть боя — злополучней всех, описанных доном Хосе Мария Коссио в его фундаментальном труде «История корриды». Острые шпаги все время соскальзывало с боков животного, и в какой-то миг она по самую рукоять врезалась в землю. Эль-Лимонсито застыл в странной позе, словно выполняя трудное гимнастическое упражнение. И тут произошло самое комическое событие этой незабываемой корриды: коварно взмахнув рогами, бык сдернул с Эль-Лимонсито одежду, и тот остался в одном нижнем белье, а потом, когда тореадор бросился бежать, бык сорвал с него и то малое, что на нем еще оставалось. Смеялись мужчины, иностранки хихикали, а скромные испанки прятали лица за веерами. Эль-Лимонсито бежал с арены, сопровождаемый градом подушечек для плетения кружев и нелестных замечаний по адресу его родословной. Для Эль-Лимонсито это был конец. Теперь он мог рассчитывать только на место клоуна в цирке, с ним уже никто не подписал бы контракта.

Настал черед Эль-Наранхито. Если бы внимание зрителей не было поглощено тем, что происходило на арене, они, возможно, заметили бы все того же человечка. Только на этот раз он не отрывал глаз от листка бумаги — на нем был записан план, разработанный до мельчайших подробностей сеньором Карраско, тореадором и, разумеется, им самим.

Если Эль-Лимонсито потерпел позорный провал, то работа его соперника, напротив, была великолепной. Бык шел туда, куда ему надлежало идти. Десять миллионов испанцев, затаив дыхание, смотрели, как он мирно обнюхал лицо Эль-Наранхито и стал перед ним на колени. Все бандерильи вонзились куда полагается, на взмахи плаща бык отвечал так, как от него ожидали, и наконец после одного-единственного виртуозного укола шпагой он упал как подкошенный. Никто не знал, что смертоносный электромагнитный импульс разрушил большую часть его подкорковых центров, а произвести вскрытие никому не пришло в голову.

Не стоит рассказывать, что произошло с остальными быками. Эль-Лимонсито был так деморализован, что доктору Гонсалесу почти не пришлось пускать в ход свой передатчик: из рук вон плохая работа окончательно погубила репутацию доселе знаменитого матадора. А Эль-Наранхито одержал блестящую победу над своими тремя быками и получил всего шесть ушей и три хвоста только потому, что у этих быков больше не было ни хвостов, ни ушей. Его осыпали дождем цветов и любовных записок, и, когда он уходил с арены, полиции пришлось спасать его от почитателей.

Тем временем странная личность с транзистором подошла к сеньору Карраско. Они обменялись несколькими фразами, а потом человек, сжимая в руке сложенный банковский чек, стал проталкиваться к выходу. Выбравшись наконец из толпы, он осторожно разогнул чек, взглянул на него — и его лицо вспыхнуло: в проставленной сумме было на два нуля меньше, чем они условливались! Лицо человека исказила зловещая гримаса.

Импрессарио в эту минуту уже пробивался наружу, в окружении поклонников, наперебой поздравлявших его с успехом Эль-Наранхито. Вдруг кто-то закричал: «Бык, бык вырвался!», и началась паника. Почувствовав, что толпа вот-вот подомнет его под себя, сеньор Карраско попы-

тался перепрыгнуть через загородку, но его сбили с ног. И как ни больно его топтали, он был в полном сознании в тот момент, когда ощутил на затылке обжигающее дыхание быка. Потом словно два ледяных стержня вошли в его спину — и больше он не чувствовал ничего, потому что бык пригвоздил его, как высушенную бабочку, к дощатой стене прохода.

Джон Рэкхем
ОБНОВИТЕЛЬ

Кому не известны все эти прописные истины — от любви до ненависти один шаг, смех и слезы живут рядом и так далее?

А ведь то же самое можно сказать и об удаче. Во всяком случае, по отношению ко мне. Я один из тех, кому вечно не везет, и это несмотря на такие возможности, которые любого другого поставили бы на одну доску с Наффилдом или Рокфеллером. Чем только я не занимался: пробовал свои силы в электронике, машиностроении, гипнотерапии, экспериментальной химии, был коммивояжером и даже один сезон разъезжал с цирковой труппой. И ради чего? Старался зашибить денюжат побольше, чем я потрачу на будущей неделе. И, представьте, мне это ни разу не удалось.

Фред прозвал меня циником. Но когда вы познакомитесь с моей жизнью, вы вряд ли меня осудите. Сейчас мы с Фредом компаньоны, занимаемся «внедрением», как говорят интеллектуалы. То есть я пытаюсь убедить людей, что у нас есть товар, который нужен им до зарезу. Посмотрите-ка наш номер по телеку — по-моему, это здорово. Все это выглядит, как мы расписываем. Но мне даже не верится, что так пойдет и дальше. Все это добром не кончится. Это у меня всегда так. Откровенно говоря, точит нездоровое любопытство — страшно хочется узнать, каким блюдом угостит меня рок на этот раз.

Вот за это Фред и зовет меня циником. Он-то совсем другой. Неисправимый оптимист, каким я был когда-то. Если б я дал себе волю, то проливал бы по этому поводу горькие слезы. Эх, не надо бы Фреду ввязываться в это

дело: он женат, счастлив в браке, ему бы какую-нибудь постоянную работу, без всяких неожиданностей. Впрочем, это для него не так уж важно: миссис Фред сама зарабатывает, и притом неплохо.

Кстати, и нашим теперешним процветанием мы обязаны блестящей идее, которая пришла в голову миссис Фред. Поэтому и о ней стоит сказать несколько слов. Она ведет раздел советов страдающим от несчастной любви в одном из крупнейших журналов для женщин и по-настоящему предана своему делу. Мимоходом я хотел бы опровергнуть старые басни насчет того, что подобные советы сочиняют пожилые джентльмены с бакенбардами, курящие трубки и насквозь пропахшие прокисшим элем. Вздор! По крайней мере, в данном случае. Миссис Фред — это вам не кто-нибудь!

Да, о ней одной стоит написать целую книгу. Может, я когда-нибудь и напишу, потому что я ею просто очарован. Только поймите меня правильно — все это совершенно невинно. Она высокая, брюнетка, грациозна, а главное, в ней бездна того, что у актеров называется шармом. Она прекрасна той красотой, которая постепенно берет вас в плен. При этом она наивна! И к тому же упряма! Никогда не встречал столь ребячливой и простодушной женщины. Ни капли лукавства, лживости; никогда ей и в голову не придет помыслить о ком-то дурно. Устоять против нее в споре просто невозможно. Один бог знает, как они с Фредом составили пару: он маленького роста, легкомысленный, болтливый, и в голове у него вечно роятся самые дикие мысли, которые когда-либо рождались на свет. Впрочем, такие пары возникают сплошь и рядом. Вот почему теперь я могу рассказать об одной встрече субботним вечером два месяца назад.

Мы сидели втроем в их гостиной, лениво поглядывая на экран телека, посмеиваясь над нелепой рекламой, и чувствовали себя какими-то опустошенными.

— Голова как пустая бочка,— простонал Фред, будто удивляясь, что такое возможно.— Неужели у меня когда-нибудь бывали мысли?

Мне пришлось признаться, что я нахожусь в таком же незавидном состоянии. Мы загрустили. Миссис Фред, которая сидела в сторонке и что-то вязала, вкладывая в это нехитрое занятие бездну грации, благосклонно улыбнулась нам.

— Просто вы разбрасываетесь своими идеями, — тихо сказала она. — Вот мой дед — признаться, чудаковатый был старик — записывал все свои мысли в книгу. Он говаривал, что, если потрудиться и облечь мысли в слова, они приобретают некую основательность. Считал, что таким путем они набирают вес. Чудные рассуждения, правда?

— А по-моему, в этом что-то есть, — возразил я. — Для большинства людей написанное слово убедительнее. Помните, сколько раз вы слышали: «Но это же черным по белому написано, я сам читал!» И, знаете, верят, что это совершенно меняет дело.

— Дед всегда утверждал, что он гений, — сказала она. — Он и правда был изобретатель. Фред, помнишь «искусственную радугу»? Теперь-то все знают про эту радугу, хотя мало кто понимает механизм ее действия. Тут каким-то образом использован стробоскопический эффект — это я знаю точно. Поверхность, покрытая такой краской, подвергается действию обычного электрического света и при частоте тока пятьдесят герц выглядит сероватой. Но увеличьте частоту тока, и вы получите любой цвет спектра, от инфракрасного до ультрафиолетового. Голливуд сделал на этом хороший бизнес. Такой краситель используют для задников и всяческих световых эффектов — вы можете это увидеть в любом лондонском театре.

— Так вот отчего ваша семья разбогатела! — воскликнул Фред. Теперь он был весь внимание. — А не изобрел ли твой дедушка еще чего-нибудь?

— Ну разумеется, — улыбнулась она. — Но он больше

ничего не продавал. Он говорил: если кому-то что-то действительно нужно, пусть сам и изобретет. Он только записывал свои мысли в книгу, о которой я вам рассказала. Бывало, придумает что-нибудь — запишет, смотришь — уже занялся другим. Чудесный был старик.

— А ты не знаешь, где сейчас эта книга? — как бы невзначай спросил Фред.

Она улыбнулась ему и поднялась с места.

— Я ее положила вместе со всяким старьем. Если хочешь, сейчас принесу.

И она грациозно выплыла из комнаты.

Фред не изменил позы, но я почувствовал, что он весь напрягся.

— Спокойнее, старик, — посоветовал я, протягивая ему сигарету. — Конечно, я готов отнестись к дедушке с должным почтением и все такое, но, сдается мне, он был немного того... Не обольщайся на этот счет...

— Но ведь искусственную радугу придумал он!

— Да, но это самая непонятная вещь на свете! Я пробовал разобраться в формуле — она просто бессмысленна.

— И все же она пошла в ход. Для меня этого вполне достаточно, мой дорогой. Я слышал странные рассказы про этого предка. На старости лет мозги у него совсем смягчились: занялся метафизикой, оккультными науками и прочим вздором. Но ведь то же самое произошло и с Ньютоном. И все же дедова радуга пошла в ход! А нам с тобой не приходится особенно привередничать...

Она вернулась с книгой. Это был здоровый толстенный том в кожаном переплете, и пахло от него прокисшим клеем и сыростью. Страницы были сплошь исписаны нелепым паучьим почерком — ничего подобного я в жизни не видел. Конечно, Фред кое в чем прав: мы не в таком положении, чтобы привередничать. Но, взглянув на эти иероглифы, я застонал. Усмотреть в этом смысл было не легче, чем в следах мухи, побывавшей в чернильнице. Я продолжал вглядываться и с третьего захода понял, что все это было

написано на разных языках. То тут, то там мне удавалось разобрать латинские, немецкие и французские слова и еще какие-то на совсем неведомых языках. Английские вкрапления, видимо, представляли собой советы по части самоусовершенствования: как возвыситься духом, как встретиться с мировой сверхдушой и тому подобное.

Очень скоро я по горло насытился этой духовной пищей. Я нашел в книге две-три формулы, но сложные математические объяснения к ним были написаны по-французски, а мой интерес к этому языку исчез с окончанием школы. Очень скоро я потерял терпение и снова уткнулся в телек, предоставив Фреду барахтаться в одиночестве. Он владел французским примерно так же, как и я, но продолжал упорствовать, щурясь на паучьи следы и что-то бормоча про себя. Через несколько минут он спросил:

— Вот... Как ты думаешь, что может значить *rajuster*? Это звучит, как *readjust* — исправлять, что-то в этом роде.

— А почему ты спрашиваешь?

— Потому, что, если я не ошибаюсь, здесь есть формула, связанная с этим. Взгляни-ка!

Если вы воображаете, что я приведу здесь сейчас самую формулу, то вы еще наивнее, чем была миссис Фред до этой истории. Скажу только, что, порядком попотев и поворожав мозгами, поспорив и полистав дешевый разговорник, который мне удалось купить для этой цели, мы состряпали что-то вроде перевода. Выходило, что Фред совершенно прав. Перед нами была, видимо, формула соединения, способного «исправлять»... Новое патентованное средство?.. Нечто универсальное?.. Называйте как угодно.

— Все ясно, Фред, это просто бредни!

— То же самое говорили и про радугу!

— Что верно, то верно! И, знаешь... такие штучки всегда идут у публики нарасхват. Формула вполне пристойна. Насколько я понимаю, в ее составе нет ядов, хотя некоторые ингредиенты довольно странные. Мы могли бы получить это соединение в какой-нибудь крупной лаборатории...

Поначалу все казалось совсем простым. Формула действительно имеет пристойный вид. Я хочу сказать, что в ней нет ничего несуразного, вроде вздоха безумца, левой задней лапы кривого кролика с кладбища — ничего в таком духе. Но теперь осторожность стала неотъемлемой частью моей натуры.

— А нет ли там формулы антидота, Фред?

Он только громко фыркнул, но я дал понять, что со мной этот номер не пройдет. Заставил его вчитаться. Мы оба вчитывались. Я не записываю все свои мысли, подобно деду миссис Фред, но это вовсе не значит, что у меня их нет. Мы потеряли уйму времени, пока не обнаружили, что это французское слово *contrepoison* как раз и значит «антидот»*. А мы-то думали, что «антидот» — французское слово... Удивляться тут нечему! Я сам знаю множество людей, которые уверены, что «меню» — тоже французское слово.

Так или иначе, мы перевели все, связанное с этой второй формулой, и убедились, что она выглядит тоже вполне пристойно. Поэтому я переписал обе в свою записную книжку. Эти формулы сопровождали устрашающие математические выкладки, но по части цифр я не мастак, а потому опустил их. Математическим гением в нашей группе был Фред. Покажите ему издали задачу с цифрами — и он побежит за ней, забыв надеть шляпу. Но на этот раз он все предоставил мне. Вот и пришлось попотеть.

На это ушла целая неделя. Надо было придумать, как самому изготовить смесь в количестве, достаточном для испытания. Не хотелось впутывать в это дело какого-нибудь химика, который будет во все совать свой длинный нос. Я уже бывал в таких переделках. Мне все известно заранее.

Я разбил формулу на части и каждую изготовил отдель-

---

* Оба слова — *contrepoison* (фр.) и антидот (лат.) означают противоядие. — Прим. перев.

но. Это давало известную гарантию: ничего не случится, пока все вместе не будет растворено в воде.

В конце концов в моем распоряжении оказались три бутылки вместимостью в двенадцать унций каждая, снабженные этикетками «А», «В» и «С» и наполненные серовато-зеленым порошком. По моим расчетам, достаточно было смешать их содержимое в определенных соотношениях, и вы получали то, что нужно. Все это время Фред надоедал мне телефонными звонками, излагал заумные планы, как мы это будем рекламировать. Его совершенно не заботило, будет ли смесь действовать как надо. Даже миссис Фиггинс — моя квартирная хозяйка, очень терпеливая женщина, начала проявлять признаки недовольства, поскольку каждые полчаса ей приходилось звать меня вниз к телефону.

Но я был осторожен. Хотелось прежде всего убедиться в том, что все три вещества смешиваются. Для начала хоть в этом. Затем, если все пойдет как надо, я намеревался осуществить эксперимент и использовать для этой цели хозяйского кота — толстую и ленивую тварь, которая почти все свое время проводила, разлегшись на единственной ступеньке, куда не падал свет. Я всякий раз рисковал сломать себе шею, когда, поднимаясь или спускаясь по лестнице, пытался перешагнуть через кота. Так вот, Тибби — а это прозаическое имя принадлежало именно ему — предстояло, возможно, стать мучеником науки.

Наконец я поставил в раковину умывальника пустую банку из-под джема. Насыпал туда порошка из трех бутылок, перемешал стеклянной палочкой и тоненькой струйкой пустил воду. Помешивая содержимое, я наблюдал за ним. Сначала жидкость сделалась темно-красной, затем, по мере добавления воды, стала розовой. Ничего особенного не происходило. И вдруг очень тихо, без всяких там бурлений, раствор стал кристально прозрачным, булькнул... и ушел в сточное отверстие. А я машинально продолжал помешивать стеклянной палочкой... помешивать *ничто!* По-

тому что от банки из-под джема не осталось никаких следов. Битых пять минут я как дурак стоял неподвижно, вместо того чтобы поскорее убраться подальше — ведь я был уверен, что вот-вот раздастся взрыв и трубу разорвет. Но ничего не произошло. Я постарался привести в порядок свои мысли. Прежде всего я предположил, что смесь растворила банку из-под джема! По одному этому можете судить, как я был потрясен. Потом до меня дошло, что я все еще держу стеклянную палочку и она целехонька. Значит, моя догадка неверна. Но что же тогда случилось, черт побери?!

Я додумался только до одного — повторить опыт, на этот раз взяв более слабый раствор. Порошка поменьше, а банку побольше. На моих дешевеньких весах я мог отвесить только вдвое меньше порошка — точнее не получалось. А вот банки вдвое больше у меня не было. Пришлось обратиться к миссис Фиггинс. Она принесла мне огромный сосуд, о назначении которого я не осмелился и помыслить. Он был украшен цветами, купидонами и полустертой надписью «Сувенир из Блекпула». Я был вынужден предупредить хозяйку, что сосуд может оказаться поврежденным или вовсе разбитым, но она только фыркнула в ответ.

— Голубчик вы мой, — сказала она, — да в августе будет ровно тридцать лет, как он у меня. Уж признаюсь, сколько раз я старалась будто ненароком разбить его, проклятушего. Просто так его кокнуть мне совесть не позволяет, очень уж он нравился моему Альберту, тот только им и пользовался. А я и видеть не могу это уродство, ну просто не могу. Сколько ни пробовала ронять, от него только осколки отламывались, и больше ничего. Так что не беспокойтесь, дорогой! Век бы мне его не видеть!..

И вот, взяв половинную порцию порошка, я налил в сосуд воды и, чувствуя себя очень глупо, принялся помешивать раствор на расстоянии вытянутой руки. Ничего не произошло. Битых полчаса я мешал розовую жидкость, запахом напоминавшую сосновую эссенцию, применяемую

для дезинфекции. Все это время я размышлял, не ослабли моя деловая хватка. Наконец я потерял терпение, вылил жидкость, вымыл горшок и в полном недоумении понес его обратно к миссис Фиггинс.

Она первая заметила это.

— Ух ты! — воскликнула хозяйка, держа сосуд на весу и разглядывая его со всех сторон. — Разрази меня гром, если он не стал опять совсем как новенький.

Тут и я заметил, что позолота снова заблестела, все краски стали свежими и яркими, трещин и царапин в глазури как не бывало. Горшок и в самом деле выглядел совсем как новенький. Миссис Фиггинс вперила в меня пристальный взор, глаза ее расширились и округлились.

— Небольшое изобретение, над которым я сейчас работаю, — поспешно пробормотал я. — Еще не все отлажено... Пока это секрет... Пожалуйста, миссис Фиггинс, никому ни слова.

И, пошатываясь словно лунатик, я стал подниматься по лестнице, гадая, чего же мы добились на этот раз. Все исправляющее средство?.. Так, да не так... «Исправитель» — он все исправлял с лихвой. А мы-то думали, что нашли панацею от всех болезней! И почему только этот старый болван не мог писать на обыкновенном английском? Но — вернул я себя с небес на землю — что все-таки произошло с банкой из-под джема?

Сложная проблема! И решить ее предстояло мне одному. Но тут я сообразил, что это не совсем так. У меня есть компаньон! Почему же только мне расхлебывать эту кашу? Я и так уж слишком многое делал сам!

После этого я приготовил с полдюжины порций сухого порошка, который высыпал в шесть стеклянных трубочек, в каких продают таблетки от головной боли. У меня всегда в запасе куча таких трубочек. Затем отправился к Фреду.

Они живут в пригороде, в симпатичном старинном доме с отдельным участком. Кажется, дом достался жене Фреда в наследство. Я шел по садовой дорожке и в тысячный раз

думал о том, какой же Фред обалдуй, если он согласился стать моим компаньоном. И как всегда, отвечал себе, что это, быть может, совсем не глупость, может, ему просто плевать, как пойдет дело — станет процветать или лопнет. Другое дело — я. Мне надо было зарабатывать на хлеб с маслом или джемом. И тут я снова вспомнил о проклятой банке из-под джема!

Я подробно рассказал Фреду обо всем. Сначала он удивился так же, как и я. А миссис Фред просто сидела и слушала, точь-в-точь нежная, снисходительная мамочка, любующаяся на двух своих малышей, которые пытаются пустить пыль в глаза. Меня это бесило, да еще как!

— Может быть, тут имеет значение температура, — предположил Фред, с хмурым видом встряхнув одну из трубочек. — Может, та, первая порция воды застоялась в кране и была нагретой или что-нибудь в этом роде?..

— Ну и что?

— А то, что попробуем растворить порошок в горячей воде и посмотрим, что получится.

— Ладно, только возьмем сосуд побольше. При условии, что тут действуют обычные законы, тепло ускорит реакцию, если здесь вообще происходит реакция... впрочем, я бы не стал биться об заклад, что она происходит...

В конце концов Фред, проявив недоступную мне широту натуры, предложил использовать ванну. Мне бы никогда не пришла в голову подобная мысль. А ему это представилось само собой разумеющимся. Мы налили полную ванну горячей воды, высыпали в нее целую трубочку порошка, вода порозовела, и мы почувствовали запах хвои. И все тут! Подождав немножко, разочарованный Фред стал предлагать один план за другим Нет ли у меня какого-нибудь старья, чтобы не жалко было бросить в ванну? Посмотрим, не станет ли оно поновей? У меня ничего такого не было, разве что собственная голова, но я предпочитал носить на плечах прежнюю, хотя и дырявую голову. Пусть лучше поищет у себя какую-нибудь рухлядь.

— Ничего такого у нас нет. А не попробовать ли нам жидкость из ванны на вкус?

Я без колебаний отверг это предложение. По правде говоря, мне и запах-то не очень нравился, а о том, чтобы взять эту воду в рот, не могло быть и речи.

Вода в ванне постепенно остывала, зато отношения наши все более накалялись. Фред было совсем собрался выдернуть затычку, произнеся при этом краткую речь, отнюдь не восхвалявшую мою предприимчивость. Миссис Фред стояла рядом с нами, наблюдая за опытом. Только я собрался проехать насчет ее мужа — я-де не заметил, чтобы он сам жаждал сделать глоток-другой, — как она вклинилась в наш разговор.

— Мне пришла в голову одна идея, — ласково сказала миссис Фред, и мы оба заткнулись. — Возможно, дедушка думал о втираниях, о лосьоне, жидкой мази или о чем-то в этом роде. Смесь пахнет, как дезинфицирующее средство...

— И что? — выдохнули мы разом.

— Я, пожалуй, сейчас приму ванну.

Что бы вы стали делать на нашем месте? Мы умоляли, бранились, спорили, протестовали. Разве что не применяли грубой силы. Нельзя же, в самом деле, насильно вытащить грациозную и прекрасную женщину из ее собственной ванной комнаты. Во всяком случае, я не мог себе этого позволить. Ее доводы были неоспоримы. Ванна наполнена теплой приятной водой. И в это время дня она всегда купается. Раствор хорошо пахнет, а ее милый дедушка никогда не придумал бы ничего, что может повредить людям, — в этом она уверена.

Услышав последнее утверждение, я чуть не взвыл. Дед-то был явно чокнутый, но как ей об этом скажешь?! Конечно, она настояла на своем. А мы потерпели поражение. Еще хуже было то, что нам пришлось убраться прочь. Нельзя же вести протокол опыта, когда совершенно очаровательная женщина принимает ванну, ведь правда? Научные исследования тоже имеют свои пределы, и в данном

случае мы до них дошли. Поэтому, все еще препираясь, мы неохотно вынуждены были отступить и предоставить миссис Фред ее собственной судьбе. Мы медленно спустились вниз.

— Фред, — сказал я в отчаянии, — давай-ка еще раз просмотрим записи в книге старого психа. Может, мы пропустили что-нибудь. Вдруг мы найдем отмычку?! Черт подери, он-то должен был знать, что к чему.

Только мы сошли с последней ступеньки, как Фред схватил меня за руку.

— Тихо! — скомандовал он. — Ты что-нибудь слышишь?

Я прислушался и, конечно, услышал.

— Похоже, что плачет ребенок!

— Плачет, — ухмыльнулся Фред. — Орет как зарезанный, словно...

Совершенно верно. Мы затаили дыхание. Нам обоим пришла в голову одна и та же мысль. Дом стоит в стороне от других, соседей поблизости нет, значит, плачущий младенец здесь... наверху. Значит, он в ванной!..

Когда Фред высаживал дверь, я отстал от него всего на один прыжок. О, я знаю, мне не следовало врываться в ванную, но я ринулся за ним и увидел, что в воде, ставшей теперь прозрачной как горный хрусталь, еле держится на ногах маленькая девочка девяти — ну, десяти месяцев от роду, не больше. Чтобы не упасть, она смертельной хваткой уцепилась за висячую мыльницу и яростно вопила. На миг Фред и я просто оцепенели. Потом он бросился к ванне и выхватил из нее малышку, а я закутал ее в полотенце. Следующий кадр я увидел совсем вблизи. Малышка сжала пальчики в кулачок и решительно заехала Фреду по носу — явно нарочно. После этого у меня не осталось сомнений.

— Ты думаешь то же, что и я?.. — бормотал Фред, пока мы спускались в гостиную. При этом он вел себя как заботливый папаша. — Ведь это... миссис Фред, да?

Мне пришлось согласиться.

— Похоже, в ванной же больше никого нет, я своими глазами видел... Невероятно, конечно, но...

Я пожал плечами. Младенец снова заорал.

— И что теперь делать?

— Понятия не имею! Давай попробуем опять заглянуть в эту проклятую книгу.

Только мы раскрыли ее, я понял, в чем наша ошибка. Скажите, если угодно, что сработало подсознание. Теперь я ясно увидел, что здесь написано не *rajuster*, а *rajeunir*. Обратившись к словарю, мы узнали, что это означает «омолаживать».

Я честил Фреда, он поносил меня, затем мы, объединившись, ополчились на дедушку и его отвратительный почерк. Теперь, когда разобрались, что к чему, стали понятнее и цифры. Дедушка и не думал утверждать, что потратил двадцать пять лет на совершенствование своего изобретения, как мы считали раньше. Он, оказывается, написал, что его состав отбрасывает предметы на двадцать пять лет назад или что-то в этом роде. Ну конечно! Я знал, что месяца через два миссис Фред собиралась отметить свой двадцать шестой день рождения.

Когда Фред понял, что все это значит, он чуть не поседел от горя.

И тут я вспомнил о составе *contrepoison*. Как человек предусмотрительный, я уже изготовил его. Противоядие состояло из порошков «А» и «С» с примесью обычной питьевой соды. Насколько я мог разобрать ужасный почерк деда, состав оказывал сильное воздействие на концентрацию ионов натрия в живых тканях. Итак, ключ у меня в руках.

Я торопливо объяснил это Фреду и убежал, бросив его с ребенком на руках. Вернувшись в свои меблированные комнаты, я заполнил таинственной смесью весь запас трубочек. Затем схватил такси и опять помчался к Фреду. Приближалась полночь. Я отсутствовал около двух часов,

и за это время Фред явно постарел. Впрочем, ничего удивительного здесь не было.

— Ты уверен, что это моя жена? — застонал он, показывая следы укусов и царапины на руках и лице. — У нее отвратительный характер!

Галстук его сбился к уху, волосы торчали во все стороны. Впервые в жизни он выглядел как муж, находящийся под башмаком у жены. Притом у жены-младенца!

— Может, она отвыкнет от дурных привычек, когда подрастет, — пошутил я.

Фред даже не улыбнулся. Мне тоже было не очень-то смешно. Мы поднялись наверх. Я пустил воду из крана, попробовав ее локтем — это я вычитал в романах, — и высыпал в ванну антидот. На этот раз вода помутнела, приобрела золотистый оттенок и слегка запахла йодом. Фред прижимал младенца к себе, он колебался. Я не осуждал его. Но что еще оставалось делать? Он развернул полотенце и на вытянутых руках опустил крошку в воду. Малютка отбивалась изо всех сил. Вдруг раздался всплеск и крик, который сразу же перешел в бульканье.

— Я уронил ее в воду! — завопил Фред, делая отчаянные попытки выудить ребенка. — Она утонет...

Я бросил полотенце, ринулся на помощь и тут же отпрянул: в ванне стояла миссис Фред и гневно глядела на нас. Такого выражения на ее лице я еще никогда не видел.

— Не смей тыкать меня в ребра! — взвизгнула она, стараясь отдышаться.

Вода стекала с ее спутавшихся волос. Мы так никогда и не узнали, как именно миссис Фред хотела нас обозвать, ибо в этот миг она сообразила, что стоит по колено в прозрачной воде совершенно голая. Она вся съежилась, покраснела с головы до пят и погрузилась в воду. Мы опрометью выскочили вон.

К тому времени, когда она появилась вновь, мокрая и взбешенная, мы о ней и думать забыли. Наконец-то мы разобрались, что означают проклятые цифры в книге; я

ведь уже говорил вам, что Фред — прирожденный математик. Он весь погрузился в эти причудливые каракули, что-то чиркая карандашом и непрерывно бормоча себе под нос. Результаты получились поразительные. Для удобства мы обозначили один состав знаком «минус», другой — знаком «плюс». Растворенные или нерастворенные, они действовали одинаково, хоть и разнонаправленно: отправляли на двадцать пять лет вперед или назад. Но если их соединить, то...

— Мы добьемся заданного сдвига во времени, понимаешь? — Фред прямо искрился энтузиазмом, и на этот раз я разделял его чувства. — Если подобрать правильные пропорции для смеси порошков, можно будет отодвигать время на любой срок в пределах двадцати пяти лет.

Тут-то на нас обрушилась мечущая грома и молнии миссис Фред.

— Вот два придурка! — бушевала она. — Я могла утонуть, а вам все трын-трава...

Меня поразило, как изменился ее нрав. Фред был слишком поглощен делом и не заметил этого.

— Хватит! — резко оборвал он ее. — Лучше пошевели мозгами. Подыщи несколько однотипных предметов, чтобы срок их изготовления был известен. Но он должен быть разным. Займись-ка этим побыстрее.

Фред превзошел Цезаря, отдающего приказы: она стала покорной, как овца, ушла и принесла то, что нужно, раньше, чем я сообразил, чего он хочет. Однотипные предметы, изготовленные в разное, но точно известное время?.. Я и за тысячу лет не додумался бы, что же взять, а она за десять минут разыскала кучу старых газет, начиная со вчерашней и кончая выпуском трехмесячной давности. Потом мы вынули из серванта редчайший старинный хрусталь. Это были фамильные вещи, доставшиеся по наследству: можно гарантировать, что они не растворятся в воздухе.

Мы стали взвешивать и отмерять в хрустальные сосуды

небольшие дозы порошка, а затем торжественно налили туда чистую водопроводную воду. Если бы кто-нибудь застал нас за этим занятием, нас бы тут же, без всяких разговоров, отправили в желтый дом. Но все это были пустяки. Главное началось, когда мы опустили вырезку из самой старой газеты в самый сильный раствор. Вода порозовела, потом сделалась прозрачной, и вырезки не стало. Дружно, затаив дыхание, мы вручили Фреду другую вырезку из той же газеты, чтобы он опустил ее в следующий раствор. Бумага уцелела, зато напечатанный на ней текст полностью исчез!

— Это уже само по себе кое-чего стоит! — заулыбался Фред. Мы с облегчением перевели дух, а миссис Фред с тревогой схватилась за свое вышитое полотенце. — Во всяком случае, до сих пор надежного отбеливателя для типографской краски не существовало. Так! Пошли дальше!..

Что мы и сделали.

К рассвету у нас уже были два пригодных для наших целей раствора. Один омолаживал любой предмет на неделю, другой — на месяц. Глаза у нас воспалились, ноги подгибались от усталости, но мы торжествовали победу. Добились-таки своего!

Но чего именно? Когда я начал раздумывать об этом, меня одолели сомнения.

— Ну и на что же они годятся, эти растворы? — спросил я Фреда.

Он улыбнулся до ушей и торжествуя заявил с видом победителя:

— Косметика! Представь себе крем для лица, содержащий наш обновитель. Стоит только намазаться — и женщина молодеет на месяц. Конечно, результаты скажутся не сразу, а постепенно... понял?

Я понял. Чем больше я думал, тем больше мне все это нравилось. В голове у меня уже родился план рекламной кампании для распространения нового средства. Неясно было одно: как уговорить фармацевтов проверить, доста-

точно ли безвредно это вещество. Но тут ледяным тоном заговорила миссис Фред.

— Фред! Ты дурак. Я это всегда подозревала. А теперь знаю наверняка. Кожа школьницы? Велика радость! Могу вас заверить: у школьницы нос блестит, и все лицо в прыщах. Я-то знаю — сама была такой. Вы до того заморочены рекламой, что сами в нее поверили. А дедушкин порошок — настоящий, это не выдумка коммивояжера...

— Ладно, — раздраженно сказал я. — Какая же гениальная идея пришла вам в голову? Тонизирующее вещество? Или соль для ванной?

Разумеется, мне не следовало упоминать об этом. Я раскаялся в своей ошибке, еще не успев закончить фразу. И целых десять минут каялся, пока миссис Фред объясняла, что я такой, кем я был, кто я сейчас и коротко — чем я кончу. При этом она ни разу не перевела дыхания. Наконец с надменным видом она торжественно заявила:

— Это ведь обновитель, не так ли? Ну, вот и продавайте его в таком качестве. Смешивайте его с моющим средством и рекламируйте как состав, который придает старым автомашинам, линолеуму и потускневшим краскам первозаданный вид. Они будут выглядеть как новые. Ясно?

Разумеется, мы сделали все, что нам сказали. С той великой минуты прошло лишь два месяца, а порошок «Обновитель» уже расходуется вовсю. И это вполне понятно — он действительно делает старые вещи новыми или по крайней мере придает им такой вид. Мы, конечно, снабдили его ярлыком с инструкцией покупателям: использовать только для обновления старых вещей. Кроме того, мы решились пустить в продажу лишь «одномесячный состав». Сейчас Фред обдумывает, как бы внедрить наше средство в некоторые отрасли промышленности. Это не так-то легко. Когда время отодвигается назад, возникает множество осложнений.

О чем это я?.. Ах да, погодите минутку, звонит телефон!

Так я и знал. Так и знал. Звонил Фред. Сказал, что контору завалили гневными рекламациями. Например, одна покупательница вымыла «Обновителем» свой новый линолеум — его больше не существует. Другой покупатель обработал им новый автомобиль, только с конвейера, — теперь он владелец бесформенной груды металла. Несколько женщин разводили состав в ведрах, и эти ведра постигла участь моей банки из-под джема. В наши дни товары так быстро попадают в магазины!

И это только начало! Жалоб будет больше, уверяю вас. Знаете, что я сейчас сделаю? Приму ванну, но не простую. Ведь несовершеннолетним нельзя предъявлять иски, не так ли?

Боб Шоу
СВЕТ БЫЛОГО

Деревня осталась позади, и вскоре крутые петли шоссе привели нас в край медленного стекла.

Мне ни разу не приходилось бывать на таких фермах, и вначале они показались мне жутковатыми, а воображение и обстоятельства еще усиливали это впечатление. Турбодвигатель нашей машины работал ровно и бесшумно, не нарушая безмолвия сыроватого воздуха, и мы неслись по серпантину шоссе, среди сверхъестественной тишины. Справа, по горным склонам, обрамлявшим немислимо красивую долину, в темной зелени могучих сосен, вбирая свет, стояли огромные рамы с листами медленного стекла. Лучи вечернего солнца порою вспыхивали на растяжках, и казалось, будто там кто-то ходит. Но на самом деле вокруг было полное безлюдье. Ряды этих окон годами стояли на склонах над долиной, и люди приходили протирать их только изредка в глухие часы ночи, когда ненасытное стекло не могло запечатлеть их присутствия.

Зрелище было завораживающее, но ни я, ни Селина ничего о нем не сказали. Мне кажется, мы ненавидели друг друга с таким неистовством, что не хотелось портить новые впечатления, бросая их в водоворот наших эмоций. Я все острее ощущал, что мы напрасно затеяли эту поездку. Прежде я полагал, что нам достаточно будет немного отдохнуть, и все встанет на свое место. И вот мы отправились путешествовать. Но ведь в положении Селины это ничего не меняло, и (что было еще хуже) беременность продолжала нервировать ее.

Пытаясь найти оправдание тому, что ее беременность так вывела нас из равновесия, мы говорили все, что обычно

говорят в таких случаях: нам, конечно, очень хочется иметь детей, но только позже, в более подходящее время. Ведь Селина из-за этого должна была оставить хорошо оплачиваемую работу, а вместе с ее заработком мы лишились и нового дома, который совсем было собрались купить, — приобрести его на то, что я получал за свои стихи, было, разумеется, невозможно. Однако в действительности наше раздражение объяснялось тем, что нам против воли пришлось осознать следующую неприятную истину: тот, кто говорит, что хочет иметь детей, но только позже, на самом деле совсем не хочет ими обзаводиться — ни теперь, ни после. И нас бесило сознание, что мы попали в извечную биологическую ловушку, хотя всегда считали себя особенными и неповторимыми.

Шоссе продолжало петлять по южным склонам Бенкрейчена, и время от времени впереди на мгновение открывались далекие серые просторы Атлантического океана. Я притормозил, чтобы спокойно полюбоваться этой картиной, и тут увидел прибитую к столбу доску. Надпись на ней гласила: «Медленное стекло. Качество высокое, цены низкие. Дж. Р. Хейген». Подчинившись внезапному побуждению, я остановил машину у обочины. Жесткие стебли травы царапнули по дверце, и я сердито поморщился.

— Почему ты остановился? — спросила Селина, удивленно повернув ко мне лицо, обрамленное платиновыми волосами.

— Погляди на это объявление. Давай сходим туда и посмотрим. Вряд ли в такой глуши за стекло просят особенно дорого.

Селина возразила насмешливо и зло, но меня так захватила эта мысль, что я не стал слушать. У меня было нелепое ощущение, что нам нужно сделать что-то безрассудное и неожиданное. И тогда все утрясется само собой.

— Пошли, — сказал я. — Нам полезно размять ноги. Мы слишком долго сидели в машине.

Селина так пожала плечами, что у меня на душе сразу

стало скверно, и вышла из машины. Мы начали подниматься по крутой тропе, по вырезанным в склоне ступенькам, которые были укреплены колышками. Некоторое время тропа вилась между деревьями, а потом мы увидели одноэтажный каменный домик. Позади него стояли высокие рамы с медленным стеклом, повернутые к великолепному отрогу, отражающемуся в водах Лох-Линна. Почти все стекла были абсолютно прозрачны, но некоторые казались панелями отполированного черного дерева.

Когда мы вошли в аккуратно вымощенный двор, нам помахал рукой высокий пожилой мужчина в сером комбинезоне. Он сидел на низкой изгороди, курил трубку и смотрел на дом. Там у окна стояла молодая женщина в оранжевом платье, держа на руках маленького мальчика. Но она тут же равнодушно повернулась и скрылась в глубине комнаты.

— Мистер Хейген? — спросил я, когда мужчина слез с изгороди.

— Он самый. Интересуетесь стеклом? Тогда лучше места вам не найти. — Хейген говорил деловито, с интонациями и легким акцентом шотландского горца. У него было невозмутимо унылое лицо, какие часто встречаются у пожилых землекопов и философов.

— Да, — сказал я. — Мы путешествуем и прочли ваше объявление.

Селина, хотя обычно она легко заговаривает с незнакомыми людьми, ничего не сказала. Она смотрела на окно, теперь пустое, с легким недоумением — во всяком случае, так мне показалось.

— Вы ведь из Лондона? Ну, как я сказал, лучшего места вы выбрать не могли, да и времени тоже. Сезон еще не начался, и нас с женой в это время года мало кто навещает.

Я рассмеялся.

— То есть мы сможем купить небольшое стекло, не заложив последнюю рубашку?

— Ну вот! — сказал Хейген с виноватой улыбкой. —

Опять я сам все испортил! Роза, то есть моя жена, говорит, что я никогда не научусь торговать. Но все-таки садитесь и потолкуем, — он указал на изгородь, а потом с сомнением поглядел на отглаженную голубую юбку Селины и добавил: — Погодите, я сейчас принесу коврик.

Хейген, прихрамывая, вошел в дом и закрыл за собой дверь.

— Может быть, нам и незачем было забираться сюда, — шепнул я Селине, — но ты все-таки могла бы держаться с ним полюбезнее. По-моему, мы можем рассчитывать на выгодную покупку.

— Держи карман шире, — ответила она с нарочитой вульгарностью. — Даже ты мог бы заметить, в каком до- историческом платье расхаживает его жена. Он не станет благодетельствовать незнакомых людей.

— А это была его жена?

— Конечно, это была его жена.

— Ну-ну, — сказал я с удивлением. — Только ты все равно постарайся быть вежливой. Не ставь меня в глупое положение.

Селина презрительно фыркнула. Но когда Хейген вышел из дома, она очаровательно улыбнулась, и меня немного отпустило. Странная вещь — мужчина может любить женщину и в то же время от души желать, чтобы она попала под поезд.

Хейген расстелил плед на изгороди, и мы сели, чувствуя себя несколько неловко в этой классической сельской позе.

Далеко внизу, за рамами с бессонным медленным стеклом, веторопливый пароходик чертил белую полосу по зеркалу озера.

Буйный горный воздух словно сам рвался в наши легкие, перенасыщая их кислородом.

— Кое-кто из тех, кто растит здесь стекло, — начал Хейген, — расписывает приезжим вроде вас, до чего красива осень в этой части Аргайла. Или там весна, или зима. А я обхожусь без этого — ведь любой дурак знает, что мес-

то, которое летом некрасиво, никогда не бывает красивым. Как, по-вашему?

Я послушно кивнул.

— Вы просто хорошеенько поглядите на озеро, мистер...

— Гарленд.

— ...Гарленд. Вот что вы купите, если вы купите мое стекло. И красивее, чем сейчас, оно не бывает. Стекло в полной фазе, толщина не меньше десяти лет, и полуметровое окно обойдется вам в двести фунтов.

— Двести фунтов! — Селина была возмущена. — Даже в магазине пейзажных окон на Бонд-стрит стекла не стоят так дорого.

Хейген улыбнулся терпеливой улыбкой, а затем внимательно посмотрел на меня, проверяя, достаточно ли я разбираюсь в медленном стекле, чтобы в полной мере оценить его слова. Сумма, которую он назвал, была гораздо больше, чем я ожидал, но ведь речь шла о десятилетнем стекле! Дешевое стекло в магазинчиках вроде «Панорамплекса» или «Стекландшафта» — это самое обычное полуторасантиметровое стекло с накладной пластинкой медленного стекла, которой хватает на год, а то и всего на десять месяцев.

— Ты не поняла, дорогая, — сказал я, уже твердо решив купить. — Это стекло сохранится десять лет, и оно в полной фазе.

— Но ведь «в фазе» значит только, что оно соответствует данному времени?

Хейген снова улыбнулся ей, понимая, что меня ему убеждать больше незачем.

— Только! Простите, миссис Гарленд, но вы, по-видимому, не отдаете себе отчета, какая чудесная, в буквальном смысле слова чудесная, точность нужна для создания стекла в полной фазе. Когда я говорю, что стекло имеет толщину в десять лет, это означает, что свету требуется десять лет, чтобы пройти сквозь него. Другими словами, каждое из этих стекол имеет толщину в десять световых лет, а это вдвое больше расстояния до ближайшей звезды. Вот поче-

му уклонение в реальной толщине на одну миллионную долю сантиметра приводит... — он вдруг замолчал, глядя в сторону дома. Я отвернулся от озера и снова увидел в окне молодую женщину. В глазах Хейгена я заметил жадную тоску, которая смутила меня и одновременно убедила, что Селина ошиблась. Насколько мне известно, мужья никогда так не смотрят на жен — во всяком случае, на своих собственных.

Молодая женщина оставалась у окна лишь несколько секунд, а затем теплое оранжевое пятно снова исчезло в глубине комнаты. Внезапно у меня, не знаю почему, возникло совершенно четкое ощущение, что она слепа. Повидимому, мы с Селиной случайно стали свидетелями эмоциональной ситуации, столь же напряженной, как наша собственная.

— Извините, — сказал Хейген, — мне показалось, что Роза меня зовет. Так на чем я остановился, миссис Гарленд? Десять световых лет, сжатые в половину сантиметра, неминуемо...

Я перестал слушать, отчасти потому, что твердо решил купить стекло, а отчасти потому, что уже много раз слышал объяснения свойств медленного стекла — и все равно никак не мог понять его принципа. Один мой знакомый физик как-то посоветовал мне для наглядности представить себе лист медленного стекла как голограмму, которой для воссоздания визуальной информации не требуется лазерного луча и в которой каждый фотон обычного света проходит сквозь спиральную трубку, лежащую вне радиуса захвата любого из атомов стекла. Эта, на мой взгляд, жемчужина неудобопонимаемости не только ничего мне не объяснила, но и еще сильнее убедила меня в том, что человеку, столь мало склонному к технике, как я, следует интересоваться не причинами, а лишь результатами.

Наиболее же важный результат, на взгляд среднего человека, заключался в том, что свету, чтобы пройти сквозь

лист медленного стекла, требовался большой срок. Новые листы были всегда угольно-черными, потому что ни единый луч света еще не прошел сквозь них. Но когда такое стекло ставили, например, возле лесного озера, это озеро в нем появлялось. И если затем стекло вставлялось в окно городской квартиры где-нибудь в промышленном районе, то в течение года из этого окна словно открывался вид на лесное озеро. И это была не просто реалистичная, но неподвижная картина — нет, по воде, блестя на солнце, бежала рябь, животные бесшумно приходили на водопой, по небу пролетали птицы, ночь сменяла день, одно время года сменяло другое. А через год красота, задержанная в субатомных каналах, исчерпывалась, и в раме возникала знакомая серая улица.

Коммерческий успех медленного стекла объяснялся не только его новизной, но и тем, что оно создавало полную эмоциональную иллюзию, будто все это принадлежит тебе. Ведь владелец ухоженных садов и вековых парков не занимается тем, что ползает по своей земле, щупая и нюхая ее. Он воспринимает ее как определенное сочетание световых лучей; с изобретением медленного стекла появилась возможность переносить эти сочетания в угольные шахты, подводные лодки, тюремные камеры.

Несколько раз я пытался выразить в стихах свое восприятие этого волшебного кристалла, но для меня эта тема исполнена такой глубочайшей поэзии, что, как ни парадоксально, воплотить ее в стихи невозможно. Во всяком случае, мне это не по силам. К тому же все лучшие песни и стихотворения об этом уже написаны людьми, которые умерли задолго до изобретения медленного стекла. Например, ведь не мог же я превзойти Мура * с его

Когда, не зная сна, лежу
В плену безмолвия ночного,
Я счастье давнее бужу,
И мне сияет свет былого.

---

* Томас Мур (1779—1852) — известный ирландский поэт.

Потребовалось всего несколько лет, чтобы медленное стекло из технической диковинки превратилось в товар широкого потребления. И к большому удивлению поэтов — то есть тех из нас, кто верит, что красота живет, хоть розы увядают, — став товаром, медленное стекло приобрело все свойства товара. Появились хорошие стекландшафты, которые стоили очень дорого, и стекландшафты похуже, которые стоили много дешевле. Цена в первую очередь определялась толщиной, измеряемой годами, но значительную роль при ее установлении играла и реальная толщина, или фаза.

Даже самое сложное и новейшее оборудование не могло обеспечить постоянного достижения точно заданной толщины. Грубое расхождение означало, что лист стекла, рассчитанный на пятилетнюю толщину, на самом деле получал толщину в пять лет с половиной, так что свет, попадавший в стекло летом, покидал его зимой. Не столь грубая ошибка могла привести к тому, что полуденное солнечное сияние загоралось в стекле в полночь. В таких несоответствиях была своя прелесть — многим из тех, кто работает по ночам, например, нравилось существовать в своем собственном времени — но, как правило, стекландшафты, которые точнее соответствовали реальному времени, стоили дороже.

Хейген замолчал, так и не убедив Селину. Она чуть заметно покачала головой, и я понял, что он не нашел к ней правильного подхода. Внезапно платиновый шлем ее волос всколыхнулся от удара холодного ветра, и с почти безоблачного неба на нас обрушились крупные прозрачные капли дождя.

— Я оставляю вам чек, — сказала резко, и зеленые глаза Селины сердито сфокусировались на моем лице. — Вы сможете переслать стекло мне?

— Переслать-то нетрудно, — сказал Хейген, соскользнув с изгороди. — Но может, вам будет приятнее взять его с собой?

— Да, конечно, если это не доставит вам хлопот, — я был пристыжен его безоговорочной готовностью принять мой чек.

— Я пойду выну для вас лист. Подождите здесь. Я сейчас, вот только вставлю его в раму для перевозки.

Хейген зашагал вниз по склону к цепочке окон — в некоторых из них виднелось озеро, залитое солнцем, в других над озером клубился туман, а два-три были совершенно черными.

Селина стянула у горла воротник блузки.

— Он мог хотя бы пригласить нас в дом! Уж если к нему завернул идиот, он мог бы быть полюбезнее.

Я пропустил эту шпильку мимо ушей и начал заполнять чек. Огромная капля упала мне на палец и брызги разлетелись по розовой бумаге.

— Ну, ладно, — сказал я. — Постоим на крыльце, пока он не вернется.

«Крыса, — думал я, чувствуя, что все получилось совсем не так. — Да, конечно, я был идиотом, раз женился на тебе... Призовым идиотом, идиотом из идиотов... А теперь, когда ты носишь в себе частицу меня, мне уже никогда, никогда, никогда не вырваться».

Чувствуя, как внутри меня все сжимается, я бежал рядом с Селиной к домику. Чистенькая комнатка за окном. где топился камин, была пуста, но на полу валялись в беспорядке детские игрушки. Кубики с буквами и маленькая тачка цвета очищенной моркови. Пока я смотрел, в комнату вбежал мальчик и принялся ногами расшвыривать кубики. Нас он не заметил. Несколько секунд спустя в комнату вошла молодая женщина и подхватила мальчика на руки, весело смеясь. Она, как и раньше, подошла к окну. Я смущенно улыбнулся, но ни она, ни мальчик не ответили на мою улыбку.

У меня по коже пробежали мурашки. Неужели они оба слепы? Я тихонько понялся.

Селина вскрикнула. Я обернулся к ней.

— Коврик! — сказала она. — Он намокнет.

Перебежав двор под дождем, она сдернула с изгороди рыжеватый плед и побежала назад, прямо к двери дома. Что-то конвульсивно всколыхнулось у меня в подсознании.

— Селина! — закричал я. — Не входи туда!

Но я опоздал. Она распахнула деревянную дверь, заглянула внутрь и остановилась, прижав ладонь ко рту. Я подошел к ней и взял плед из ее безвольно разжавшихся пальцев.

Закрывая дверь, я обвел взглядом внутренность домика. Чистенькая комната, в которой я только что видел женщину с ребенком, была заставлена колченогой мебелью, завалена старыми газетами, рваной одеждой, грязной посудой. В комнате стояла сырая вонь, и в ней никого не было. Единственный предмет, который я узнал, была маленькая тачка — сломанная, с облупившейся краской.

Я закрыл дверь на щеколду и приказал себе забыть то, что я видел. Некоторые мужчины содержат дом в порядке и когда живут одни. Другие этого не умеют.

Лицо Селины было белым как полотно.

— Я не понимаю... не понимаю...

— Медленное стекло, но двухстороннее, — сказал я мягко. — Свет проходит через него и в дом и из дома.

— Ты думаешь?..

— Не знаю. Нас это не касается. А теперь возьми себя в руки. Вон идет Хейген со стеклом. — Судорога ненависти, сжимавшая мои внутренности, вдруг исчезла.

Хейген вошел во двор, держа под мышкой прямоугольную раму, запакованную в клеенку. Я протянул ему чек, но он глядел на Селину. Он, по-видимому, сразу понял, что наши бесчувственные пальцы рылись в его душе. Селина отвела взгляд. Она вдруг стала старой и некрасивой и упрямо всматривалась в горизонт.

— Позвольте взять у вас коврик, мистер Гарленд, — сказал, наконец, Хейген. — Вы напрасно затруднялись.

— Ничего. Вот чек.

— Благодарю вас.— Он все еще смотрел на Селину со странным выражением мольбы.— Спасибо за покупку.

— Спасибо вам,— ответил я такой же стереотипной фразой, с той же бессмысленной вежливостью.

Я взял тяжелую раму и повел Селину к тропе, по которой нам предстояло спуститься на шоссе. Когда мы добрались до первой смоченной дождем и скользкой ступеньки, Хейген окликнул меня:

— Мистер Гарленд!

Я неохотно оглянулся.

— Я ни в чем не виноват, — сказал он ровным голосом. — Их обоих сшиб грузовик на шоссе шесть лет назад. Шофер был пьян. Моему сыну только исполнилось семь. Я имею право сохранить хоть что-то.

Я молча кивнул и начал спускаться по лестнице, крепко обнимая жену, радуясь ощущению ее руки у меня на плече. Перед поворотом я оглянулся и за струями дождя заметил, что Хейген, сутулившись, сидит на изгороди там, где мы увидели его, когда вошли во двор.

Он смотрел в сторону дома, но я не мог различить, виднеется ли что-нибудь в окне.

ИСТОЧНИКИ

- A. Clarke, «The Cruel Sky» из кн. A. Clarke «The Wind from the Sun», Lnd, 1972.
- I. Asimov, «Mirror Image» из журн. «Analog», May, 1972.
- Ц. Родев, «Ръкописът на Клитарх» из журн. «Наука и техника за младежта», 1964 № 5.
- Ray Russel, «A Most Miraculous Organ» из журн. «Playboy», vol. 13, № 11, 1966.
- K. Vonnegut, jr., «The Euphio Question» из кн. K. Vonnegut «Welcome to the Monkey House».
- J. A. Zajdel, «Tam i z powrotem» из журн. «Mlody Technik».
- D. Wandrei, «Strange Harvest» из кн. «Worlds of Tomorrow» ed. by August Derleth.
- J. Pierce, «Invariant» из журн. «The Astounding Science Fiction Anthology», New York, 1952.
- L. Tushnet, «A Practical Invention» из журн. «Fantasy and Science Fiction», July, 1972.
- Cl. Cheinisse, «Conflit de lois» из кн. «Voyages dans l'ailleurs choisis et présentés par A. Doremiéux», P., 1971.
- R. Scott, «The Big Connection» из кн. «Nova 1» ed. by H. Harrison, New York, 1970.
- R. Dahl, «The Sound Machine» из сб. «Timeless Stories for Today and Tomorrow» ed. by R. Bradbury, New York, 1961.
- A. Alvarez Villar, «Toreo teledirigido» из кн. «Antologia de novelas de anticipación», Barcelona, 1967.
- J. Rackham, «Nulook» из журн. «Science Fantasy», 1959, № 34.
- Bob Shaw, «Light of Other Days» из кн. «SF 12» ed. by Judith Merril, New York, 1968.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Брандис, В. Кан. Фантасты изобретают	5
А. Кларк. БЕЗЖАЛОСТНОЕ НЕБО. <i>Перевод с английского И. Гуровой</i>	19
А. Азимов. ЗЕРКАЛЬНОЕ ОТРАЖЕНИЕ. <i>Перевод с английского И. Гуровой</i>	42
Ц. Родев. РУКОПИСЬ КЛИТАРХА. <i>Перевод с болгарского Э. Бобырь</i>	61
Г. Рассел. ОШИБКА ПРОФЕССОРА ФЭЙРБЕНКА. <i>Перевод с английского О. Касимова</i>	91
К. Воннегут. КАК БЫТЬ С «ЭИФИ»? <i>Перевод с английского К. Сенина</i>	103
Я. Зайдель. ТУДА И ОБРАТНО. <i>Перевод с польского Е. Вайсброта</i>	123
Д. Уондрия. СТРАННАЯ ЖАТВА. <i>Перевод с английского К. Булычева</i>	132
Дж. Пирс. ИНВАРИАНТНЫЙ. <i>Перевод с английского В. Кана</i>	161
Л. Ташнет. ПРАКТИЧНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ. <i>Перевод с английского И. Гуровой</i>	168
К. Шейнисс. КОНФЛИКТ МЕЖДУ ЗАКОНАМИ. <i>Перевод с французского И. Шаталова</i>	179
Р. Скотт. КОРОТКОЕ ЗАМЫКАНИЕ. <i>Перевод с английского Н. Колпакова</i>	188
Р. Даль. ЗВУКОВАЯ МАШИНА. <i>Перевод с английского Э. Бобырь</i>	209
А. Альварес Вильяр. ТЕЛЕУПРАВЛЯЕМАЯ КОРРИДА. <i>Перевод с испанского Р. Рыбкина</i>	223
Дж. Рэкхем. ОБНОВИТЕЛЬ. <i>Перевод с английского В. Голанта</i>	231
Б. Шоу. СВЕТ ВЫЛОГО. <i>Перевод с английского И. Гуровой</i>	249
Источники	260

ПРАКТИЧНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

Редактор Е. Г. Ванслова
Художник Ф. Инфанте
Художественный редактор Ю. Л. Максимов
Технический редактор Е. Н. Лебедева
Корректор С. А. Денисова

Сдано в набор 4/VII 1973 г. Подписано к печати 27/XII 1973 г. Бумага тип. № 2
70×108^{1/2}—4,13 б. л. 11,55 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 11,73. Изд. № 1217243. Цена 60 коп.
Зак. 540

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ярославский полиграфкомбинат «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Ярославль, ул. Свободы, 97.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

«М И Р»

*В 1973 году в серии
„Зарубежная фантастика“
вышли следующие книги:*

Ст. Лем. СОЛЯРИС. ЭДЕМ.
Пер. с польск. 21 л.

НЕЖДАННО-НЕГАДАННО.
Сб. научно-фантаст. рассказов. 14 л.

Э. Рассел НИТОЧКА К СЕРДЦУ.
Пер. с англ. 14 л.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

«МИР»

*В 1974 году в серии
„Зарубежная фантастика“
выходят следующие книги:*

«СИМПОЗИУМ МЫСЛЕЛЕТЧИКОВ».

Сб. научно-фантаст. рассказов. Пер. с польск.
12 л.

Ф. Браун, У. Тенн. «ЗВЕЗДНАЯ КАРУСЕЛЬ».

Пер. с англ. 13 л.

ЗАРУБЕЖНАЯ
ФАНТАСТИКА

60 коп.

ПРАКТИЧНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

